

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Чечнёв Яков Дмитриевич

**УРБАНИЗМ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОЗЫ К. К. ВАГИНОВА:
«ГАРПАГОНИАНА» КАК РОМАН О ГОРОДЕ ЭПОХИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 — Русская литература

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

заведующая Отделом рукописей

ИМЛИ РАН

Д. С. Московская

Москва

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. УРБАНИЗМ ЛИРИКИ И РОМАНОВ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА ДО «ГАРПАГОНИАНЫ».....	27
§ 1. Образ города в лирике Вагинова 1920-х гг.	31
§ 2. Образ города в «Козлиной песни»	41
§ 3. Город в «Трудах и днях Свистонова».....	60
§ 4. «Бамбочада». Фантастический город.....	63
ГЛАВА 2. ОБРАЗ ГОРОДА В «ГАРПАГОНИАНЕ».....	73
§ 1. Социалистическая перестройка Ленинграда. Определение миссии города в литературе и периодике первой половины 1930-х гг.	73
§ 2. Творческая история «Гарпагоонианы»	80
§ 3. Город в «Гарпагоониане».....	91
ГЛАВА 3. «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В «ГАРПАГОНИАНЕ»)	114
§ 1. Двойники	116
§ 2. Бандит.....	122
§ 3. Пьяница.....	130
§ 4. Коллекционеры и систематизаторы.....	139
§ 5. Сновидец.....	146
§ 6. Молодящийся	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
БИБЛИОГРАФИЯ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

При жизни Константин Константинович Вагинов (1899-1934) опубликовал три сборника стихотворений («Путешествие в хаос», 1921; «Стихотворения», 1926; «Опыты соединения слов посредством ритма», 1931) и три романа («Козлиная песнь», 1928; «Труды и дни Свистонова», 1929; «Бамбочада», 1931). Его прозаические произведения тяжело проходили цензуру: к первому роману («Козлиная песнь») проявили интерес агенты ОГПУ¹, второй («Труды и дни Свистонова») был изъят из массовых библиотек как «малосодержательная» и «никчемная книга»², третий («Бамбочада») заклеен как «ущербное произведение» наряду с повестью А. П. Платонова «Впрок»³. Четвертый роман, «Гарпагопиана» (1933), до советского читателя так и не дошел. Опубликованные при жизни Вагинова лирика и Вагинова-прозаика произведения не стали популярными у широкого читателя. Писатель тяготился периферийным положением в литературном процессе, сетовал на отсутствие своих книг на полках в письмах к Н. К. Чуковскому⁴.

Советские критики считали, что Вагинов воспринимал действительность реакционно и враждебно. Писателя наряду с Б. А. Пильняком, Вс. В. Ивановым, А. Лугиным (А. Э. Беленсоном) называли порнографом⁵, видели в его произведениях реакционность⁶ и идеологическую беспечность⁷,

¹ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917-1999: Индекс советской цензуры с комментариями / Блюм А. В.; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб., 2003. С. 60.

² Красный библиотекарь. 1929. № 5-6. С. 158.

³ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов... С. 61.

⁴ «Очень рад, что книга твоя в наборе. Твоя книга, Берзина, Куклина имеются в санаторной библиотеке. Тихонов, Слонимский, Спасский, Сорокин, а мои точно черт слизнул. Ни одной нигде нет» (Чуковский Н. К., Чуковская М. Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских / [сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой; подгот. текста Е. В. Ивановой, М. Д. Чуковской; коммент. Е. В. Ивановой, А. Л. Дмитренко, П. Ф. Успенского]. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2015. С. 571).

⁵ Майзель М. Порнография в современной литературе // Голоса против. — Л., 1928. С. 150-151.

⁶ Селивановский А. Островитяне искусства // Селивановский А. В литературных боях. — М., 1959. С. 126-130.

⁷ Гоффеншефер В. К. Вагинов. Козлиная песнь // Молодая гвардия. 1928. № 12. С. 203-204.

критиковали за «рецидивы религиозных настроений»⁸. На дискуссии о творческом методе поэзии в Ленинградском отделении Союза советских писателей, которая проходила с 16 августа по 4 сентября 1931 года, С. А. Малахов предъявил Вагинову обвинения в формализме, уходе от действительности и нарочитом ее искажении, в разрыве с темами современности, во фрагментарности сознания, неприятии мира пролетарской диктатуры, в представлении интересов буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, а также в отсутствии здравого смысла⁹.

После смерти Вагинова в 1934 году от туберкулеза попытки издания его произведений предпринимались в 1960-е гг. М. Б. Мейлахом и Т. Л. Никольской. Исследователи мотивировали это необходимостью реконструировать реальный литературный процесс 1920-1930-х гг. Разыскания Д. С. Московской¹⁰ показали, что в 1967 году редакция «Литературного наследства» проявила интерес к писателям так называемого второго ряда, вытесненным идеологической критикой 1930-х гг. на периферию литературного процесса и забытым официальной наукой о литературе, и обратилась с просьбой к Т. Л. Никольской предоставить материалы для 93 тома, который должен был быть посвящен истории советской литературы 1920-1930-х годов. Никольской (совместно с М. Б. Мейлахом) к публикации были предложены поэмы и стихотворения А. И. Введенского, малая проза Л. И. Добычина, сборник стихотворений Вагинова «Звукоподобие» и фрагменты из последнего романа писателя «Гарпагониана». В конце концов, после длительного рассмотрения заявки, «Литературное наследство» все же отказалось от их публикации. Таким образом, шанс для появления первой публикации «Гарпагонианы» Конст. Вагинова на родине был упущен. Заполнение лакун в представлении литературного процесса первых пореволюционных десятилетий в советской

⁸ *Медынский Г. А.* Религиозные влияния в русской литературе: очерки из истории русской художественной литературы XIX и XX в.; Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. — Москва: Гос. антирелигиозное изд-во, 1933. С. 180.

⁹ *Малахов С.* Лирика как орудие классовой борьбы (о крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда) // Звезда. 1931. № 9. С. 161-166, 176.

¹⁰ *Московская Д. С.* Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296-333.

России взяли на себя зарубежные издательства и исследования. В 1982 году в Германии была сделана попытка собрать первое полное издание стихотворений Вагинова¹¹. В 1983 году в Америке был впервые с многочисленными опечатками, в том числе в названии, опубликован последний роман писателя «Гарпагониана»¹². И лишь с началом перестройки в СССР в 1989 году впервые увидел свет сборник с тремя романами писателя¹³, где составителем выступила его — Александра Ивановна Вагинова, а вступительную статью подготовила ленинградский историк литературы Т. Л. Никольская.

Когда политические и идеологические препоны исчезли, и гуманитарная наука переживала то, что, по меткому слову Н. В. Корниенко, было названо архивной революцией, начался настоящий бум исследовательского интереса к наследию Вагинова. В 1991 году вышло два собрания романов писателя: в издательстве «Художественная литература»¹⁴ (серия «Забытая книга») и «Современник»¹⁵.

Наконец, в 1999 году к столетию со дня рождения писателя выходит его «Полное собрание сочинений в прозе»¹⁶, включающее, помимо четырех романов, ранние произведения, критические заметки, записные книжки, фрагменты ранних редакций романов.

Не угасает интерес к Вагинову и за рубежом. В 1992 году в Германии издали собрание стихотворений писателя¹⁷, роман «Труды и дни Свистонова»¹⁸. В 1999 же году на немецком языке выходит третий роман Вагинова «Бамбочада»¹⁹.

¹¹ Вагинов К. К. Собрание стихотворений / Сост., послесл. и прим. Л.Черткова; предисл. В. Казака. — Munchen, 1982.

¹² Вагинов К. К. Гарпагониада. — Ann Arbor: Ardis, 1983.

¹³ Вагинов К. К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада / Сост. А. Вагиновой; Подгот. текста, вступ. статья Т. Никольской. — М.: Худож. лит., 1989.

¹⁴ Вагинов К. К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада; Гарпагониана / Сост. А. Вагиновой; Вступ. статья Т. Никольской; Подгот. текста Т. Никольской и В. Эрля. — М.: Худож. лит., 1991.

¹⁵ Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. статья Т.Л. Никольской, примеч. Т.Л. Никольской и В.И. Эрля. — М.: Современник, 1991.

¹⁶ Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. — СПб: Академический проект, 1999.

¹⁷ Konstantin Vaginov. Der Stern von Bethlehem. Zwei Erzählungen. — Berlin, 1992.

¹⁸ Konstantin K. Vaginov. Werke und Tage des Svistonov. — Münster Lang, 1992.

¹⁹ Konstantin Vaginov. Bocksgesang. — GVA-Vertriebsgemeinschaft, 1999.

В середине 1990-х гг. «альтернативной» советской прозе, к которой был отнесен и Вагинов, был посвящен сборник статей «Вторая проза. Русская проза 20-30-х годов XX века» (Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995), в котором имя писателя соседствовало с именами Л. Добычина, П. Муратова, М. Козакова, М. Кузмина, М. Осоргина, А. Егунова (Андрея Николева), П. Карпова, Н. Никитина, А. Чайнова, М. Козырева и др.

В 2006 году на итальянском вышли два романа: «Козлиная песнь»²⁰ и «Гарпагониана»²¹. В Англии вышел роман «Труды и дни Свистонова»²², его же в 2012 году выпустили в Турции²³. В 2011 году там же издали «Козлиную песнь»²⁴.

В 2019 году петербургские исследователи выпустили отдельное комментированное издание дебютного романа Вагинова «Козлиная песнь», где впервые представлена генетическая транскрипция этого текста, состоящая из двух регистров — рукописного и печатного²⁵. В этом же году вышла «Ленинградская хрестоматия»²⁶, составитель которой, Олег Юрьев, включил Вагинова в череду поэтов, в творчестве которых отразился «образ поэзии Петербурга, возникшей, когда он стал Ленинградом»²⁷.

Сегодня мы можем уверенно говорить о существовании вагиноведения как раздела литературоведения и истории литературы, посвященного творчеству и биографии Константина Вагинова. Значительный вклад в эту область знания внесли труды Т. Л. Никольской (неизменным помощником и соавтором которой был В. И. Эрль)²⁸, Д. С. Московской²⁹, С. А.

²⁰ *Konstantin Vaginov. Il canto del capro.* — Kami, 2006.

²¹ *Konstantin Vaginov. Arpagoniana.* — Voland, 2006.

²² *Konstantin Vaginov. The Works and Days of Svistonov.* — Creative Arts Book Co, 2000.

²³ *Konstantin Vaginov. Svistonov'un Eserleri ve Günleri.* — Everest Yayinlari, 2012.

²⁴ *Konstantin Vaginov. Keçinin Sarkisi.* — Everest Yayinlari, 2011.

²⁵ *Вагинов К. К. Козлиная песнь: роман / подготовка текста, коммент. Д. М. Бреслера, А. Л. Дмитренко, Н. И. Фаликовой; статьи Н. И. Николаева, И. А. Хадикова, А. Л. Дмитренко; иллюстрации Е. Г. Посецельской.* — СПб.: Вита Нова, 2019.

²⁶ Ленинградская хрестоматия (от переименования до переименования): маленькая антология великих ленинградских стихов / Сост. Олег Юрьев. — СПб.: Издательством Ивана Лимбаха, 2019.

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ *Никольская Т. Л. К. К. Вагинов (Канва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы обсуждения. Рига, 1988; Она же. Дополнения к библиографии К. Вагинова // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы обсуждения. Рига, 1988; Никольская Т. Л. Константин Вагинов, его время и книги // Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. — М.: «Современник», 1991; Она же. Н. Гумилёв и П. Лукницкий в*

Кибальника³⁰, А. Л. Дмитренко³¹, Д. М. Бреслера³², О. В. Шиндиной³³, А. Герасимовой³⁴. Тексты Вагинова становились предметом сопоставительного

романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Н. Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 620–625; *Никольская Т. Л., Эрль В. И.* Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. Издания прозы и стихов Вагинова, в которых принимали участие Т. Л. Никольская и В. И. Эрль, были перечислены выше.

²⁹ *Московская Д. С.* Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 248-352; *Она же.* Частные мыслители» 30-х годов: поставангард в русской прозе // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 97-104; *Она же.* В поисках слова: «странная» проза 20-30-х годов // Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 31-66. *Она же.* Финал «ленинградской сказки» Константина Вагинова // Вестник славянских культур. 2010. 4 (XVIII). С. 54-60.

³⁰ *Кибальник С. А.* Материалы К. К. Вагинова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. — СПб.: Наука, 1994; *Он же.* Вагинов К. К. Стихотворения из альбома, подаренного К. М. Маньковскому // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. — СПб., 1996. С.169-214; *Он же.* «Путешествие в хаос» Константина Вагинова // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVIII.* Debrecen, 2009. S.157-166; *Он же.* Ахматова о Вагинове и у Вагинова (К постановке проблемы) // Некалендарный XX век. М.: Издательский центр «Азбуковник» 2011. С. 315-327; *Он же.* Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо» выразимое. Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. — М.: Новое литературное обозрение, 2013; *Он же.* Велимир Хлебников в «Козлиной песни» Константина Вагинова. (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). *Он же.* «Роман с ключом» в русской прозе 1920–1930-х годов «Женщина-мыслитель» Алексея Лосева и «Козлиная песнь» Константина Вагинова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014. С. 24-30.

³¹ *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне» // Русская литература. 1995. № 3. С. 24-35; *Он же.* К публикации ранних текстов Вагинова // Русская литература. 1997. № 3. С. 190-191; *Он же.* Когда родился Вагинов? // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 228-230; *Он же.* Статья Д. Е. Максимова о К. К. Вагинове: Контур неосуществленного замысла // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 2000. Т. 3. № 2; *Он же.* К истории рода Вагенгеймов // Вагинов К. К. Песня слов. — М.: ОГИ, 2012. С. 348-355; *Бреслер Д. М., Дмитренко, А. Л.* Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (литкружок завода "Светлана" и работа над историей Нарвской заставы) / Д. М. Бреслер. С. 212-222, 230-232; А. Л. Дмитренко. С. 223-229, 233-234 // Русская литература. 2013. №4. С. 212-234; *Они же.* Когда на Светлану пришли писатели / Д. М. Бреслер. С. 10; А. Л. Дмитренко. С. 11 // Светлана: Газета акционерного общества «Светлана». 2013. № 5-6 (5210-5211). 20 июня. С. 10-11. Также необходимо отметить издания произведений Вагинова, в которых принимал участие А. Л. Дмитренко: Вагинов К. Петербургские ночи / Подготовка текста, статья и комментарии А. Л. Дмитренко. — СПб.: Гиперион, 2002; Вагинов К. Козлиная песнь: Роман // Подготовка текста, коммент. Д. М. Бреслера, А. Л. Дмитренко, Н. И. Фаликовой. Статья Н. И. Николаева. Статья И. А. Хадикова и А. Л. Дмитренко. Ил. Е. Г. Посецельской. — СПб.: Вита Нова, 2019.

³² *Бреслер Д. М.* "Семечки" К. К. Вагинова: творческая лаборатория писателя начала 1930–х годов // Русская филология: сб. науч. тр. молодых филологов / Тартуский ун–т. — Тарту, 2014. № 25. С. 224-234; *Он же.* Конст. Вагинов vs. "распадающийся ежеминутно мир": бороться с клише его же средствами // Транслит. 2012. № 12. С. 35-41; *Он же.* «Фьютс культура»: к проблеме интертекста «Заката Европы» в романах К. Вагинова // Статьи и материалы IX международной летней школы по русской литературе / Под ред. А. Кобринского. — СПб.: Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2013. С.115-127; *Он же.* «Вот и палец можно истолковать по Фрейду»: прагматика интертекста в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Филология». 2014. № 3. Т. 1. С. 46-55; *Он же.* «Козлиная песнь» К. К. Вагинова: поэтика дефинитивного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41) Ч. I. С. 37-40; *Он же.* Роман К. К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»: поэтика заглавия // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. — СПб.: Свое издательство, 2012. С. 146-157; *Бреслер Д. М.*

анализа в связи с изучением авторов первой половины XX века. Отмечались переключки с творчеством В. Хлебникова³⁵, А. Блока³⁶, А. Белого³⁷, А. Ахматовой³⁸, М. Кузмина³⁹, О. Мандельштама⁴⁰, Д. Хармса⁴¹, А. Платонова, Н. Заболоцкого, Л. Добычина⁴², теоретическими поисками круга М. М.

Советские «эмоционалисты»: чтение Вагинова в 1960-1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (164). С. 233-260; *Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л.* Бросать живительные "семечки": прагматика вторичного использования словесного сырья в записной книжке Вагинова / Д. М. Бреслер. С. 31–38; А.Л. Дмитренко. С. 29–30 // Транслит. 2014. № 14. С. 29-38.

³³ *Шиндина О. В.* Некоторые особенности ранней прозы Вагинова // Михаил Кузьмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15 – 17 мая 1990 г. Л., 1990; *Она же.* К интерпретации романа Вагинова «Козлиная песнь» // Russian Literature. Vol. XXXIV. № 2. 1993; *Она же.* О метатекстуальной образности романа Вагинова «Труды и дни Свистонова» // Вторая проза: Русская проза 20-х – 30-х годов XX века: Труды международной конференции «Вторая проза». Русская проза 20-х –30-х годов XX в. (к столетию со дня рождения Л.И. Добычина). Москва 19-22 декабря 1994 г. / Сост. В.Вестстейн, Д. Рицци, Т.В. Цивьян. – Trento, 1995; *Она же.* Образ слова в контексте художественного мира Вагинова // «Russian Literature». Vol. XLII. № 3/4, 1997; *Она же.* Некоторые аспекты растительной символики в романе Вагинова «Козлиная песнь» // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева / Сост. и общ. ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. – М.: Языки русской культуры, 2000; *Она же.* К соотношению культурного и исторического начал в ранней прозе Константина Вагинова // «Russian Literature». 2002. Vol. LI. № 2; *Она же.* Гротеск в художественном мире Вагинова: общий взгляд // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна / Ред. Н.Д. Тмарченко, В.Я. Малкина, Ю.В. Доманский. – Москва; Тверь: РГГУ, 2004; *Она же.* В. Каверин и К. Вагинов: метатекстуальные поиски // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы: Материалы международной научной конференции / Ред. и сост. Л.Ю. Коновалова и И.В. Ткачева. Государственный музей К.А. Федина. – Саратов: Изд-во «Орион», 2011.

³⁴ *Герасимова А.* Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 131-166; *Она же.* О собирателе снов (Предисловие) // Вагинов К. Песня слов. М.: ОГИ, 2012. С. 15-29; *Она же.* Примечания // Вагинов К. Песня слов. М.: ОГИ, 2012. С. 153-200. Отдельно необходимо отметить издание стихов, которое подготовила А. Герасимова: Вагинов К. К. Стихотворения и поэмы / Подгот. текстов, сост., вступ. ст., примеч. А. Г. Герасимовой. — Томск: Водолей, 1998.

³⁵ *Кибальник С. А.* Велимир Хлебников в «Козлиной песни» Константина Вагинова. (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29).

³⁶ *Подшивалова Е. А.* Блок в зеркале Вагинова // Александр Блок и мировая культура. — Вел. Новгород, 2000; *Кибальник С. А.* Путешествие в блоковский хаос (Конст. Вагинов) // Александр Блок. Исследования, материалы. — СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011.

³⁷ *Успенский П. Ф., Фаликова Н. И.* К. Вагинов и русский символизм ранние опыты и «Козлиная песнь» в свете прозы Андрея Белого // Русская литература. 2017. № 2. С. 122-153.

³⁸ *Кибальник С. А.* Ахматова о Вагинове и у Вагинова (К постановке проблемы) // Некалендарный XX век. — М.: Издательский центр «Азбуковник» 2011.

³⁹ *Malmstad J.* Mikhail Kuzmin: a chronicle of his life and time // Кузмин М. А. Собр. стихотворений: В 3 т. — Munchen, 1977. Т. 3. С. 7-319.

⁴⁰ *Рудаков С. Б. О. Э.Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935-1936) / Вступ. ст. А.Г. Меца и Е.А. Тодеса; публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца; коммент. О.К. Лекманова, А.Г. Меца, Е.А. Тодеса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О. Э.Мандельштаме. — СПб., 1997. С. 48.*

⁴¹ *Кобринский А.* Даниил Хармс и Константин Вагинов // Хармс-авангард. Београд, 2006.

⁴² *Московская Д. С.* Русская земля и золотой век. А. Платонов, К. Вагинов, Н. Заболоцкий, Л. Добычин. Точки соприкосновения // *Московская Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 248-352.

Бахтина⁴³. Предпринимались попытки осмыслить прозу Вагинова в философском ключе⁴⁴, описать общие тенденции поэзии и прозы писателя (А. Пурин⁴⁵, А. Пахомова⁴⁶, И. Шатова⁴⁷), выявить прагматику авторского высказывания. Внимание привлекали поэтика писателя: хронологическая образность (С. А. Кибальник⁴⁸, Д. С. Московская⁴⁹), интертекстуальность (А. Л. Дмитренко⁵⁰, Д. М. Сегал⁵¹, Е. Павлов⁵², Д. М. Бреслер⁵³), прототипы персонажей (Т. Л. Никольская⁵⁴, Е. В. Вельмезова⁵⁵, К. Депретто⁵⁶, С. А. Кибальник⁵⁷), отдельные мотивы⁵⁸.

⁴³ *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; сост.: Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. — М., 2000. С. 22-24, 28, 714, 743, 748, 767; *Коровашко А.* Михаил Бахтин в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Нижегородского университета. Сер. Филология. 2003. Вып. 1. С. 29-34.

⁴⁴ *Шукуров Д. Л.* Герметизм артистического универсума К. Вагинова // Вопросы онтологической поэтики. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1998; *Он же.* Автор и герой в метаповествовании К.К. Вагинова. — Иваново, 2006; *Смирнов И. П.* Философский роман как метакитч: «Козлиная песнь» Константина Вагинова // *Смирнов И. П.* Текстомания. Как литература отзывается на философию. — СПб., 2010.

⁴⁵ *Пурин А.* Опыты Константина Вагинова. // «Новый Мир» 1993, №8.

⁴⁶ *Пахомова А.* Поэма К. К. Вагинова "<1925 год>" проблемы поэтики и текстологии // Летняя школа по русской литературе. 2014. Т. 10. № 3; *Она же.* Источники текста последней поэтической книги К. К. Вагинова «Звукоподобие» // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3; *Она же.* Константин Вагинов в Ленинградском союзе поэтов // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3.

⁴⁷ *Шатова И.* Криптографический карнавал М. Кузмина, К. Вагинова, Д. Хармса. — Запорожье: КПУ, 2009.

⁴⁸ *Кибальник С. А.* Петроград 1917 года в неизвестном сборнике стихотворений К.К. Вагинова // Новый журнал, 1993. № 2; *Он же.* Константин Вагинов и литературный Петроград // Нева, 1996. № 5; *Он же.* «Путешествие в хаос» Константина Вагинова // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVIII.* — Debrecen, 2009; *Он же.* Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо» выразимое. Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. Сост. и ред. Д. В. Токарева. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.

⁴⁹ *Московская Д. С.* Частные мыслители» 30-х годов: поставангард в русской прозе // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 97-104; *Она же.* В поисках слова: «странная» проза 20–30-х годов // Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 31-66. *Она же.* Финал «ленинградской сказки» Константина Вагинова // Вестник славянских культур. 2010. 4 (XVIII). С. 54–60.

⁵⁰ *Дмитренко А. Л.* К проблеме интертекстуальности в поэтических произведениях Вагинова // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб., 2001.

⁵¹ *Сегал Д. М.* Константин Вагинов и античность // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи: [сб. ст. : науч. изд.] — М. : Наука, 2010. — С. 395-412.

⁵² *Павлов Е.* Умерщвляющее письмо: Ленинградское барокко Константина Вагинова. — Новое литературное обозрение. 2018. № 149.

⁵³ *Бреслер Д. М.* Конст. Вагинов vs. "распадающийся ежеминутно мир": бороться с клише его же средствами // Транслит. 2012. № 12. С. 35-41; *Он же.* «Фьютс культура»: к проблеме интертекста «Заката Европы» в романах К. Вагинова // Статьи и материалы IX международной летней школы по русской литературе / Под ред. А. Кобринского. — СПб.: Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2013. С.115-127

⁵⁴ *Никольская Т. Л.* Гумилев Н. и Лукницкий П. в романе Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилев: исследования и материалы. СПб., 1994

Помимо научных статей, творчеству Вагинова посвящены диссертации Д. С. Московской⁵⁹, М. А. Орловой⁶⁰, Е. О. Козюры⁶¹, А. В. Сеницкой⁶², Д. Л. Шукурова⁶³, А. Б. Левенко⁶⁴, О. В. Шиндиной⁶⁵, Д. М. Бреслера⁶⁶, Г. А. Жиличевой⁶⁷. Подробно творчество Константина Вагинова анализируется во второй и третьей главах монографии Д. С. Московской «Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения»⁶⁸.

Как было отмечено выше, первыми исследователями и публикаторами творческого наследия Вагинова были ленинградские-петербургские ученые, прежде всего, Т. Л. Никольская. Этому ученому мы обязана установлением реальной связи персонажей и локусов вагиновских романов с пространством Петрограда-Ленинграда 1920-1930-х гг., ей принадлежит опыт установления связи реальных адресов жизни писателя и их образных эквивалентов. Остается неясным, почему столь петербургско-ленинградская проза

⁵⁵ Вельмезова Е. В. Романы «с ключом» К. Вагинова: от поиска прототипов к поиску идей // Ключи нарратива / Отв. редактор Т. М. Николаева. — М.: «Индрик», 2012.

⁵⁶ Депретто К. «Роман с ключом» о формалистах: «Скандалист» Вениамина Каверина (1928) // Депретто К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. — Новое литературное обозрение, 2015. С. 219-245.

⁵⁷ Кибальник С. А. «Роман с ключом» в русской прозе 1920–1930-х годов («Женщина-мыслитель» Алексея Лосева и «Козлиная песнь» Константина Вагинова) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014.

⁵⁸ Матвеева И. И. Мотив винограда в творчестве К. Вагинова: новозаветные проекции // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2018. №4. С. 115-123.

⁵⁹ Московская Д. С. Поставангард в русской прозе 1920-1930-х годов (генезис и проблемы поэтики): дис... канд. филол. наук. — Москва, 1993.

⁶⁰ Орлова М. А. Жанровая природа романа Константина Вагинова "Козлиная песнь": дис... канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2009.

⁶¹ Козюра Е. О. Культура, текст и автор в творчестве Константина Вагинова: дис. кандидата филологических наук Воронеж, 2005.

⁶² Сеницкая А. В. Пространственность и метафорический сюжет: На материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова: дис. кандидата филологических наук — Самара, 2004

⁶³ Шукуров Д. Л. Поэтика "чужого слова" в творчестве К. К. Вагинова: дис. кандидата филологических наук. — Иваново, 1998.

⁶⁴ Левенко А. Б. Структура образа-персонажа в романе К. Вагинова «Козлиная песнь»: дис... канд. филол. наук. — Москва, 1999.

⁶⁵ Шиндина О. В. Творчество К. К. Вагинова как метатекст: дис... канд. филол. наук. — Саратов, 2010.

⁶⁶ Бреслер Д. М. Проза К. К. Вагинова. Прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920-1930-х годов: дис. канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2015.

⁶⁷ Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.): дис... док. филол. наук. — Москва, 2015.

⁶⁸ Московская Д. С. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 189-270; 341-393.

Вагинова не актуализировала научной задачи изучить урбанизм писателя — исследовать место и значение образа северной столицы в идейно-художественном единстве его романов.

Из немногих существующих работ необходимо отметить статью С. А. Кибальника о специфическом петербургском хронотопе в поэзии Вагинова. Исследователь сосредоточился на изучении неизданного при жизни автора стихотворного цикла «Петербургские ночи». С. А. Кибальник отметил присутствие в городском пейзаже элементов «живописного кубизма», перенесенных «в систему поэтических образов»⁶⁹. Как показал исследователь, эти элементы напрямую связаны с образами пальца, руки, семантика которых восходит к технике употребления кокаина (известно, что на некоторое время Вагинов пристрастился к этому наркотику, доступному в период гражданской войны; употребляют «белый порошок» и некоторые из героев его «Козлиной песни», а в «Гарпагониане» бандит Мировой вспоминает, как во времена своей юности приторговывал «марафетом» на Пушкинской улице). Это позволило С. А. Кибальнику сделать вывод, что образ города у Вагинова подвергся искажению, имитирующему восприятие мира в состоянии наркотического опьянения. Ученый отказывает Вагинову в самостоятельности приема, полагая, что он заимствован у Бодлера («Искусственный рай»), который, в свою очередь, опирался на «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» Томаса Де Квинси. Другим источником вагиновской урбанистической фантастики мог послужить «Невский проспект» Гоголя (эпизод визита к персу за опиумом). «Бодлер вместе с Де Квинси объяснили, что наркотики делают краски более яркими, а линии более смутными»⁷⁰. Исследования эстетической природы и идейного содержания урбанизма прозы Вагинова С. А. Кибальник в указанной работе не касается.

⁶⁹ Кибальник С. А. Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо» выразимое. Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 482.

⁷⁰ Там же. С. 488.

Важные наблюдения, посвященные нашей теме, содержатся в совместной обзорной работе «Жизнь и поэзия Константина Вагинова»⁷¹ Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. В центре их исследовательского внимания, как и у С. А. Кибальника, эстетические принципы создания образа города в поэзии Вагинова. По их мнению, ранний Вагинов несостоятелен в своем подходе и изображении города: он имитирует манеру поэтов русского авангарда, В. В. Маяковского или Е. Гуро. В других случаях опирается на антиэстетические образы города-каракатицы, урбанистические пейзажи, «характерные для французских „проклятых поэтов“, Верхарна и русских кубофутуристов»⁷², мотивы неприятия машинной городской цивилизации, которая погубила античную гармонию. В этих поэтических пробах Вагинова широко распространен идущий от Достоевского и продолженный русскими символистами мотив гибели овеянной туманами «северной Венеции». Гибель города, как отмечают Т. Л. Никольская и В. И. Эрль, тождественна для Вагинова гибели культуры. Мотивы и темы ранних стихов найдут свое отражение в будущих произведениях писателя. Особое место город занимает в «Петербургских ночах», где он, оставаясь мифологизированным (на его улицах подчас встречаются античные боги, здания, символы), «приобретает конкретные черты города на Неве»⁷³. Помимо характерных топонимов, Вагинов изображает реалии Петрограда периода военного коммунизма — костер на Дворцовой площади, мертвых лошадей, голод («две унции хлеба», «опухшая белая мать»), холод (мороз, метель, образ мертвого солнца). Со ссылкой на работу А. Герасимовой, исследователи отмечают, что, «создав сплав фантастических видений с не менее фантастической реальностью, Вагинов подошел в „Петербургских ночах“ к созданию своего особого стиля — своеобразного фантастического реализма»⁷⁴.

Урбанистическая проблематика в прозаическом и поэтическом наследии Вагинова традиционно соотносится с «петербургским текстом» русской

⁷¹ Никольская Т. Л., Эрль В. И. Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002

⁷² Там же. С. 191.

⁷³ Там же. С. 197.

⁷⁴ Там же. С. 198.

культуры — исследовательским конструктом В. Н. Топорова⁷⁵. «Петербургский текст», стилевые и фабульные клише которого подробно были прописаны В. Н. Топоровым, его последователи продуктивно использовали при изучении «текстов» других местностей — городов и целых регионов⁷⁶. Труд В. Н. Топорова раскрыл мифопоэтическую основу «петербургского текста» русской литературы, чем внес значительный вклад в осмысление своеобразия литературного образа Северной столицы в компаративном аспекте.

Одним из своих предшественников В. Н. Топоров считал Н. П. Анциферова: «Как некоторые другие значительные города, Петербург имеет и свои мифы, в частности аллегоризирующий миф об основании города и его демиурге (об этом мифе и о его соотношении с исторической реальностью см. работы Н. П. Анциферова и П. Н. Столпянского, в первую очередь, Ло Гатто и др.)»⁷⁷; «В связи с петербургской темой в ее мифо-символическом захвате с благодарностью должны быть отмечены имена Евгения Павловича Иванова (“Всадник. Нечто о городе Петербурге”, 1907) и Николая Павловича Анциферова»⁷⁸.

⁷⁵ Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам XVII. Семиотика города и городской культуры. Петербург. — Тарту, 1984. С. 4-29; *Он же*. Петербург и петербургский текст русской литературы // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. — М., 1995. С. 259-367; *Он же*. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды — Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2003. Интересные аспекты этой темы раскрыты в переписке А. М. Конечного и В. Н. Топорова: *Конечный А. М.* «Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная»: Письма В. Н. Топорова к А. М. Конечному // Литературный факт. 2018. № 10. С. 428-438.

⁷⁶ Мифы провинциальной культуры. — Самара, 1992; Русская провинция: миф - текст - реальность. — М.; СПб., 2000; *Абашев В. В.* Пермь как текст. — Пермь, 2000; Провинция как социокультурный феномен. — Кострома, 2000; Провинция как реальность и объект осмысления. — Тверь, 2001; *Власова Е. Г.* Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX - начала XX века: дис... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2001; *Сидякина А. А.* Литературная жизнь Перми 1970-80-х годов: история поэтического андеграунда: дис... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2001; Город как культурное пространство. — Тюмень, 2003; Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. — М., 2004; Современный город: межкультурные коммуникации и практики толерантности. — Екатеринбург, 2004; Региональные культурные ландшафты: история и современность. — Тюмень, 2004; *Эртнер Е. Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX - начала XX века. — Тюмень, 2005; *Клочкова Ю. В.* Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.): дис... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006; *Подлесных А. С.* Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: дис... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008 и мн. др.

⁷⁷ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб., 2003. С. 22.

⁷⁸ Там же. С. 24-25.

Действительно, Н. П. Анциферов первым в начале 1920-х гг. подошел к разработке методологии анализа урбанистических мотивов в литературных источниках. Его труды, как показала Д. С. Московская⁷⁹, прежде всего знаменитая «петербургская трилогия», включающая книги «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924) и итоговая для литературной урбанологии диссертация «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций»⁸⁰, раскрыли *средоформирующую и культурогенную роль историко-культурного ландшафта*: его способность к продуцированию «легенды местности», «этиологического мифа», местного предания, которые закладывают традицию художественного изображения данной местности, являясь сюжето- и стилеобразующим началом произведений, ей посвященных.

Расширяя термин «реальный источник» литературного памятника, Анциферов в своих литературоведческих урбанистических штудиях вводил в историко-литературный комментарий исторический природно-архитектурный ландшафт города, оказавший своеобразием своих форм влияние на писателя. «Каждая эпоха, — писал он в своей первой литературоведческой работе, посвященной урбанизму А. Блока, «Непостижимый город», — порождает свое особое восприятие; смена эпох

⁷⁹ Анциферов Н. П. «Радость жизни былой...». Проблемы урбанизма / Науч. ред., сост., вст. ст. Д. Московской. — Новосибирск, 2014; Анциферов Н. П. Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию. — Москва, Старая Басманная, 2016; Анциферов Н.П., Золотарев А.А. Ярославль. История. Культура. Быт / научн. ред., послесл. Д.С. Московская. — Ярославль: Академия 76. 2019; Московская Д. С. «Давайте договоримся. Я белорус...» Воспоминания Н. П. Анциферова о А.Е. Богдановиче // М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. М., 2018. С. 547-556; Московская Д. С. Проблемы урбанизма в историко-литературном процессе 1930-х гг. (Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте «История русских городов как история русского быта». По архивным материалам) // Studia Litterarum: 2016. № 1–2. С. 286-302; Московская Д. С. Наследие Н. П. Анциферова и задачи современной энциклопедии литературных музеев // "Диалог со временем: альманах", вып. 52. — М., 2015. С. 243-255 (В соавторстве с Н. В. Корниенко) и др.

⁸⁰ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. / Составление, послесловие Д. С. Московской. — М.: ИМЛИ РАН, 2009.

создает постоянно меняющийся — текучий образ города и вместе единый в чем-то основном, составляющем его сущность, как органического целого»⁸¹.

Социально-генетический и локально-исторический методы, использовавшиеся Анциферовым в его урбанистических литературоведческих штудиях, имели целью установление «судьбы» образа города и факторов, обусловивших появление новых черт этого образа, обновляющих и обогащающих его содержание. Труды ученого, посвященные образу Петербурга, во-первых, установили «повторяемость» одних и тех же черт образа города определенными эпохами. Исчерпывающий (и открытый к пополнению по мере появления новых произведений, где Петербург выступает как сюжетно- и конфликтообразующий элемент художественного целого) перечень этих черт был представлен им в работах «Душа Петербурга», «Непостижимый город» и в заключительном труде — диссертации «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе...». Анциферов указал на «известный ритм» в развитии образа города, определённый волнообразным процессом спадов и подъемов писательского внимания и симпатии к Северной столице. Для Анциферова историко-культурный ландшафт был определяющим фактором, воздействующим на социальную психологию, а с ней и на литературно-художественное восприятие и отображение образа местности. Внимание к культурно-историческим изменениям в судьбе города позволило ему зафиксировать поворотные моменты в истории его литературного отражения и поставить эти различные изображения в «русло определенного потока», или традиции его восприятия.

Своеобразие литературоведческого метода Анциферова, названного в диссертации Д. С. Московской локально-историческим⁸², как сопряженным с культурой и историей определенного локуса, было обусловлено расцветом

⁸¹ Об Александре Блоке. — Пб., 1921. С. 285. Цит. по: *Кумпан К. А., Конечный А. М.* Петербург в жизни и трудах Н. П. Анциферова // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М. Б. Вербловская. — СПб.: Лениздат, 1991. С. 15

⁸² *Московская Д. С.* Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг.: проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01. — Москва, 2011.

интереса к проблемам урбанизма, которым отмечен рубеж XIX и XX веков. К этому моменту бурное развитие европейских городов, вступивших в фазу промышленного капиталистического развития, породило новый актуальный термин «урбанизм». Характерно, что его автором был инженер — градостроитель Ильдефонс Серда. В книге 1867 года «Общая теория урбанизации» («*Teoría General de la Urbanización*») он обозначил этим словом процесс разрастания городской инфраструктуры за пределами исторического города. Серда намеренно сконструировал термин «урбанизация» на основе латинского слова *urbs*, которое описывало «физическое» устройство города. Жители римского полиса, по словам испанского инженера, никогда не называли себя *urban*. Серда сознательно отказался от использования испанского *ciudad*, восходящего к латинскому слову *civitas*. Последнее, так же как и греческое *polis*, описывало город как пространство политического взаимодействия. Римляне обозначали обитателей города словом *civis* — гражданин⁸³. Удачно найденный термин, зафиксировавший новый этап в политической, промышленно-экономической и социальной истории Европы, быстро вышел за пределы науки о градостроении и был освоен философами, историками, литературоведами, писателями и художниками.

Раскрывая существо общегуманитарного интереса к проблемам урбанизма, вызревшего на рубеже XIX и XX века, Анциферов пишет, что город — это «наиболее конкретный, устойчивый, сложный социальный организм»⁸⁴, который с присущем ему полнотой выражает культуру конкретного периода времени: он впитывает историю связанной с ним страны и волею своих граждан становится своего рода ковчегом, который, с одной стороны, сохраняет прошлое, с другой — неустанно идет по пути прогресса, «думает о будущем».

Так, образ Петербурга, который первоначально сложился в торжественных одах XVIII в., отвечал историческому моменту —

⁸³ Глазычев В. Л. Город без границ. — Москва: Территория будущего, 2011. С. 358. На эту тему звучал также доклад А. Н. Беларева «Город между историей и мифом: Н. П. Анциферов и Фюстель де Куланж» на VI Международных Анциферовских чтениях (Москва, 9-10 ноября 2017 года).

⁸⁴ Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма: Опыт комплексного подхода. — Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. С. 13.

долгожданному возвращению России в семью европейских народов. Как пишет Ф. Степун, «европейский характер основанной Петром Империи доказывается в первую очередь не влиянием Европы на Россию, <...> а тем живым общением между Западом и Россией, которое началось сразу же после раскрытия Петром окна в закрытый до тех пор заморский мир»⁸⁵. Отголоски этой славы и этой новизны слышатся во вступлении к «Медному всаднику» Пушкина⁸⁶.

В 1820-е гг. происходит переоценка города, вызванная, с одной стороны, его капиталистической трансформацией, с другой — крушением надежд на европейский путь политического развития, вызванным разгромом движения декабристов. Петербург становится символом реакционной государственности⁸⁷. Это новое осмысление «петербургского хронотопа» дало новые линии в развитии образа города. Как пишет Анциферов, Пушкиным были заданы новые обертоны прежнего высокого звучания темы Петербурга — исполненные предчувствия большой человеческой трагедии, интонации, которые в дальнейшем будут развиты русской литературой. И это не только «дух неволи» (вслед за Пушкиным ей займется Лермонтов, Печерин, Огарев), но и художественно переданная мысль о городе, чуждом России, ее народу, ее историческому прошлому. Эта идея передается различными сюжетными вариациями, новыми конфликтами, новой образностью. Появляется образ города-призрака («Пиковая дама»), города омраченного, пребывающего во власти разгулявшейся водной стихии, которой он почти не в силах противостоять («Медный всадник»). В дальнейшем трагическая изнанка петербургского «парадиза» будет дополнена и развита мыслью о преступной сущности этого города и неизбежной кары ему за нарушение естественного хода русской истории. (В. С. Печерин «Триумф смерти», В. Ф. Одоевский «Улыбка мертвеца», М. Дмитриев «Потонувший город»). Образ города усложняется. Литература, как

⁸⁵ Степун Ф. Большевизм и христианская экзистенция. — М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 50-51.

⁸⁶ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 485.

⁸⁷ Там же. С. 486.

показал Анциферов, осваивает Петербург, входит в его «урочища», изучает «анатомию, физиологию и психологию этого, по выражению ученого, «нечеловеческого существа» («Домик в Коломне» Пушкина; «Портрет» Гоголя; «Княгиня Лиговская», «Отрывок» Лермонтова и др.).

В повестях Гоголя, «Тройчатке» Одоевского, физиологических очерках под редакцией Н. А. Некрасова («Физиология Петербурга»), романах Вс. Крестовского, Н. Г. Помяловского и др. произведениях осваиваются петербургские трущобы. Образ города бесконечно далеко ушел от того переживания, с которым он вошел в литературу и был ею воспроизведен в XVIII веке. Теперь он противостоит мечте о самом себе, доходя у Н. Г. Чернышевского до «полного отрицания» физического города и возрождаясь в утопическом фурийеристическом фаланстере⁸⁸.

Особое место в наследии Анциферова занимает образ Петербурга у Достоевского, который создает новую традицию изображения северной столицы — это город-мученик, в котором души, если у них хватило сил пройти путь страдания, в конечном итоге возрождаются⁸⁹. Многогранный образ Петербурга, созданный Достоевским, возник на базе богатой литературной традиции. Анциферов полагает, что «в известном смысле этот образ был ее завершением»⁹⁰. Многозначительно наблюдение Анциферова над образом северной столицы еще одного наследника Гоголя и Достоевского — А. А. Блока. Отбирая в галерее образов, созданных Блоком, те, что более всего созвучны первым историческим впечатлениям о творенье Петра, Анциферов указывает важнейший, или незабвенный: Петербург — это «европейский город-порт», где «и в переулках пахнет морем», сулящим путешествия в далекие края и романтическое томление, в то время как сирена, поющая в туманной дали, предвещает гибель. Море, как путь в Европу, эта совокупность прошлого, определившего рождение Петербурга, у Блока «обрисовывается стихией, разобщающей с чужими краями, оно словно прижимает Петербург к унылым берегам, кладя предел российским

⁸⁸ Там же. С. 487.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 472.

просторам. Петербург оказывается на краю, словно конь Медного всадника, у самой бездны»⁹¹.

Как пишет Ф. Степун, за творчеством которого Н. П. Анциферов следил даже после высылки этого мыслителя за границу в 1922 г., «к концу XIX в. духовно-культурная связь России с Западом явно ослабеваает. Литература все определеннее и одностороннее отдает свои силы подготовке революции»⁹². Последующие десятилетия XIX в. урбанистическая тема сужается до бытовых пределов. Монументальный город почти совершенно исчезает со страниц художественной литературы. «Наступили сумерки великого города в сознании русского общества. Даже величайшие наши классики, как Лев Толстой и А. П. Чехов, когда обращались к петербургским темам, описывали только петербургское общество, но не город Петербург — его внешний облик, его историческое назначение»⁹³. Вновь процитируем Степуна, который объяснил эту трансформацию сосредоточенностью «на своих собственных и прежде всего общественно-политических вопросах», связанной «с упадком интереса к вечным проблемам метафизического и историсофского порядка»⁹⁴. И только в конце XIX века появились некоторые признаки возрождения интереса к монументальному городу и к историческому его осмыслению, а в начале XX века происходит настоящий расцвет петербургской темы⁹⁵. «В широких кругах интеллигенции внезапно родилась потребность шире распахнуть прорубленное Петром в Европу окно. <...> параллельно с этой первой темой развивалась и другая: поэтами и учеными серебряного века было много сделано по углублению понимания старых русских писателей и поэтов. Баратынский, Гоголь, Тютчев и другие предстали в новом свете»⁹⁶.

Как показали Р. Д. Тименчик и А. Л. Осповат, начало XX века возродило интерес к прогностическом аспекту петербургской повести «Медный

⁹¹ Анциферов Н. П. Непостижимый город. С. 150.

⁹² Степун Ф. Большевизм и христианская экзистенция... С. 60.

⁹³ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 472.

⁹⁴ Степун Ф. Большевизм и христианская экзистенция... С. 61.

⁹⁵ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 472-474.

⁹⁶ Степун Ф. Большевизм и христианская экзистенция... С. 62.

всадник»⁹⁷. В его сюжетах и образах искали ключ к историсофии Петербурга как пути России в неизвестное будущее. Ответ на эти предчувствия представил, по мысли Анциферова, Константин Вагинов, который, как он показал, завершал завещанную классикой традицию изображения города и прокладывал новые пути для этой традиции. В сохранившейся машинописи с авторской правкой «Петербург-Петроград-Ленинград и его отражение в художественной литературе», ученый дает план задуманной, но невоплощенной работы о городе в первой половине XX века, которой будет посвящен первый параграф в Главе 1 настоящей диссертации.

Для нашей работы важен намеченный Анциферовым путь освоения такого сложного явления как петербургский хронотоп. Понятие хронотопа, впервые осмысленного и введенного в литературоведение приятелем и собеседником Вагинова М. М. Бахтиным⁹⁸, подчеркивает текучий, становящийся во времени образ конкретного локуса. Как и Анциферов, Бахтин видит в хронотопе средство и путь к постижению ценностного компонента образа местности, который ставится в связь не только с писательской индивидуальностью, но и со степенью постижения обществом своей истории.

Анциферова и Бахтина роднит не только Петербург — место их знакомства и нередких встреч⁹⁹, но и методология гуманитарного знания,

⁹⁷ *Основат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...» Об авторе и читателях «Медного всадника». — М.: Книга, 1985.

⁹⁸ «Дружен был К. К. и с М. М. Бахтиным. Тот был такой умный, что я не смела сказать с ним двух слов. А К. К. много разговаривал с Бахтиным. Мы бывали у него чуть ли не каждый день» (*Вагинова А. И.* Ненаписанные воспоминания // *Волга.* 1992. № 7-8. С. 152).

⁹⁹ Анциферова и Бахтина связывала общая близкая знакомая — М. В. Юдина, хорошо знавшая Анциферова по религиозно-философскому кружку А. А. Мейера «Воскресенье». Дружбу с Анциферовым она поддерживала всю свою жизнь, состояла с ним в переписке. Потрясенная смертью Николая Павловича, она писала Михаилу Михайловичу 7 сентября 1958 г.: «...третьего дня хоронили мы Николая Павловича Анциферова, и это общее горе, горе всех „добрых людей“ — не в последнюю очередь горе нас с Вами. <...> Уж очень хорош, неповторим и прекрасен был наш друг. Он болел все последние годы... но работал среди болезней, ездил на дачу, обожал, когда к нему приходили, вообще, все так же оставаясь прежним общим любимцем, источая любовь и свет. <...> Года полтора назад он переехал в прекрасную квартиру Дома Писателей на Ленинградском шоссе, которую выкупить ему помогли Лозинские, завещав ему большую сумму. <...> Была Панихида и Отпевание в прекрасной церкви и все полагающееся в Литературном музее. Говорили Леонид Гроссман, Измайлов, Пахомов (от „Абрамцево“) <...> И, конечно, я все время играла. Хоронили на Ваганьковском кладбище <...> Народу, цветов и горячих, искренних слез — без числа <...> Мне хотелось излить с Вами еще слезы о Николае Павловиче и о нашей юности. <...> Но вот не могла не написать о дорогом золотом Анциферове и потому написала Вам <...>. После

полагающего в центр исследования человека, данного через свои слова и действия как бытие говорящее и поступающее, несущее ответственность за свои поступки.

Труды Анциферова и работы М. М. Бахтина предвосхитили локальные междисциплинарные исследования, которые только на рубеже XX-XXI вв. заинтересовали ученых со всего мира в первую очередь в связи с изменившимся отношением к пространству. В эпоху постмодерности, как отмечает О. А. Богданова со ссылкой на исследования Д. Бахманн-Медик и А. М. Панченко, «“пространство” стало новой центральной единицей восприятия и теоретическим концептом новейшего времени». Однако «в новой концептуализации под пространством понимается не территориальность, вместилище и хранилище традиций и ли даже родина, в отличие от предыдущего понимания пространства и места, к примеру, в фольклористике. Под пространством подразумевается социальное производство пространства как *многослойного и часто противоречивого общественного процесса*, специфическая локализация культурных практик, динамика социальных отношений, указывающих на изменчивость пространства»¹⁰⁰.

Методологической основой настоящей работы является теория хронотопа Бахтина и локально-исторический метод Анциферова, которые позволяют последовательно рассмотреть обе составляющие петербургского хронотопа в прозе Вагинова: делая специальные акценты на исторической жизни локуса, отраженной в его монументальном облике и на восприятие/переживание этого места Вагиновым — писателем, чье творчество пришлось на переломный в судьбе Петербурга исторический момент превращения его в социалистический город. Следуя бахтинской логике становящегося, исторически осваиваемого писателями пространства и

кладбища мы (человек 20 или более были у Софьи Александровны. Многие вспоминали общее с ним детство, потом прекрасный человек Алиса Банк, его ученица с Тенишевского (византистка) очень много и хорошо рассказывала, потом и я...» (Из переписки М. Б. Юдиной и М. М. Бахтина. (1941–1966 гг.) //Диалог. Хронотоп. 1993. № 4. С. 61-62). Благодарю Д. С. Московскую за предоставленную информацию.

¹⁰⁰ Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX-XXI вв.: топика, динамика, мифология. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9-10. Курсив в цитате наш.

времени, и анциферовскому тезису о «власти местности над человеческим духом», научно обоснованному в его диссертации, мы ставим задачу проследить литературные традиции, которыми питался литературный урбанизм «Гарпагонианы» и установить специфические черты, присущие образу Ленинграда в этом романе, положившие начало новой традиции его изображения.

Обращение к научному наследию Анциферова при изучении образа Ленинграда в «Гарпагониане» обусловлено так же и тем, что К. К. Вагинов, как было установлено Д. С. Московской, был лично знаком с Н. П. Анциферовым во время своего обучения в Институте истории искусств, и испытал на себе воздействие предложенной ученым методологии литературоведческого урбанизма¹⁰¹.

Объектом диссертационного исследования становится последний роман Константина Вагинова «Гарпагониана», завершающий писательскую тетралогия («Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада»), посвященную Петербургу-Петрограду-Ленинграду.

Предмет исследования: Урбанистическая образность «Гарпагонианы» Константина Вагинова.

Актуальность избранной темы диссертационного исследования обусловлена все возрастающим интересом как отечественных, так и зарубежных литературоведов к наследию Константина Вагинова, общей недостаточной изученностью «Гарпагонианы», последнего неопубликованного романа писателя, с точки зрения его места в советской литературе эпохи социалистической реконструкции, а также общей неизученности стиле- и сюжетобразующей роли образа Ленинграда в указанном романе эпохи социалистической реконструкции.

Степень разработанности проблемы. В литературоведческой науке урбанистическая проблематика творчества Константина Вагинова до сих пор не изучалась с опорой на локально-исторический метод Н. П. Анциферова и с

¹⁰¹ Анциферов Н. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям (1910–1950-е гг.) / Отв. ред.-сост., предисловие Д. С. Московской. — М.: Новое литературное обозрение, 2020.

точки зрения актуального для 1929-1933-х гг. ценностного содержания образа социалистического Ленинграда. Творчество писателя воспринималось как завершение традиции «петербургского текста» русской литературы (об этом достаточно подробно писал В. Н. Топоров). Пунктирно урбанистическая проблематика прослежена С. А. Кибальником в цикле стихотворений Вагинова «Петербургские ночи» и ранних стихах в мифопоэтическом плане. Отдельные наблюдения по этой теме даны Т. Л. Никольской и В. И. Эрлем в обзорной статье «Жизнь и поэзия Константина Вагинова», где связаны реальное пространство Петербурга-Петрограда с воображаемым пространством данной местности.

Цель настоящей работы — проследить литературные традиции, которыми питался литературный урбанизм «Гарпагонианы» и установить специфические черты, присущие образу Ленинграда в этом романе, положившие начало новой традиции его изображения как традиции изображения имперского Петрополя в эпоху социалистической реконструкции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать истоки урбанизма «Гарпагонианы», для чего обратиться к поэзии Вагинова и трем предшествующим его романам.
2. Проследить своеобразие урбанизма в поэзии и прозе писателя 1920-Х ГГ. до создания «Гарпагонианы».
3. Описать биографические и социально-политические обстоятельства создания «Гарпагонианы», определившие авторское отношение к современности Ленинграда.
4. Описать урбанистическое своеобразие «Гарпагонианы» как романа о городе социалистической реконструкции.
5. Выделить и описать типы персонажей, как художественных проекций психологии и физиологии города (в терминах Н.П. Анциферова) эпохи первой пятилетки.

6. Проследить связь выделенных типов персонажей с петербургской урбанистической традицией;

7. Обобщить основные тенденции развития образа Петербурга-Петрограда-Ленинграда у К. К. Вагинова от его поэзии к последнему роману «Гарпагониана» и соотнести эту динамику с традицией художественного изображения Петрополя в русской литературе.

Научная новизна состоит в том, что урбанизм романа «Гарпагониана», впервые рассмотренный с использованием локально-исторического метода, разработанного современником и учителем Вагинова, историком литературы Н. П. Анциферовым, впервые раскрывается как художественная проекция духовно-нравственного содержания первых итогов эпохи социалистической реконструкции.

Методологической основой настоящей работы является теория хронотопа Бахтина и локально-исторический метод Анциферова, которые позволяют последовательно рассмотреть две важнейшие составляющие петербургского хронотопа в прозе Вагинова, делая специальные акценты, во-первых, на исторической жизни локуса, отраженной в его монументальном облике, и, во-вторых, на восприятии/переживании судьбы города Вагиновым — писателем, чье творчество пришлось на переломный в судьбе Петербурга исторический момент.

Теоретическая значимость исследования состоит в опыте применения локально-исторического метода Н. П. Анциферова для исследования традиционности и новаторства урбанизма ленинградского романа Константина Вагинова «Гарпагониана», позволившего установить своеобразие нового направления в традиции изображения Северной столицы в русской литературе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что отдельные части работы могут быть использованы для составления комментариев к «Гарпагониане», использоваться в дальнейшем для применения методологии анализа урбанистической образности в других произведениях литературы 1920-1930-х гг., а также для составления экскурсий, путеводителей,

интерактивных карт, графоведческих видео- и текстовых блогов. Результаты исследования могут быть использованы в педагогической работе при подготовке вузовских курсов по русской литературе XX века, теоретических курсов по литературоведению, а также на уроках, спецкурсах, элективных курсах в средней школе при изучении творчества советских прозаиков, при подготовке публичных лекций на различных площадках.

Положения, выносимые на защиту:

1) Вагинов принадлежит к типу писателя-урбаниста, в стихах и прозе которого природно-архитектурный ландшафт Петербурга является сюжетно- и стилеобразующим началом.

2) Своеобразие урбанизма Вагинова определяется парами персонажей-антиподов, созданных физическим и духовным пространством Петербурга-Ленинграда.

3) Новаторские черты образа города зарождаются и оформляются в поэзии Вагинова («племя эллинистов» / «большевистко-азиатские орды»), претерпевающие последовательную идейно-художественную трансформацию в каждом из четырех романов писателя, сохраняя исходный социально-ценностный код «коренная петербургская интеллигенция» / «новые советские люди».

4) Образы коллекционеров / систематизаторов; пьяницы, бандита / молодящегося сновидца; безликой толпы (морда, рожа) / механических граждан, ведущих полупризрачное существование в романе «Гарпагониана» — образуют пары антиподов, являющихся художественными ипостасями духовной сущности города периода социалистической реконструкции.

5) Своеобразие образа города в «Гарпагониане» наследует урбанизму Гоголя и Достоевского, «физиологиям» Крестовского и пролагает новую линию в двухсотлетней литературной традиции изображения Петрополя как социалистического Ленинграда.

Степень достоверности и апробация основных положений работы.

Основные положения диссертации были представлены на спецсеминарах для студентов и аспирантов в Российском государственном гуманитарном

университете в 2016-2020 гг. (руководитель — д. ф. н., проф., заведующая кафедрой истории русской классической литературы РГГУ Д. М. Магомедова), на практических занятиях с магистрантами в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (руководитель практики — д.ф.н., проф., заведующий кафедрой теории литературы МГУ О. А. Клинг), на Международных и Всероссийских научно-практических конференциях в Московском государственном университете, Тверском государственном университете, Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук и др. Также были сделаны два доклада на специализированной урбанистической и литературно-краеведческой научной конференции — Международных Анциферовских чтениях (руководитель Д. С. Московская).

Структура работы состоит из Введения, трех Глав, Заключения и Библиографии (311 наименований).

ГЛАВА 1. УРБАНИЗМ ЛИРИКИ И РОМАНОВ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА ДО «ГАРПАГОНИАНЫ»

«Необычайно ярко расцвел интерес к великому городу, обновленному и преображенному революцией. Уже немного сохранилось в Ленинграде от Петербурга Достоевского. — Писал Н. П. Анциферов в своей защищенной в 1944 году в ИМЛИ АН СССР диссертации. — Однако так или иначе советские писатели в своих размышлениях отталкивались от наследия „жесточкого таланта“, т. е. от творчества Ф. М. Достоевского¹⁰². Автоцензура не позволяла литературоведам открыто декламировать преемственность изображения советского Ленинграда с традициями дореволюционной петербургской образности, речь могла идти лишь об «отталкивании» и «противопоставлении». В глазах победившей советской идеологии «Петра творение» уже не город трагического империализма, а «колыбель Октября», место, с которого началось победоносное шествие социализма по всему Союзу Советов. Закономерно, что Анциферов в своей диссертации и после ее защиты — в тезисах «Петербург-Петроград-Ленинград и его отражение в художественной литературе», оригинал которой хранится в Государственном архиве Российской Федерации¹⁰³, лишь разрабатывает план возможного освещения пореволюционного образа города. Ученый намечает темы: «Петербург в период НЭПа», «Город Ленина», «Ленинград — форпост СССР», «Петроград в годы Военного коммунизма». Помимо романов А. Н. Толстого, М. А. Шолохова и К. А. Федина, добавлены стихи и поэмы В. Маяковского, Н. Асеева, Н. Брауна, В. Зуккау-Невского, А. Блока, Э. Багрицкого, проза Н. Никитина.

Особенно интересным представляется перечень имен, в произведениях которых, по мысли Анциферова, отражено влияние социалистической реконструкции на облик города. «Этот период отображен больше в поэзии,

¹⁰² *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 472.

¹⁰³ Разыскания Д. С. Московской: ГАРФ. Ф. А-629. Оп. 2. Д. 132. 6 лл.

чем в прозе (Н. Тихонов, Н. Браун, В. Саянов, В. Рывина, В. Жихарев, К. Прокофьев и др.)», — писал ученый в «Проблемах урбанизма...»¹⁰⁴. В плане невоплощенной работы о городе к приведенным именам Анциферов добавляет прозаиков В. Каверина, Н. Архангельского, поэтов А. Блока, В. Шмидта, А. Радлову, И. Одоевцеву, С. Спасского.

Впервые в тезисах упоминается Константин Вагинов: его забытое и замолченное советским литературоведением имя Анциферов, как мы видим, возвращает из забвения в 1945 году, задолго до хрущевской оттепели. Анциферов помещает Вагинова в раздел «Прощание с Петербургом», который открывается именем А. Блока. Вагинов прокомментирован кратким определением «Пережитки старой интеллигенции», совпадающим, как теперь известно, с аттестацией Вагиновым в письме к Козакову одного из своих персонажей: «Ты знаешь, что людей, символически выпоротых представителями враждующих классов, существует в нашей действительности достаточно. Они становятся циниками. Они ходят гордо, им не подобает ходить гордо. По-моему, они достойны сострадания» (Вагинов 1991, с. 513)¹⁰⁵. Для настоящей работы важна историко-литературная интуиция Анциферова, мыслящего Вагинова в рамках заданной Блоком линии «прощания» с великим городом.

Разыскания Д. С. Московской показали, что Анциферов был известным представителем гуманитарной среды своего времени¹⁰⁶, в круг общения которого входил и Конст. Вагинов. Наиболее вероятным местом встречи были Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств, где Анциферов вел семинарий

¹⁰⁴ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе... С. 473.

¹⁰⁵ Здесь и далее в диссертации цитаты из романов К. К. Вагинова даются по: Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. статья Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — М.: Современник, 1991. Указание на источник дается в скобках, например, (Вагинов 1991, с. 15). Поэзия цитируется по: Вагинов К. К. Песня слов. — М.: ОГИ, 2012 таким же образом, как проза. На другие издания произведений или документов будет дана постраничная сноска.

¹⁰⁶ Его корреспондентами был цвет ленинградской и московской интеллигенции: Лозинские, Томашевские, Лосевы, Реформатские, Чуковские, А. А. Ахматова, Б. М. Эйхенбаум, М. А. Бонч-Бруевич, В. И. Вернадский. В настоящее время в печати издательства «Новое литературное обозрение» находится собрание писем Н. П. Анциферова, подготовленное Д. С. Московской.

по литературным экскурсиям¹⁰⁷, в том числе на изобразительном и литературном отделениях, где учились Вагинов и его будущая супруга¹⁰⁸. Учебным пособием курсантам ГИИИ служили основанные на разработанных Анциферовым в годы работы на гуманитарном факультете петроградского экскурсионного института книги «Душа Петербурга», «Быль и миф Петербурга», «Петербург Достоевского».

Связывал Вагинова и Анциферова также общий знакомый, Николай Корнеевич Чуковский, ученик Н. П. Анциферова по Тенишевскому училищу, отношения с которым автор «петербургской трилогии» поддерживал всю жизнь¹⁰⁹. Из воспоминаний современников известно также, что Анциферов вел семинары для гуманитарной интеллигенции, посвященные истории литературно-художественных отражений Петербурга, которые посещали известные писатели, в том числе О. Э. Мандельштам и А. Н. Толстой¹¹⁰.

Несомненно, литературная биография Петербурга, составленная Анциферовым, и историософия Петербурга, созданная творцами его художественного образа, оказала влияние на Вагинова. Последний, по воспоминания Николая Чуковского сравнивал культуру с мифологической птицей Феникс, которая «много раз сгорает на огне и потом возрождается из пепла и, следовательно, бессмертна»¹¹¹. Культура в этом определении Вагинова соотносима с анциферовским пониманием «души» города как одновременно творящего и созерцающего самого себя начала. А «личность,

¹⁰⁷ *Московская Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы... С. 26.

¹⁰⁸ *Вагинова А. И.* Ненаписанные воспоминания // Волга. 1992. № 7-8. С. 148.

¹⁰⁹ Об этом свидетельствует письмо Анциферова, датированное 1944 г., где он тепло вспоминает свою работу в Тенишевском училище, а также своего ученика — Н. К. Чуковского. См.: *Анциферов Н.* «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям (1910–1950-е гг.) / Отв. ред.-сост., предисловие Д. С. Московской. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 500.

¹¹⁰ *Московская Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 31-37, 238.

¹¹¹ *Чуковский Н. К., Чуковская М. Н.* Воспоминания Николая и Марины Чуковских / [сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой; подгот. текста Е. В. Ивановой, М. Д. Чуковской; коммент. Е. В. Ивановой, А. Л. Дмитренко, П. Ф. Успенского]. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2015. С. 182.

созерцающая город, конечно, кладет на отображенное ею впечатление печать своей индивидуальности, но эта печать видоизменяет *только детали*»¹¹².

Текстология романов Вагинова обнаруживает прямые и косвенные заимствования из трудов Анциферова. Так о природе историко-топографического чувства, Анциферов пишет в книге «Теория и практика литературных экскурсий»: «Соприкасаясь с местами, ощущая на себе воздействие обычно молчаливых свидетелей былого, испытывая власть выразительного ландшафта, природного или культурного, мы как бы вступаем в лабораторию творчества изучаемого писателя, преломившего в своих созданиях местность, которую мы посетили»¹¹³. У Вагинова герой «Козлиной песни» — неизвестный поэт как будто бы опирается на Анциферова, когда призывает собеседника: «Пиши о Ладоге. У тебя детские впечатления там, у меня — здесь. Ты любил в детстве поля с васильками, болота, леса, старинную деревянную церковь, я — Летний сад с песочком, с клумбочками, со статуями, здание. Ты любил чаек с блюдечка попивать» (Вагинов 1991, с. 48).

Размышления Пуншевича из «Гарпагонианы» о новом культурном гнезде Ленинграда соотносятся со словами Анциферова о кристаллизующемся при возникновении города ядре (крепости, рынке, монастыре, управляющем центре). Ср. у Вагинова: «Религия и торговля соединяли людей в города, а теперь, что соединяет людей в города — я не знаю, должно быть, выполнение пятилетнего плана. Несомненно, этот план собирает людей в новые корпорации, устанавливает связь между людьми. И если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод. Вокруг него будут возникать строения, парки, он будет окружен аллеями, мостами» (Вагинов 1991, с. 455). У Анциферова: «Наиболее распространенным кристаллизующим ядром городов, возникших несколько веков тому назад, может быть признан

¹¹² Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: Приложение к репринт. воспроизведению изд. 1922, 1923, 1924 гг. — М.: Книга, 1991. С. 45. Курсив в приведенной цитате наш.

¹¹³ Анциферов Н. П. Теория и практика литературных экскурсий. — Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, [1926]. С. 9.

кремль) (акрополь, арс, бург) — укрепленное жилище правителя страны. Кремль, таким образом, является одновременно крепостью и центром управления. В нем всегда заключается также религиозный центр. Соединение этих трех центров неизбежно порождает рынок, в котором нуждается их население. Создается потребительская сила, стягивающая разнообразный люд, удовлетворяющий ее потребности и нуждающийся в защите»¹¹⁴.

Урбанистическая чуткость Вагинова позволила Анциферову включить автора в галерею писателей-урбанистов послереволюционного периода. Действительно, в своем творчестве художник запечатлел несколько эпох в истории города на Неве. Финалом этой художественной летописи стал роман «Гарпагониана».

§ 1. Образ города в лирике Вагинова 1920-х гг.

Истоки урбанизма «Гарпагонианы» следует искать уже в ранней поэзии Вагинова.

Писатель возвращается в Петроград с фронтов Гражданской войны зимой 1920-1921 года¹¹⁵ (он служил на территории Польши, а потом был переведен на Дальний восток) и застаёт любимый город разрушенным. Он видит пустынные улицы, заросшие травой дороги и тротуары. Свои впечатления поэт резюмирует в короткой заметке «Художественные письма из Петербурга». Он с тревогой отмечает, что Петроград оказался на грани разорения и утраты своего городского статуса: «В 1918, 1919, 1920 годах он (Петербург. — Я. Ч.) прикинулся мертвым, жалким, беспомощным, повисшим на тонкой веревке над пропастью; казалось, ему предстояла одна возможность — превратиться в утлую деревушку на Р.С.Ф.С.Р.-ской окраине»¹¹⁶.

¹¹⁴ Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма: Опыт комплексного подхода. — Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. С. 40.

¹¹⁵ Никольская Т. Л., Эрль В. И. Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 182-183.

¹¹⁶ Вагинов К. К. Художественные письма из Петербурга // Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. — СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 452.

В цикле стихотворений «Петербургские ночи» Вагинов ретроспективно рисует апокалиптический пейзаж города: лирический герой видит повисшее над пустым Петроградом погасшее солнце («У каждого во рту нога его соседа...»), в самом городе он не встречает ни души, только ветры обдувают руины бывших дворцов, останки скульптур («У милых ног венецианских статуй...»), «Грешное небо над звездой Вифлеемскою...») и гоняют снег («В соленых жемчугах спокойно ходит море...»). Хаос, вызванный к жизни военной и послевоенной неразберихой, станет одним из героев его первой печатной поэтической книги¹¹⁷.

Восприятие Петербурга как пустого, кажущегося мертвым, соответствовало реальному образу того времени. Как отмечает В. И. Мусаев, «одним из основных факторов петроградской жизни в первые послереволюционные годы была катастрофическая убыль населения»¹¹⁸. До первой мировой войны в городе проживало 2 103 000 человек. На протяжении первых лет войны численность населения увеличилась за счет беженцев с оккупированной территории и составила 2 415 700 человек. С 1917 года началась катастрофическая убыль населения. В 1920 году в Петрограде проживало всего 722 229 человек. Но постепенно, начиная с 1921 года жизнь в городе начала налаживаться. Свидетельством тому было прекращение убыли населения, которое к 1923 году достигло миллионного уровня, составив 1 067 000 человек¹¹⁹.

Отсутствие прежнего оживления в Петербурге бросалось в глаза. Например, в описаниях иностранцев помимо пустоты также присутствует мотив ирреальности, потусторонности происходящего. «Мы вступили в мир смертельной мерзлоты. Финляндский вокзал, блестящий от снега, был пуст. Широкие, прямые артерии, мосты, перекинутые через Неву, покрытая снегом замерзшая река, казалось, принадлежали покинутому городу. Время от времени худой солдат в сером капюшоне, женщина, закутанная в шаль,

¹¹⁷ Никольская Т. Л., Эрль В. И. Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 194-195.

¹¹⁸ Мусаев В. И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. С. 95.

¹¹⁹ Там же. С. 181.

проходили вдалеке, похожие на призраков в этом молчании забытья»¹²⁰, — делился впечатлениями французский социалист Виктор Серж. Вторили ему и другие иностранцы, например английский журналист А. Рэнсом¹²¹ или американская анархистка Э. Голдман¹²².

Поэты начала 1920-х гг. описывали общее безлюдье города, призрачность, фантасмагорию, ужас запустения. В. В. Набоков так отразил умирающий Петербург: «Дома скосились, почернели, / прохожих мало, и они / при встрече смотрят друг на друга / глазами, полными испуга, / в какой-то жалобной тоске, / и все потухли, исхудали: / кто в бабьем выцветшем платке, / кто просто в ветхом одеяле, / а кто в тулупе, но босой. / Повсюду выросла и сгнила / трава. Средь улицы пустой / зияет яма, как могила; / в могиле этой — Петербург...» («Петербург», 17 июля 1921)¹²³. Вслед за Набоковым тему умирающего города развивала Е. И. Дмитриева: «Под травой уснула мостовая, / Над Невой разрушенный гранит... / Я вернулась, я пришла живая, / Только поздно, — город мой убит» («Петербургу», 1922)¹²⁴. В тех же тонах рисует пейзаж города Николай Алл (Н. Н. Дворжацкий): «Кругом мертво. Смолк хохот ураганов, / Сметен былого раболепный прах; / По Невскому, по островам ползет унылый страх / И щелкают курки заржавленных наганов...» («Петербург», 1923)¹²⁵.

Вагинов также запечатлевает в своих стихах картины чудовищной разрухи в некогда «пышном городе». Лирический герой, странствуя по Петрограду, его окрестностям и наблюдая за изменением его облика, восполняет себя впечатлениями о городе, с которым был разлучен. Меняется и его отношение к «просторному мертвому граду» (Вагинов 2012, с. 86).

Руины Петрограда не отталкивают поэта, он помнит о трагической красоте Петербурга, о которой не раз писали его предшественники, а также о той характеристике, которую давал городу Пушкин в «Медном всаднике» —

¹²⁰ Там же. С. 96.

¹²¹ *Ransome A.* Russia in 1919. — New York, 1921. P. 11-12.

¹²² *Goldman E.* My disillusionment in Russia. — New York, 1923. P. 12.

¹²³ *Набоков В.* Стихотворения. Новая библиотека поэта. Большая серия. — СПб.: Академический проект, 2002.

¹²⁴ *Габриак Ч.* Исповедь. — М.: Аграф, 2001.

¹²⁵ Русская поэзия Китая. — М.: Время, 2001.

главной поэме о городе «трагического империализма»: «Над омраченным Петроградом / Дышал ноябрь осенним хладом». Петроград — это тот же Петербург, но «омраченный». Вагинов осознавал, что «осенний хлад», холод увядания, буквально гуляет по городу («На набережной», «Мы здесь вдали от сугробов...»), «За осоку, за лед и снега...», стихотворения цикла «Петербургские ночи» и др.). Но вместе с этим поэт помнит, что Петроград — это поэтический Петербург, трагически красивый, противоречивый и, как полагали многие старшие современники (З. Гиппиус, М. Волошин, Д. Мережковский и др.) обреченный. Поэтому переименование города в начале Первой мировой войны, в 1914 году, не вызывает у Вагинова отторжения. Напротив, в энергичном поле бывшей «Северной Пальмиры» поэт открывает для себя новые черты Петрограда, отличные от тех, которые рисуют его современники, удрученные одиночеством, разрухой, произволом, крахом империи.

Лирический герой замечает *формы города*, обилие камня и поросших травой статуй, напоминающих об античных руинах, живописно расположенных среди природного ландшафта. Картины увядания порождают в воображении поэта различные ассоциации, связанные с героями легенд и мифов. Так, в разрушенном Петрограде появляются «призраки божеств», некогда его населявшие: античные боги — Аполлон («Я встал пошатываясь и пошел по стенке...»), «Мой дом двурогий дремлет на Эрмоне...» и др.), Орфей («Упала ночь в твои ресницы...»), Селена («Один среди мглы, среди домов ветвистых...»), Эрот, Геката, Филомела («Отшельники»), Киприда («Вышел на Карповку звезды считать...»); персонажи библейской истории — Иисус («Усталость в теле бродит плоскостями...»), «Надел Иисус колпак дурацкий...», «Умолкнет ли проклятая шарманка?»), апостол Иоанн, у Вагинова — Иоконоанн («Еще зари оранжевое ржанье...»), Иосиф («Под пегим городом заря играла в трубы...»), Богоматерь («Бегут туманы в розовые дыры...») и др. Наряду с мифологическими персонажами возникают герои средневековых (Изольда) и более поздних (Летучий голландец) легенд.

В этом, в частности, проявляется исключительная разнонаправленность реминисценций, характерная для поэтики Вагинова.

Пространство влияет на молодого поэта, с детства приобщенного к разноликой мировой культуре родного города. За всем хаосом художнику удастся рассмотреть поэтически прекрасное лицо Петербурга, то, что было воспета русской литературой. Точками опоры для Вагинова были не только конкретные локусы родного города, но их именованья, топонимы, вошедшие в русскую классику XVIII-XIX вв. Лирический герой обходит Неву, Стрелку, Летний сад, Финский берег (залив), Екатерининский канал («Петербургские ночи»), Обводный канал («Мы запада последние осколки...»), Садовую улицу, выходит на Дворцовый мост, а после — на Дворцовую площадь («Финский берег»), где видит ангела Александрийского столпа, который на момент возвращения поэта в Петроград находился на своем прежнем месте, несмотря на попытки его закамуфлировать или водрузить на его место фигурку Ильича¹²⁶.

Культурными ассоциациями, литературными реминисценциями, которые рождаются в душе поэта во время прогулок и созерцания городского пейзажа, Петроград говорит с одним из чутких своих обитателей. Репрезентативные фасады зданий, их связь с выдающимися образцами европейской архитектуры напоминают Вагинову о своем родстве с мировой культурой. За сиюминутными картинами разрушенных дворцов, казарм, государственных учреждений и т. п. Лирическому герою открывается основа Петербурга — его геометрическая структура (ср. в воспоминаниях Анциферова: «Петербург! Прямые линии, прямые углы!»¹²⁷), отвечавшая рационалистическому духу Просвещения — эпохе, на которую пришелся расцвет классического города. В четкой планировке, прямых улицах, точно

¹²⁶ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920-1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. — СПб: Крига, 2016. С. 21-23.

¹²⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, сост., примеч. и аннотированный указатель имен А. И. Добкина. — М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. С. 130.

очерченных площадях проявлялся лик города, омраченный войнами и бедствиями, но сохранивший свой «строгий, стройный вид».

Разрушенный Петроград напоминал Вагинову руины Рима («Бегают по полю ночь...», «Под рожью спит спокойно лампа Аладина», «Вы римскою державной колесницей...») (Вагинов 2012, с. 50, 65, 74). Оба города, по мысли поэта, изобретательно за годы своего существования аккумулировали в своем архитектурном облике разнообразные стили различных эпох. Дух «вечного города» царит в разоренном Петрограде: «Мне вручены цветущий финский берег / И римский воздух северной страны» (Вагинов 2012, с. 74).

Г. С. Лебедев отмечал, что в Риме археология превратилась в «активный градообразующий фактор», благодаря раскопанным Форуму, Капитолию и другим руинированным ансамблям, внедренным в городскую топографику. «Археология Рима реализовала парадокс „оживления“ археологической культуры, материализованный в урбанизме. Повседневностью городской жизни стал социо-магический акт «замыкания времен» — эффект достоверного присутствия в подлинном месте. Он достигается и усиливается за счет включения в контекст живой культуры (в урбанистическом, градостроительном аспекте) — культуры «мертвой», археологической»¹²⁸. «Вечность» Рима обеспечена его археологией, Петербурга — архитектурой. Археология обеспечивала Риму постоянный «диалог с мертвыми», тогда как архитектура Петербурга представляла собой беспрецедентный диалог России с европейской культурой — от античности до актуальной современности, что обеспечивало его, по слову Достоевского, «всемирной отзывчивостью», специфической европейской русскостью его «души».

Фланируя (используем этот термин в Анциферовском смысле: Фланер — путешественник, «смакующий свой город»¹²⁹, «с жадностью впитывая в себя его образы»¹³⁰) по Петрограду лирический герой Вагинова с жадностью

¹²⁸ Лебедев Г. Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города // Метафизика Петербурга. — СПб.: Эйдос, 1993. С. 51.

¹²⁹ Анциферов. Проблемы урбанизма. С. 75.

¹³⁰ Там же. С. 118.

ловит все впечатления местного городского бытия. Где-то пейзаж напоминает ему о тяжеловесном стихе XVIII века — наследнике античного стихосложения («Мы закуем его (стих. — Я. Ч.) в тяжелые напевы, / В старинные чугунные слова, / Чтоб он звенел, чтоб надувались жилы, / Чтоб золотом густым переливалась кровь...», Вагинов 2012, с. 76-77), где-то в звуках родного города слышатся интонации французского урбанизма, Верлена и Рембо («Так звуки У и О приемлют гул трамвая / И завыванье проволок тугих», Вагинов 2012, с. 72).

В отличие от Набокова, Дмитриева и Алла Вагинов не чужд политике и не боится социологии. Он полон сарказма в отношении тех, кто революционным штурмом уничтожил облик, стиль жизни родного города и страны. «Вождя мирового пролетариата» — Ленина — лирический герой в духе времени, назвал его Магомед Ульян: «В Кремле твой Магомет по ступеням восходит / И на Кремле восходит Магомет Ульян: / „Иль иль Али, иль иль Али Рахман!“» (Вагинов 2012, с. 62). Ленин — воплощение буйной, эмоциональной, жестокой азиатской России, которая «кумачной бурей» пронеслась по стране и захватила дом поэта — любимый Петербург. Вождь пролетариата ассоциируется с предводителем жестоких кочевых орд, которые бесцеремонно вторглись в страну «белопушную». Мотивы пробуждения «азиатчины» в социально-культурном поле, вторжения иноземцев (азиатских орд) в Россию и, в частности, в Петербург нашли отражение в лирике 1920-х гг., например у А. Б. Мариенгофа, В. Я. Парнаха, М. А. Кузмина, М. А. Волошина, В. Я. Брюсова, С. А. Есенина, Н. А. Заболоцкого и др.¹³¹

¹³¹ Обзор литературы по отражению аспектов восточной темы в литературе русского модернизма можно посмотреть в следующих книгах и диссертациях: *Тартаковский П. И.* Русская поэзия и Восток. 1800-1950: Опыт библиографии / АН СССР. Ин-т востоковедения. — Москва: Наука, 1975; *Он же.* Русская советская поэзия 20-х - начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока / АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А.С. Пушкина. — Ташкент: Фан, 1977; *Он же.* «Свет вечерний шафранного края...»: (Сред. Азия в жизни и творчестве Есенина). — Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1981; *Он же.* Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин: Статьи. — Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1986; *Концова Е. В.* Своеобразие поэтического "Востока" в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. — Воронеж, 2003; *Шабашов Д. В.* Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. — Москва, 2007 и др.

На рубеже столетий Вяч. Иванов в сочинении «О русской идее» писал: «Желтая Азия подвигалась исполнить уготованную ей задачу, — испытать дух Европы»¹³². Монгольскими и татарскими чертами наделил А. Белый героев «Петербурга». Азия вошла в поэзию Блока, напомнив о татарских ордах, завоевавших Русь. Но это напоминание о прошлом читалось современниками как пророчество. Вагинов наследует этой традиции. Революционные орды и ее вожди также приобретают азиатские черты, отбрасывают Россию назад, в допетровские времена. Эта мысль о возвращении монгольского варварства звучит в другом стихотворении Вагинова — «Петербуржцы». Магомед-Ульян за четыре года своего царствования (с 1917 по 1921) вместо величественной и сильной державы построил «юродивых дом» «под взвизги, под взлеты, под хохот кумачных знамен» (Вагинов 2012, с. 44), в центре которого стоит «вечная» антагонистка Петербурга — «порфиросная вдова» Москва. Ее «восточный» характер неоднократно подчеркивался писателями, публицистами, философами¹³³. В 1920-е гг. об этом в своей поэзии напоминали Асеев и Заболоцкий. Особо подчеркивал это Есенин: «Я люблю этот город вязевый, / Пусть обрюзг он и пусть одрях. / Золотая дремотная Азия / Опочила на куполах»¹³⁴.

Как отмечал М. С. Каган, в Москве «ментальность отличалась большей эмоциональностью, непосредственностью и вместе с тем прочностью религиозных устоев и традиционных, сложившихся в средние века, нравственных представлений. В Петербурге же складывалась новая социально-психологическая структура — более рациональная, строго регламентированная, этикетная, формировавшаяся и под влиянием усваивавшейся культуры европейского Просвещения, и под воздействием задававших тон всему столичному бытию придворного быта и эстетических запросов аристократии, которым должны были отвечать и архитектура, и

¹³² Иванов Вяч. О русской идее // Иванов Вяч. Собрание сочинений в 4 т. Том 3. Статьи. — Брюссель, 1979. С. 322.

¹³³ См. сб. Москва - Петербург: pro et contra. — СПб., Издательство: РХГА, 2000.

¹³⁴ Есенин С. А. «Да! Теперь решено. Без возврата...» // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. — М.: Наука; Голос, 1995. С. 168.

сценическое искусство, и активно развивавшиеся благодаря созданию Академии трех знатнейших искусств живопись и скульптура»¹³⁵.

Вагинов, как мы видим, поддерживал дореволюционную традицию бережного отношения к «европейскости» родного города, обновленной поэтами-символистами, начавшими новый и творчески продуктивный диалог с современной культурой Европы. Петербург был своего рода «перегонным кубом», в котором «западное» становилось специфически «русским». Новаторство было и осталось основополагающим принципом петербургской культуры. В городе происходило столкновение самобытного, традиционного с инновационным, велся своеобразный отбор того, что может «прижиться» на русской почве. Не случайно Ф. М. Достоевский пришел к выводу о том, что Петербург — это город-мученик, в котором, как в Чистилище, души (а вместе с ними идеи и вещи), прошедшие путь страданий, находят свое возрождение¹³⁶. Но вместе с тем для Достоевского, как отмечает Н. П. Анциферов, миссия города не ограничивается только «европейской прививкой» к «сермяжной Руси»: «Вся русская Европа заключена — в одном Петербурге, в этом городе, весь внешний облик которого так ярко свидетельствует об его исторической миссии — ввести в Европу русский народ»¹³⁷. Через Петербург «западное», видоизменяясь, входило в Русь, а «русское» благодаря усвоению европейских инноваций приобщалась к западной культуре.

Быстрота, с которой большевистский строй насаждался на обширной территории бывшей Российской империи, грозил скорой «расплатой» главному городу царской власти — Петербургу. Вагинову коренные петербуржцы видятся как особое «племя», подвергшееся нашествию большевистско-азиатской орды: «У гулких гранитов Невы / У домов своих одичалых / В колоннах Балтийской страны / Живет Петербургское племя» («До белых барханов твоих...», Вагинов 2012, с. 75).

¹³⁵ Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. 3-е изд. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. С. 76-77.

¹³⁶ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 461.

¹³⁷ Там же. С. 465.

Лирический герой Вагинова называет это вымирающее племя «эллинистами», т. е. просветителями, хранителями и охранителями культуры. И здесь Вагинов — наследник характерно петербургской историософии, через монументальный облик классического Петербурга, через декоративно-мифологический и просветительский классицизм Ломоносова, Державина, Пушкина устанавливающий концептуальное содержание феномена петербургской культуры как полноправной наследницы синтетического «эллинизма» — художественной культуры и знания античности.

В новое, революционное, «темное время» миссия эллинистов, по мысли поэта, заключается в том, чтобы через бедствия пронести петербургскую культуру, сохранить ее до воскресения. В революционных условиях они «обречены на полное непонимание, на оторванность от всего окружающего и живут почти призрачной жизнью»¹³⁸. Но это их личный, осознанный выбор, как утверждает Вагинов. Далекие от политики эллинисты¹³⁹ мало заботятся о «сиюминутном» даже в условиях голода и нищеты. «Мы Запада последние осколки / В стране тесовых изб и азиатских вьюг / Удел Овидия влачим мы в нашем доме...» (Вагинов 2012, с. 78). Для Вагинова эллинисты — «камни» среди «тесовых изб и азиатских вьюг», оставшиеся от того пути, который усилиями Петра и волей России некогда вернул страну в родную ей европейскую семью народов («Запада последние осколки...»).

Участь эллинистов печальна, это «овидиев» удел, удел изгнанников. Они, сохраняясь еще в темных урочищах города, в уплотненных коммуналках, тем не менее — изгнанники. «Изгнанники» и «постояльцы» — такова характерная для петроградской урбанистической образности пара антагонистов, замеченная не только Вагиновым, но и его собратом по ОБЭРИУ Заболоцким, изобразившем в своем «Офорте» (1927) сюрреалистический сюжет с участием «постояльцев» и коренного жителя

¹³⁸ Чуковский Н. К., Чуковская М. Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских / [сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой; подгот. текста Е. В. Ивановой, М. Д. Чуковской; коммент. Е. В. Ивановой, А. Л. Дмитренко, П. Ф. Успенского]. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2015. С. 182.

¹³⁹ Как отмечает М. С. Каган, многие оставшиеся в Петербурге интеллигенты даже после «философского парохода» 1922 года «тешили себя иллюзией, что в СССР культура может существовать вне политики, быть даже выше политики» (Каган М. С. История культуры Петербурга... С. 275). К их числу принадлежал и молодой Вагинов.

города — Медного всадника: «И грянул на весь оглушительный зал: / „Покойник из царского дома бежал!“ / Покойник по улицам гордо идет, / Его постояльцы ведут под уздцы, / Он голосом трубным молитву поет / И руки вздымает наверх»¹⁴⁰.

Д. С. Московская отмечает, что это стихотворение посвящено «ленинградской судьбе имперского Петербурга», когда уже совершились роковые перемены в обществе, и новое население, устремленное в футуристическую даль, пытается уничтожить память с историческим прошлым города¹⁴¹.

Эллинисты как своим существованием, так и грядущей неизбежной гибелью вносят свой вклад в создание бесценного духовного, культурного слоя города, сохраняют представления о городе определенной эпохи. Они создают «культурный слой», почву, подобно тем неизвестным труженикам, на которых был простроен физический Петербург: «Струна гудит, и дышат лавр и мята / Костями эллинов на ветряной земле» (Вагинов 2012, с. 70).

§ 2. Образ города в «Козлиной песни»

1. «Великий город с областной судьбой»

История классического, имперского Санкт-Петербурга кончилась с приходом революции, но официальной датой рождения нового города можно считать 26 января 1924 года, когда «Петрову граду» присвоили имя Ленинград. М. В. Добужинский вспоминал: «С революцией 1917 г. Петербург кончился. На моих глазах город умирал смертью необычайной красоты... Это был эпилог всей его жизни — он превращался в другой город — Ленинград, уже с совершенно другими людьми и совсем иной жизнью»¹⁴². Этот новый город проживет 67 лет — полноценную человеческую жизнь, пройдет через «детство», «юность», «зрелость» и «старость». Творчество Вагинова придется на «детство» и «юность» Ленинграда.

¹⁴⁰ Заболоцкий Н. А. Офорт // Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. — М.: ОГИ, 2019. С. 47.

¹⁴¹ Московская Д. С. Анциферов и художественная местнография русской литературы... С. 257-258.

¹⁴² Добужинский М. В. Воспоминания / вступ. ст. и примеч. Г. И. Чугунова. — М., 1987. С. 23.

Перенесение столицы — следствие военного времени, но вместе с тем, как отмечал советский литературовед В. Я. Кирпотин, за всем этим стоял идеологически выверенный замысел большевиков: «Не под воздействием исторической минуты, а по существенным и органическим причинам советское правительство перенесло свою столицу в Москву. Кончился императорский, „петербургский“ период русской истории, началась эра социализма, и сердцем и разумом ее стала Москва»¹⁴³. Что же касается Петрополя, то эти события дали старт деградации города. Он утрачивает двухсотлетний статус «единоличного властелина» над судьбой России и постепенно превращается в «столицу русской провинции»¹⁴⁴. Лишившийся некогда учредившей его «властной силы» город Петра все более становится похожим на каменное надгробие великого исторического замысла.

Большевики во главе с Ильичом настороженно относились к Петербургу-Петрограду, чувствовали его оппозиционный характер, видели в нем очаг «контрреволюции». Как отмечал М. С. Каган, «общий экономический кризис, и политика репрессий, физических и идеологических, характеризовали жизнь всей страны, на Петрограде они сказывались особенно жестко и жестоко. Он был, действительно, центром оппозиции коммунистическому режиму на всех уровнях: и на политическом (руководство партий меньшевиков находилось здесь, и первые теракты эсеров имели место именно здесь), и на чиновничьем (саботаж старой бюрократии был особенно силен в ее исконной цитадели), и на уровне простонародном (Кронштадтский мятеж и др.), и на интеллигентском»¹⁴⁵.

После прихода Сталина к власти, еще до убийства С. М. Кирова, началась подготовка к полномасштабному физическому и идеологическому террору, призванному обеспечить единоличное правление «великого вождя». В рамках этой кампании Ленинград, с его «интеллигентской закваской», раздражавшей Сталина¹⁴⁶, играл в этом процессе важную роль. Прошлое

¹⁴³ Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. — М.; Захаров, 2006. С. 290.

¹⁴⁴ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 513; Каган М. С. История культуры Петербурга... С. 278.

¹⁴⁵ Каган М. С. История культуры Петербурга... С. 274.

¹⁴⁶ Там же. С. 285.

города подлежало забвению, поскольку принадлежало ненавистной царской власти, угнетавшей столетиями народ. Петр I — превращен в грубую карикатуру не только пропагандой, но и литераторами. За основателя города вступилась ленинградская интеллигенция. Как отмечает Д. С. Московская, «...попытку восстановить значение исторической личности Медного всадника сделал в 1926 г. бывший член общества „Старый Петербург“ академик С. Ф. Платонов в своем исследовании „Петр Великий“»¹⁴⁷, в котором после анализа многочисленных фактов о деятельности Петра подчеркнул, что император искал блага для вверенного ему государства. Однако, разжигаемая официальными властями классовая ненависть, при поддержке некоторых писателей не позволяла согласиться с утверждениями С. Ф. Платонова, и отношение к Петру не было пересмотрено.

В дебютном романе Вагинов противопоставляет двух «вождей» (Петра и Ленина), переворачивая традиционный для Петербурга миф об основателе города. Созданный Петром «Парадиз» возник «на пустом месте» в силу сложных потребностей развивающегося государства как символ торжества народа в борьбе за свое историческое бытие¹⁴⁸. Основание Петербурга открыло собой новый этап в развитии страны, обозначило переход от религиозно ориентированной средневековой культуры к современной, светской, основанной на идеях Просвещения¹⁴⁹. Ленинград же появился не столько *на месте*, сколько *вместо* прежнего города в память о Вожде пролетарской революции, создателе «первой цитадели Советской власти», из которой победным шествием вышли «десятки рабочих, строителей новой России, вернейших проводников идей В. И. Ленина»¹⁵⁰.

Возникновение нового города, по мысли рассказчика «Козлиной песни», разрушает надежду на возрождение прежнего Петербурга, поскольку с появлением Ленинграда город обретает другую судьбу. Мрачные стихи,

¹⁴⁷ Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы... С. 257.

¹⁴⁸ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 25.

¹⁴⁹ Каган М. С. История культуры Петербурга... С. 58.

¹⁵⁰ Постановление II съезда Советов СССР от 26.01.1924 о переименовании Петрограда в Ленинград // Второй съезд советов Союза Советских Социалистических Республик: стенографический отчет. — Изд. ЦИК Союза ССР, 1924.

некогда усмиренные Петром в Петербурге, заявляют о себе с новой силой в Ленинграде. Н. П. Анциферов отмечал, что для создания внешнего облика Петербурга важную роль играли вода, камень и зелень: «В самом городе зелень сочеталась не столько с землей, сколько именно с камнем и водой, образуя некое триединство пейзажа»¹⁵¹. Это основные стихии города. В предисловии к «Козлиной песни» активизируется именно водная сила, всегда грозившая гибелью «юному творению Петрову» (достаточно вспомнить наводнения¹⁵², события одного из которых (7 (19) ноября 1824 года) легли в основу «Медного всадника» Пушкина). Пространство окрашивается в «зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический», по улицам бродят гротескные фигуры, бывшие жители города, превращенные в липкого гада, змею, жабу (Вагинов 1991, с. 12). Подобно тому, как в «Медном всаднике» безликие стихии грозно восставали против державного города, так и в «Козлиной песни» они, принимая антропоморфные черты (липкий гад, жаба, змеиная голова), грозят новому «парадизу» — Ленинграду.

Появление грозной водной стихии не случайно. Кончилась мечта о возрождении Петербурга, следовательно, кончился и сам Петербург: «...автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер. <...> Вот сейчас автор готовит гробик двадцати семи годам своей жизни. Занят он ужасно» (Вагинов 1991, с. 12). Учитывая, что Вагинов родился в 1899 году, то он готовит гроб всей своей жизни, жизни петербуржца. На это обратил внимание Л. Ф. Кацис¹⁵³.

Раз нет Петра I, то не существует более той сдерживающей стихии силы, которую символизирует отлитый Медный всадник. Пушкин в своей поэме выразил уверенность, что «юный град» не одолеют мрачные силы природы, что демиург Петербурга одержал окончательную победу в схватке

¹⁵¹ Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. — СПб.: Лениздат, 1991. С. 260

¹⁵² Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений 1703-1879 гг. — СПб., тип. А. С. Суворина, 1888.

¹⁵³ Кацис Л. Ф. «Ленинград» Михаила Козырева (К проблеме построения «ленинградского текста») // Вторая проза. Русская проза 20-30-х годов XX века. — Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 336.

с роком, укрепил на берегах Невы новую столицу и повлек за собой всю Россию¹⁵⁴. Ленинград же не связан с «делом Петровым»: в этом городе, как мы показали в предыдущем параграфе на примере лирики Вагинова, царствуют чуждые «азиатские кесари», жестокие дикари. Буйная водная стихия под стать им. Петр победил стихии, Ленин их пробудил.

Вагинов переворачивает традиционный для Петербурга миф о демиурге: у Петра I появляется двойник-антипод, у города — второй «строитель чудотворный» — его разрушитель. Двойник усиливает мотив ирреальности Петербурга, который на разные лады варьировали писатели XIX – начала XX вв. Н. П. Анциферов, рассуждая о Петербурге Достоевского в повести «Двойник», пишет следующее: «Петербург как будто остается отвлеченной идеей своего основателя, лишенной реального бытия. „Строитель чудотворный“ заколдовал финские болота, и возник над ними мираж, в котором живая душа человека превращается в страдающий призрак, становится также умышленной и отвлеченной»¹⁵⁵. Подобного первому основателю, Ленин «зачаровывает» Невские берега, создавая на них Ленинград, который, как нос майора Ковалева из известной повести Гоголя, эмансипируется и начинает жить самостоятельной жизнью. Правда, со временем гоголевский нос необъяснимо возвращается назад к «оригиналу», так и Ленинград вернется обратно к Петербургу, но уже совсем в другую эпоху.

О долговечности Ленинграда рассказчик «Козлиной песни» ничего не говорит, но гибель Петербурга он и его герои явно ощущают, в том числе и физически: «Поведеет носиком — трупом пахнет; значит, гроб нужен»; «Все казалось Тептелкину таким рассыпавшимся плодом. Он жил в постоянном ощущении разлагающейся оболочки, сгнивающих семян, среди уже возносящихся ростков. Для него от сгнивающей оболочки поднимались тончайшие эманации, принимавшие различные формы»; «А друзья его все гниют давно, / Не на кладбищах, в тихих гробиках, / Один в доме шатается, /

¹⁵⁴ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 70-71.

¹⁵⁵ Там же. С. 145.

Между стен сквозных колыхается, / Другой в реченьке купается, / Под мостами плывет, разлагается...» (Вагинов 1991, с. 13, 14, 29) и т. д.

2. Катабасис

Хронологические рамки «Козлиной песни» — Гражданская война и начало НЭПа. В романе отражены реалии военного коммунизма. Город в начале романа представлен пустым, потерявшим звуки. Он заполнен серыми тенями, трупным запахом, холодом. «Петербург погибает. Там книгохранилища опустели, музеи больше не посещаются. В университете бродят, серые как тени, студенты, там нет ни собак, ни кошек, вороны не летают, воробьи не чирикают. Там всю зиму не раздеваются и сидят у буржук как эскимосы. На улицах валяются дохлые лошади с поднятыми к небу ногами и совершенно прозрачные, опухшие люди режут их на части и, запрятав куски за пазуху, тайком возвращаются по домам» (Вагинов 1991, с. 65). Рассказчик и персонажи «Козлиной песни» отрешенно наблюдают за повседневным бытом города. Картинам военного коммунизма, они противопоставляют свои воспоминания о дореволюционной, петербургской, жизни, где город предстает беспечным, праздничным, наполненным красиво одетыми людьми, духами цветами, влюбленными парами, и одновременно порочным, с множеством проституток и номеров на час на главной артерии — Невском проспекте (Вагинов 1991, с. 20-22)¹⁵⁶.

Персонажи романа, как и лирический герой Вагинова, сравнивают город с Римом, где, однако, витает дух упадка, декаданса: они видят, как Нева превращается в Тибр, как перед глазами возникают причудливые видения садов Нерона или Эсквилинского кладбища, им кажется, что за ними следят мутные глаза Приапа (Вагинов 1991, с. 23). Во многом эти видения

¹⁵⁶ «Порочность» в данном случае не должна вызывать недоумения, поскольку это было «сладостное искушение», одна из основных черт императорского Петербурга, которую Вагинов-подросток запомнил во время своих бесконечных блужданий по городу. Также необходимо помнить о том, что у писателя на недолгое время завязалась дружба с проституткой Лидой, воспетой в стихах «Стали улицы узкими после грохота солнца...», «Нет, не люблю закат. Пойдемте дальше, Лида...» и упоминаемой неоднократно в «Козлиной песни» (Глава II. Детство и юность неизвестного поэта).

вызваны употреблением кокаина¹⁵⁷. Идея Петербург-Рим, органичная для лирического героя Вагинова, опошляется в «Козлиной песне» мотивом возбуждения сознания галлюциногеном, каковым является популярный в период НЭПа «марафет»¹⁵⁸.

Но сквозь картины увядающей Северной Пальмиры постепенно проступает другая жизнь города. Персонажи-эллинисты «Козлиной песни» гуляют по улицам и паркам, открывая их заново. Помимо аутентичных топонимов (Кирочная улица, Мариинская больница, Покровская площадь, Шпалерная, Петровский парк, Екатерининский канал и проч.) в романе отмечены и советские: Проспект 25 Октября (бывший Невский), Площадь Жертв Революции (бывшее Марсово Поле), Сад Трудящихся (бывший Александровский сад при Адмиралтействе), Октябрьский вокзал (до 1924 года Николаевский)¹⁵⁹.

В «Козлиной песни» актуализируется знакомый по поэзии Вагинова (см. предыдущий параграф настоящей Главы) мотив вторжения «азиатских орд». В ранней прозе («Звезда Вифлеема», «Монастырь господина нашего Аполлона») писателем был найден двойник-антипод эллинистам — вифлеемцы, провозвестники «большевистской» религии, которые, подобно ранним христианам, используют для строительства новых храмов капища прежних богов¹⁶⁰.

Мотив противостояния «эллинов» и «христиан» получает развитие в «Козлиной песни», герои которой неустанно рефлексировали над своим будущим: «Я видел новых христиан, кто будут они? Я видел дьяконов, раздатчиков хлебов, я видел неясные толпы, разбивающие кумиры. Как ты думаешь, что это значит, что это значит?» (Вагинов 1991, с. 23) —

¹⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Кибальник С. А.* Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо» выразимое. Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 484-495.

¹⁵⁸ *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 353-361.

¹⁵⁹ Ленинград и Ленинградская губерния. Краеведческий справочник. — Л.: Издательство книжного сектора ГУБОНО, 1925; План Ленинграда с указателем. — Л.: Издание государственного картографического института НТУ ВСНХ СССР, 1929; Путеводитель по Ленинграду. — Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1933.

¹⁶⁰ *Никольская Т. Л., Эрль В. И.* Жизнь и поэзия Константина Вагинова... С. 194, 199-201.

вопрошает неизвестный поэт. «Новые христиане» воспринимаются героями романа как «юные варвары»: «Всегда новая религия появляется на периферии культурного мира. <...> Христианство появилось на периферии греко-римского мира в Иудее нищей, печальной, узкой и косной духом», — замечает Тептёлкин, продолжая мысль неизвестного поэта о том, что «большевизм огромен, что создалось положение, подобное первым векам христианства» (Вагинов 1991, с. 27).

Герои «Козлиной песни» пребывают духом в прекрасном XVIII веке. «Прекрасные рощи благоухали для него (Тептёлкина. — Я. Ч.) в самых смрадных местах, и жеманные статуи, наследие *восемнадцатого века*, казались ему сияющими солнцами из пентелийского мрамора» (Вагинов 1991, с. 14). От созерцания прекрасных статуй Тептёлкину мерещится, что он не в «смрадном» Ленинграде, а где-то в «благоуханных» окрестностях Пентеликона, горы в Греции. Очарованные XVIII веком, герои Вагинова обставляют свои жилища предметами этого галантного столетия: «Сергей К. сидел в своей комнате, разделенной надвое шкафами с французскими книгами. В столовой, сохранившей следы *восемнадцатого века*, было тихо...» (Вагинов 1991, с. 22). Книжность и культура XVIII века, в особенности — эротическая, представляют для некоторых героев «Козлиной песни» особый интерес: «Порнографический театр времен возрождения (субстрат античность), порнографический театр *восемнадцатого века* (субстрат народность). Но все же в этой области у него (у Кости Ротикова. — Я. Ч.) были предшественники, а на Западе были соответствующие труды...» (Вагинов 1991, с. 116). Интерес к XVIII веку так или иначе проявляется в разговорах героев между собой.

Почему же эллинисты Ленинграда выбрали для духовного причала именно этот век, а не тот же Рим эпохи двенадцати цезарей? Вероятно, сказались вкусы мирискусников (А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере), которые проблематизировали подход к городу и городскому пейзажу. «Мастера стремились сквозь призму современности увидеть и воскресить ушедшее в мотивах Санкт-Петербурга. Художники „переживали“

город на Неве, прежде всего, как архитектурный пейзаж. Для них это, в основном, город эпохи классицизма»¹⁶¹, то есть город XVIII в. Так и герои «Козлиной песни» выбирают для себя век Петра I и Екатерины II, поскольку именно на этот период приходится подлинный расцвет города как европейской столицы — расцвет салонной культуры, книжного дела — время освоения Россией запада и западом России.

Екатерина Великая, продолжательница начинаний Петра, оказывается для Вагинова ближе в первую очередь потому, что она была книжницей, собирательницей и созидательницей этой культуры, тогда как Петр более увлекался техническими науками. Именно поэтому Екатерина, а не Петр отдает приказ графу Орлову, герою «Звезды Вифлеема», принять личину «вифлеемца» и сохранить музеи и книгохранилища (Вагинов 1991, с 495-496). Сохранение, сбережение, охрана культуры — это прерогатива эллинистов.

Для того, чтобы установить, к какой традиции принадлежал Вагиновский урбанистический гротеск в «Гарпагониане», мы обратимся к опыту анализа петербургского литературного урбанизма Анциферова. Ученый выделил в традиции образов города на Неве несколько этапов, которые условно можно обозначить как «Ломоносовско-Державинский», «Пушкинский», «Гоголевский», «Петербург Достоевского», «Блоковский», «Петербург Белого».

В XVIII веке отношение к городу только формировалось, магистральной линией было восхваление Петербурга как столицы молодой полной сил империи. Отмечались его величавость и простота, ясность и гармоничность, изящество вкуса строителей¹⁶². Такой облик города воспевали М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин и др.

Л. В. Пумпянский, современник Вагинова и возможный прототип Тептёлкина из «Козлиной песни», подчеркивал, что общая тенденция оды

¹⁶¹ Гришина Е. В. Типология пейзажных образов мастеров "Мира искусства" в контексте русской художественной культуры конца XIX - начала XX века: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. — Москва, 2013. С. 25.

¹⁶² Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 62.

XVIII века «славить здания и монументы дала после 1782 г. специально петербургский росток: прославление фальконетова памятника»¹⁶³, венцом которого впоследствии станет поэма Пушкина «Медный всадник», положившая начало мифу о Петербурге.

Пушкин был последним певцом светлой стороны города, свою веру и вдохновение он разделял с Державиным, Батюшковым, Вяземским. «Северная Пальмира для них всех прежде всего прекрасное создание Петрово; сказочно быстрый рост ее — чудесен; она является символом новой России, грозной, богатой, просвещенной империи. Великие силы вызвали ее к жизни, страшные препятствия стоят на ее пути, но с ясной верой можно взирать на ее будущее»¹⁶⁴. Далее в традиции происходит увлечение мрачными сторонами жизни города. Амбивалентная сущность Петербурга, зачатки которой Л. В. Пумпянский отмечал еще в одах XVIII («оссианизм», «страшная красота природы», экзотический, ориентальный пейзаж, зависимость от «юнгианства» и т. п.¹⁶⁵), оказывается предметом рефлексии на протяжении XIX века.

«Героиней» оды XVIII века была архитектура и ее формы (дворец, здание, столп, памятник и т. д.¹⁶⁶). Пушкин, ставший творцом мифа о Петербурге, сделал своими персонажами Петра-Медного всадника, творческий и охраняющий дух Космократора, безликий хаос водной стихии (Нева), сотворенный мир (Петербург) и маленького чиновника (Евгений), на глазах которого разворачивается космогоническая схватка¹⁶⁷.

Гоголь вывел в качестве активного действующего лица Петербург, который у Пушкина был только итогом победы Медного всадника над стихиями.

¹⁶³ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 181.

¹⁶⁴ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 72.

¹⁶⁵ Пумпянский Л. В. Классическая традиция... С. 101-121, 183-188.

¹⁶⁶ Там же. С. 180.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Анциферов Н. П. Быть и миф Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 49-85.

Пушкина в первую очередь интересовало изображение человека как личности посредством изучения и объяснения социально-исторической среды. Гоголь же, как отмечает Г. А. Гуковский, «сделал попытку схватить суть самой среды, коллектива, сложного соединения масс людей как единства, как своего «героя», как объект изображения. В петербургских повестях таким «героем», единым, хоть и сложным и противоречивым объектом искусства, является Петербург, столица империи. Суть этого героя, этой среды в ее зле, подлости, античеловечности, <...> чин, «положение в обществе» здесь важнее человека, ума, души, гения»¹⁶⁸. Петербург в изображении Гоголя становится средоточием определенного социального уклада конкретного времени. И действует он таким образом на сознание своих жителей, что сверхъестественные силы уже не вмешиваются в их дела, а напоминают о своем присутствии через бытовые и поведенческие детали. Эту особенность фантастики Гоголя Ю. В. Манн назовет завуалированной или неявной фантастикой¹⁶⁹.

В Петербурге Гоголя правда и мечта сливаются друг с другом, в нем все расчлняется. «Раздвоенность личности результат действия Петербурга, раздавливающего слабую индивидуальность»¹⁷⁰, — писал Н. П. Анциферов. Мотив гибели слабой души в пространстве города предвосхищает размышления Ф. М. Достоевского, который, как уже было отмечено в параграфе, посвященном лирике Вагинова, расценивал город как выражение всечеловеческой идеи русского народа, как город-мученик, «в котором, как в Purgatorio¹⁷¹, души, прошедшие путь страданий, находят свое

¹⁶⁸ Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. — М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959. С. 298-299.

¹⁶⁹ Манн Ю. В. Эволюция гоголевской фантастики // К истории русского романтизма. — М.: Наука, 1973. С. 219-258.

¹⁷⁰ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 79.

¹⁷¹ Лат. «Чистилище». О. А. Седакова, размышляя о Чистилище Данте, пишет, что неправильно подходить к Чистилищу как к полустанку между Адом и Раем, где души только и делают, что ожидают своего скорейшего восхождения. «Чистилище (и у Данте, и вообще в католической доктрине) принадлежит к области спасения. Души Чистилища — блаженные, счастливые души, как к ним обращается Данте. Они не святые: святыми они должны стать, поднявшись до вершины «святой горы» очищения. Тогда они будут «достойны взойти в небеса», поскольку ничто не чистое и не святое войти туда не может» (Седакова О. Перевести Данте // Знамя. 2017. № 2). Так и Петербург Достоевского не является «перевалочным пунктом», он уже место потенциального спасения, через испытания которого необходимо пройти, чтобы очиститься.

возрождение»¹⁷². Достоевский отходит от традиции чиновничества, он не заостряет особого внимания на происхождении своих героев, хотя в основном они принадлежат к средним и низшим классам столицы¹⁷³. Достоевского интересовало, каким образом Петербург преображает душу человека, в нем оказавшегося.

«Символистский период» литературной истории города «возникает, развивается и осознает себя на фоне уже созданных произведений о Петербурге (главным образом — XIX в.)»¹⁷⁴. Гоголь предвосхитил одну из интенций А. А. Блока, а именно о присутствии вечной женственности в «чопорном» Петербурге. Но это не свидетельствует о сугубой зависимости Блока от автора «Мертвых душ», поскольку «классические произведения «петербургской темы» воспринимались «новым искусством» как некий единый текст»¹⁷⁵. «Образ Петербурга в поэзии Блока является звеном традиции восприятия <...> города, самой значительной и самой глубокой. Но примыкание к традиции не есть поглощение ею. Образ А. Блока вполне индивидуален. Город таинственной пошлости претворяется в город теофании»¹⁷⁶, это место божественного откровения, доступного самым чутким обитателям Петербурга.

Особняком стоит восприятие города Андреем Белым, которая нашла наивысшее отражение в романе «Петербург». Л. К. Долгополов отмечал, что особенность поэтики романа заключается во взаимодействии и пересечении «черт реальных и воображаемых, исторически-конкретных и „мыслимых“, конкретно-временных и „потусторонних“»¹⁷⁷. Такое пограничье обусловлено специфическим отношением Белого к конкретному Петербургу 1905 года, который в сознании писателя-визионера стал символом «рубежа огромной

¹⁷² Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 490.

¹⁷³ Анциферов Н. П. Петербург Достоевского // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 33.

¹⁷⁴ Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Труды по знаковым системам. XVIII. Семиотика города и городской культуры. Петербург. — Тарту, 1984. С. 79

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С. 203.

¹⁷⁷ Долгополов Л. К. Андрей Белый и его «Петербург»: монография. — Л.: Сов. писатель, 1988. С. 312.

эпохи, за которой брезжит начало неведомого периода»¹⁷⁸. Петербург стал местом, «в которой крепче и более неразрешимо, нежели в аналогичных точках завязался узел человеческой судьбы — судьбы человечества»¹⁷⁹. Актуализируя метафору «окна в Европу», города, находящегося между Востоком и Западом, Белый вносит существенное дополнение: герои романа постоянно находятся на точке пересечения, на точке касания двух миров, то есть в нескольких измерениях одновременно. Это неизбежно приводит к подавлению личности, окарикатуривая ее, поскольку в одном из миров, эмпирическом, герои «реально живут, совершают поступки, вступают во взаимоотношения друг с другом; в другом, бытийном, «надмирном», — те же поступки и действия как бы зеркально отражаются, получая дополнительную окраску, но это зеркальное отражение тоже есть реальная жизнь героев, и она-то делает их страдальцами и скитальцами»¹⁸⁰.

Белый вскрывает протеическую сущность Петербурга, в котором все смешалось, появились такие общности и аналогии, о которых трудно было догадываться: «Террорист Дудкин и сенатор Аблеухов, Азеф — руководитель боевой организации эсеров и Азеф — провокатор, Петр I — великий преобразователь и Петр I — воплощение злой губительной силы, и выше — Россия и Европа, Восток и Запад, Европа и Азия — все это переплелось, переходит одно в другое»¹⁸¹. Одно остается понятным для Белого, это то, что душа человека, находящегося в Петербурге, всегда распята, испытывает крестные муки, томится, но не ради того, чтобы возродиться в новом качестве, как это было у Достоевского, а потому, что охвачена смятением, растерянностью, осознает катастрофичность жизни. Душа застыла вместе с Петербургом в ожидании апокалипсиса.

Где же в этом разбавившемся 200 лет петербургском урбанизме находится «Козлиная песнь». Очевидно, этот роман наследует мистику Андрея Белого, доводя ее до гротеска. В «Козлиной песни» Константина

¹⁷⁸ Там же. 315.

¹⁷⁹ Там же. С. 314-315.

¹⁸⁰ Там же. С. 314.

¹⁸¹ Там же. С. 340.

Вагинов катастрофа уже произошла, его герои живут в постапокалиптическом мире, где нет Петербурга как столицы и нет Петербурга как имени. Слова из предисловия к роману Вагинова («Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград, но Ленинград нас не касается...») соотносятся с прологом к «Петербургу», где Белый отмечает, что «если же Петербург не столица, то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует»¹⁸². Вагинов называет катастрофу, произошедшую с городом, не трагедией, а «козлиной песней».

Писателю был известен генезис греческой трагедии в изложении филолога-классика Ф. Ф. Зелинского, читавшего лекции во многих местах Петербурга-Петрограда, в том числе и в Зубовском институте, Институте истории искусств, где учился писатель. О происхождении трагедии Зелинский в 1919 году писал следующее: «Она (драматичность дифирамба. — Я. Ч.) была усилена Арионом <...>, придворным поэтом Периандра коринфского; как, об этом мы за полной пропажей его поэм судить не можем, знаем только, что он ввел в свои дифирамбы сатиров, мифологических спутников Диониса, а с ними и ряженных, и своего рода действие из мифов о Дионисе. Но серьезное действие в присутствии этих пересмешников было невозможно: продолжением сатирических дифирамбов Ариона была пелопоннесская сатирическая драма с ее козловидными хоревтами, „песня козлов“, как ее тоже (вероятно, в насмешку) называли — трагедия (от греч. *tragos* — козел)»¹⁸³. Далее ученый рассказывает о становлении трагедии «высоким» жанром, постепенно вытесняющим сатирическую драму на состязаниях в честь Диониса, а также о закреплении трехчастной структуры театра с уже привычными нам кулисами, сценой и зрительным залом.

Для «Козлиной песни» важным моментом в развитии древнегреческой трагедии является мотив травестии: «козловидные хоревты», т. е. певцы хора,

¹⁸² Белый А. Петербург. — СПб.: Наука, 2004. С. 11. О влиянии Белого на Вагинова уже размышляли исследователи: *Успенский П. Ф., Фаликова Н. И.* К. Вагинов и русский символизм ранние опыты и «Козлиная песнь» в свете прозы Андрея Белого // *Русская литература.* 2017. № 2. С. 122-153.

¹⁸³ *Зелинский Ф. Ф.* Древне-греческая литература эпохи независимости. — Петроград: Огни, 1919-1920. С. 93. Разрядка в цитате везде Ф. Ф. Зелинского.

были ряжеными спутниками сценического Диониса. Мы уже упоминали о повелении Екатерины, героини вагиновской «Звезды Вифлеема», о необходимости принять «личину вифлеемца», т. е. сочувствующего советской власти, для единственной цели — сохранить «музеи и книгохранилища», оплоты просвещения. Это важнейшая задача оставшихся в Петрограде-Ленинграде эллинистов — «донести подлинную культуру до нового возрождения»¹⁸⁴.

Не случайны в генезисе трагедии упоминания о сатирах, мифологических божествах плодородия с антропоморфным телом, покрытым шерстью, которых часто изображали козлоногими, с рожками, лошадиными ушами, хвостом. Похожим на сатира является чёртик, не библейский чёрт, бес, прислужник дьявола, а порой и персонифицированный сатана (как у Ивана Карамазова), а маленький антропоморфный персонаж деревенской демонологии. Именно такими, по мысли персонажей «Козлиной песни», делают их новые властители страны: «Да уж, это как пить дать, — заметил кто-то. — Победители всегда чернят побежденных и превращают, будь то боги, будь то люди — в чертей. Так было во все времена, так будет и с нами. Превратят нас в чертей, превратят, как пить дать» (Вагинов 1991, с. 57).

По мысли героев, представители «нового христианства», т. е. последователи большевиков, обряжают их в условную оболочку с рожками, копытцами и хвостиком; чернят и высмеивают их занятия. Новые жители города не способны уяснить себе смысл деятельности прежних обитателей города. Они считают их вырожденцами, празднолюбцами, производителями бессмысленной печатной продукции: «Стихи должны передавать мысль, идти по пятам науки. Радио изобретен — пиши о радио, беспроводный телеграф изобретен — прославляй культуру» (Вагинов 1991, с. 36). Суровым будет их приговор самым чутким обитателям города, подобным герою романа — неизвестному поэту: «Пройдут годы, вся эпоха отойдет, все вокруг изменится, и над неизвестным поэтом будут смеяться, называть варваром,

¹⁸⁴ Чуковский Н. К., Чуковская М. Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских... С. 182.

сумасшедшим, идиотом, пытавшимся испортить прекрасный язык» (Вагинов 1991, с. 35).

Не только под влиянием новых обитателей города, но подчиняясь закону распада, который охватил Петербург после революции и в годы гражданской войны, словно бы лишившись живительных соков, той пуповины, которая соединяла эллинистов с нечеловеческим организмом молодого Петрополя, они вырождаются и умирают. Вагинову удается изобразить «власть места» (о которой писал Н. П. Анциферов) не только над духом, но и самой жизнью человека. Смерть города становится губительной для его коренных жителей.

По отношению к внешним преобразованиям герои Вагинова ведут себя как приспособленцы, но среди представителей своего «племени» (см. предыдущий параграф настоящей Главы) пытаются сохранить единство, они замыкаются духом своим в «башне» — характерном элементе бытового и литературного урбанистического пейзажа города на Неве. Геометрия пространства погибающего Петербурга, которой любуется лирический герой и персонажи «Козлиной песни» открывает им многочисленные башни города, среди которых башни Кунсткамеры и Таможни, Александрийский столп, Ростральные колонны, купол Казанского собора, башня Думы и др. Слово «башня» в поэтической культуре XVIII века «особенной типично с державинским смысловым оттенком»¹⁸⁵. Л. В. Пумпянский отмечает, что неотъемлемый признак Петербурга у Державина — башня. Она играет особую роль в архитектурном словаре Державина¹⁸⁶. Обелиски, столпы, чертоги, кумиры — элементы системы грандиозных образов северной столицы, тогда как башня венчает это великолепие: «Вокруг вся область почивала, / Петрополь с башнями дремал, / Нева из урны чуть мелькала, / Чуть Бельт в брегах своих сверкал» («Видение Мурзы», 1783-1784); «Златые Петрополя башни / Блистают, как свечи...» («На приобретение Крыма»,

¹⁸⁵ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л. В. Классическая традиция... С. 167.

¹⁸⁶ Там же. С. 180.

1784); «Петрополь встает на встречу; / Башни всходят из-под волн» («Шествие по Волхову российской Амфитриты», 1810).

Рассказчик «Козлиной песни» замечает: «Собственно, идея башни была присуща всем моим героям...» (Вагинов 1991, с. 107). Персонажи Вагинова живут закрытой «коммуной», членов которой объединяют «филологическое образование и интересы» (Вагинов 1991, с. 87), в своеобразной «башне из слоновой кости». Почитая себя за людей эпохи Возрождения («Мы последний остров Ренессанса <...> в обставшем нас догматическом море...» (Вагинов 1991, с. 56), они ~~начинают~~ дистанцироваться от городской жизни и заниматься единственным делом — генерацией культуры: готовят выступления, доклады, читают стихи, обсуждают новинки из мира живописи, музыки, литературы, науки. Противопоставление собственной «высокой» культуры «варварскому» к ней отношению иногда доводит героев Вагинова до курьеза. Показательными в этом отношении являются размышления Тептёлкина: «Окно раскрывалось, серебристый вечер рябил, и казалось Тептёлкину: высокая, высокая башня, город спит, он, Тептёлкин, бодрствует. „Башня — это культура, — размышлял он, — на вершине культуры — стою я“» (Вагинов 1991, с. 16). В постановке себя в центр башни проявляется определенного рода солипсизм персонажа: культура — это то, какой он ее видит. Но у Тептёлкина, каким он показан в романе, а также у его возможного прототипа — Л. В. Пумпянского, есть полное право так размышлять, поскольку из таких, как он, сформировался цвет и свет отечественной науки, гуманитарной и технической, стоящей на рационалистических и просвещенческих позициях

Попытки понять действительность Ленинграда заканчиваются у героев «Козлиной песни» ничем. В традициях Достоевского изображается страдание человеческой души, блуждающей по новому пространству. Неизвестный поэт пытается подобрать «верные» слова к определению нового «ленинградского хронотопа». Для этого он спускается в «ад диких шумов и визгов» (Вагинов 1991, с. 72), экспериментирует со словом, чтобы точнее уловить те недоступные рядовому жителю энергии, характеризующие

рождающийся на его глазах новый город. Он использует опьянение, которое рассматривается не как наслаждение, а как средство познания. Им можно «ввергнуть себя в то священное безумие <...>, в котором раскрывается мир, доступный только прорицателям» (Вагинов 1991, с. 25). Неизвестный поэт, подобно герою лирики Вагинова, странствовал по городу, напитываясь его энергиями, но так и не понял специфику Ленинграда. «Он, — как отмечает рассказчик «Козлиной песни», — не замечал, что окружающее изменяется. Он прожил два последних года в оформлении и осознании, как ему казалось, действительности в гигантских образах» (Вагинов 1991, с. 103). Неизвестный поэт изобретал мысленную конструкцию, теорию, которой хотел объяснить окружающий его мир, произошедшие в нем изменения. Но Ленинград не укладывался в то прокрустово ложе, которое готовил ему герой: «Неизвестный поэт опустил лицо, почувствовал, что и город никогда не был таким, каким ему представлялся» (Вагинов 1991, с. 103).

Петербург для Вагинова был городом интеллигенции, которой в Ленинграде предстоит свой катабасис, «сошествие во ад». Недаром в наркотических видениях неизвестного поэта возникает Авернское озеро, рядом с которым, по римскому преданию, находился вход в Аид: «Тогда зало переменялось. Для неизвестного поэта оно превращалось чуть ли не в Авернское озеро, окруженное обрывистыми, поросшими дремучими лесами берегами, и здесь ему как-то явилась тень Аполлония» (Вагинов 1991, с. 18). Вдоль «смрадных устий Аверна» рос темный лес, преграждавший путь к пещере, через которую Эней сошел в Гадес: «Вход в пещеру меж скал зиял глубоким провалом, / Озеро путь преграждало к нему и темная роща» (пер. С. Ошерова¹⁸⁷). Темный лес также напоминает образ-символ из «Божественной комедии» Данте (первая терцина первой песни «Ада»). Актуальность этого текста для Вагинова подтверждает перекличка строк хронологически последнего стихотворения поэта с первыми строками третьей песни «Ада». У Вагинова: «В аду прекрасные селенья / И души

¹⁸⁷ Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. — М.: Худож. лит., 1979. С. 247.

мертвые мертвы»¹⁸⁸; у Данте: «Я увожу к отверженным селеньям, / Я увожу сквозь вековечный стон, / Я увожу к погибшим поколениям»¹⁸⁹ (пер. М. Лозинского¹⁹⁰). Тень Аполлония¹⁹¹, которая является неизвестному поэту в «Козлиной песни», напоминает о беседе Одиссея с прорицателем Тиресием, а также другими тенями в Аиде.

В небольшой сцене наркотического видения Вагинов контаминирует известные сцены катасиса из «Одиссеи», «Энеиды», «Божественной комедии», проговариваясь о своих переживаниях о будущем людей его круга. Неизвестный поэт видит смрадные окрестности Авернского озера¹⁹². Герои «Козлиной песни» находятся в преддверии ада, обозревая местность, в которой они оказались. Для появляющегося на пороге книги автора по Ленинграду носится трупный запах, как и для его героя Тептёлкина: «Все казалось Тептёлкину таким рассыпавшимся плодом. Он жил в постоянном ощущении разлагающейся оболочки, сгнивающих семян, среди уже возносящихся ростков» (Вагинов 1991, с. 14).

¹⁸⁸ Вагинов К. К. «В аду прекрасные селенья...» // Вагинов К. К. Песня слов. — М: ОГИ, 2012. С. 152.

¹⁸⁹ Данте Алигьери. Божественная комедия. — М.: Издательство «Наука», 1967 (Сер. Литературные памятники). С. 18.

¹⁹⁰ О замечаниях к переводу М. Лозинского писала О. А. Седакова следующее: «Этот словесный мир не прижился в русской поэзии. См. об этом у В. Библихина: «Особенность «Божественной Комедии» М. Лозинского в том, что, передавая в подробностях строй оригинала, она мало дает для его утверждения в нашей культуре. Выбор слов, конструкции, звучание оставляют странным весь этот сконструированный им мир. Такова, пожалуй, черта переводческой школы тридцатых — пятидесятых годов. Она была порождением своего холодного времени» (В.В. Библихин. Слово и событие. Москва, УРСС: 2001. С. 197).

З. Г. Чистяков передает критику перевода Лозинского замечательным италистом акад. В.Ф. Шишмаревым, связанную именно с последовательно высоким стилем перевода: «Если стихия возвышенной поэзии обрела в переводе полный голос, то стихия народности, высокая простота подлинника осталась приглушенной» (Георгий Чистяков. Беседы о Данте, М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 43). Мне же кажется, что вопрос о стилистике здесь второстепенен. Главное несовпадение этого перевода с оригиналом — общая неинтонированность его речевого потока, повышенная «внутрилитературность» и декламационность.

Нетрудно вообразить, как отозвался бы об этом гладком речевом потоке О. Мандельштам, так дороживший катастрофическим, взрывным ходом дантовского повествования» (Седакова О. Перевести Данте // Знамя. 2017. № 2. Примечание 2).

¹⁹¹ Аполлония Тианского переводил А. Н. Егунов, входивший в переводческий кружок АБДЭМ, где Вагинов учился греческому и латыни.

¹⁹² Из «Энеиды»: «Птица над ним (над Авернским озером. — Я. Ч.) ни одна не могла пролететь безопасно, / Мчась на проворных крылах, — ибо черной бездны дыханье, / Все отравляя вокруг, поднималось до сводов небесных...» (Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. — М.: Худож. лит., 1979. С. 247).

Героев своего романа Вагинов поместил в преисподнюю. Здесь не только гниющие кости, «Бобок», но и зачатки новой жизни, которую писателю предстоит изучить: «Пригласил меня один чужестранец в дом свой и долго расспрашивал на незнакомом языке. И по движениями губ понял я, что расспрашивает о родине моей. Показал я знаками, что родина моя в земле, что больше нет родины моей» (Вагинов 1991, с. 487).

Эллинисты не хотят сдаваться. Они, каждый на свой лад, пытаются сохраниться, не стать той мертвой разлагающейся плотью, которая даст соки свои новым поколениям. Они стараются «принять личину вифлеемца», но не у всех это выходит. Одним из тех, кто пошел на компромисс с совестью, стал Тептёлкин, которого, как отмечает Д. С. Московская, впоследствии, однако, ждет счастливая судьба. Ему, одному из немногих персонажей романа, дается тепло домашнего очага. «Нежнейшие любовные отношения, растворенные в бытовых мелочах, заботах, хлопотах, напоминающие отношения старосветских провинциалов-помещиков Гоголя, связывают его (Тептёлкина) с «мечтой» — с женой Марьей Петровной Далматовой»¹⁹³. По мысли Д. С. Московской, Вагинов противопоставляет революционному апокалипсису, общему бесприютству, бессемейному быту, братоубийственной войне, овеянной космическими ветрами социалистический преобразований, общую для всего человечества древнейшую интуицию ценности домашнего очага. «В свете, воссиявшем над пристанищем «разоблаченного» культурниками мифа, высветилась вагиновская интуиция Города как Дома, семейной обители, земного, несостоявшегося для России воплощения древнейшей этиологической легенды земли»¹⁹⁴.

§ 3. Город в «Трудах и днях Свистонова»

¹⁹³ *Московская Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы... С. 218.

¹⁹⁴ Там же. С. 220.

Урбанизм «Козлиной песни» представил Петербург-Ленинград как преисподнюю, где происходит распад старых форм культурной имперской жизни и образа мыслей и чувствований, и прорастают невиданные семена новой цивилизации.

Действие «Трудов и дней Свистонова» разворачивается во время НЭПа. Главный герой, писатель Свистонов, продолжает линию «эллинистов», но «петербургское племя» в лице этого персонажа приобретает новые черты и свойства. Вагинов акцентирует внимание на «мефистофелевской» сущности Свистонова, которая «связана с представлением о сконструированном характере реальности и о способности художника посредством языковой игры перестраивать картину мира»¹⁹⁵. Свистонов собирает свою книгу, используя газетные вырезки, произведения других авторов, чужие дневники, украденные цитаты, перевернутые сплетни, записки, фантики, а также людей (своих друзей, знакомых, обычных прохожих). Все материалы для книги Свистонов собирает в Ленинграде и его пригородах, отдельные места которых также попадают в его роман. Свистонов, подобно охотнику, заносит в свою записную книжку картины из ленинградской жизни.

Свистонова интересуют курьезы новой советской жизни. «Мир для Свистонова уже давно стал кунсткамерой, собранием интересных уродов и уродцев, а он чем-то вроде директора этой кунсткамеры» (Вагинов 1991, с. 251). Да и сам Свистонов напоминает этим своим пристрастием первого «библиотекариуса» Кунсткамеры Иоганна Даниэля Шумахера, «надсмотрителя натуральных вещей», входило «все, что в Кунст камере есть и ко оному принадлежит чисто содержать, ко оной надлежащую химическую работу прилежно исполнять и все то чинить, что к содержанию оной ему повелено будет»¹⁹⁶. Свистонов продолжает линию «Козлиной песни», где

¹⁹⁵ Липовецкий М. Аллегория автора: «Труды и дни Свистонова» К. Вагинова // Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской литературе 1920-2000-х гг. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 130.

¹⁹⁶ Материалы для истории Академии Наук. Т 1. — СПб., 1885. С. 3. Цит. по: Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук / Ответственный редактор В. Л. Ченакал. — Издательство АН СССР, 1953. С. 26.

среди эллинистов умерший Петрополь расплодил «музейщиков». Свистонов — собиратель советских редкостей Ленинграда. Он переводит их в литературное поле.

Отголоски великолепного XVIII петербургского века слышатся и во втором романе Вагинова. Собрание Свистоновым «интересных уродов и уродцев» для своей виртуальной «Аптекарской канцелярии» соотносится с увлечением анатомов XVIII века так называемыми «монстрами» и трупами, которые нужны были для составления отечественных препаратов, составивших первоначальную коллекцию Кунсткамеры¹⁹⁷.

Собранные в одном месте «уродцы» напоминают о словах рассказчика «Козлиной песни» (первое предисловие) о гадах и жабах, которые населили Петроград-Ленинград. Мечта о Петербурге закончилась для его обитателей добровольным отшельничеством («башни культуры») и решением внутрицеховых задач. Но Свистонов стал одним из первых петербургских «эллинистов», кто решился на бунт. Й. Ван Баак писал, что в «Трудах и днях Свистонова» «реализуется мечта о том, чтобы хотя бы однажды жизнь не оказалась сильнее искусства, но чтобы напротив искусство победило бы жизнь»¹⁹⁸. Эта задача очень сложная. Свистонов говорит следующее: «Искусство — это совсем не празднество, совсем не труд. Это — борьба за население другого мира» (Вагинов 1991, с. 183).

К переселению советских душ и реалий в другой мир Свистонов подходит добросовестно. Он заново изобретает для них новый город, чтобы он не соответствовал реальному расположению домов и улиц «преображенного Октябрем» Ленинграда: «И был взят дом, в котором жил Куку, правда, дом Свистонов перенес в другую часть города, и было показано, как говорит Куку» (Вагинов 1991, с. 210). Свистонов превозносит воображаемый город. Работая над своим призрачным макетом, который пригрезился ему в забытом сне, он чувствует себя театральным зрителем: «Весь город вставал перед ним, и в воображаемом городе двигались, пели,

¹⁹⁷ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 21.

¹⁹⁸ Ван Баак Й. Заметки об образе мира у Вагинова // Вторая проза. Русская проза 20-30-х годов XX века. — Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 149.

разговаривали, женились и выходили замуж его герои и героини» (Вагинов 1991, с. 215). Искусственность романа Свистонова усиливается, поскольку советская реальность начинает брать вверх. Писательский эксперимент не удался. Реальность для Свистонова тускнеет, а город, который он кропотливо собирал в свой роман, превращается в игрушечный, откровенно ходульный, надуманный: «деревья казались не выросшими, а расставленными, дома не построенными, а поставленными. Люди и трамваи — заводными» (Вагинов 1991, с. 260). Свистонов ощущает, что те места, которые он «переправил» в свой текст, превратились для него в пустыни, а каждый знакомый, которого он «переселил» в свой текст, утянул за собой образы людей, с именами которых были связаны важные события жизни персонажа.

В «Трудах и днях Свистонова» Вагинов наблюдает, как новый город, советский Ленинград эпохи нэпа трансформирует эллинистов и ту культуру, которую они призваны были хранить. Город, лишенный прошлого, создает роботизированных жителей, творящих бездушно, пытающихся формальными приемами лишить души и свободы своих героев. Однако протест Куку и Настеньки, их бегство звучат оптимистично: у города, как и у его насельников, живая душа, способная ускользнуть и сохранить себя для будущего.

§ 4. «Бамбочада». Фантастический город

Начало сошествия петербургской интеллигенции «во ад» начинается с «Бамбочады», действие которой происходит на рубеже НЭПа и первой пятилетки. Название третьего романа Вагинова, как известно, отсылает к популярному жанру европейской живописи XVII-XVIII веков — картинкам со сценами из обыденной жизни в комическом роде, будь то сцены города, ярмарки, крестьянские праздники и т. п. В качестве бамбочиста в романе выступает Евгений Фелинфлейн, музыкант и авантюрист, история которого

формируется «с помощью своеобразного каталога словесных зарисовок, прерывных бесед, рассказанных без повода комичных случаев»¹⁹⁹.

Исследователи творчества Вагинова неоднократно отмечали, что система аллюзий в романах писателя отсылает к вечным или традиционным для русской культуры образам (см. Введение к настоящей работе). Имя главного героя «Бамбочады» — Евгения — оказывается литературно кодированным (от Кантемира до Тургенева)²⁰⁰. Литературным является и занятие Фелинфлейна, он музыкант, а этот образ, в первую очередь, тесно связан с немецким романтизмом (от Иосифа Берлингера из «Фантазий об искусстве» (1798) Вакенродера до гофмановского Иоганнеса Крейслера). Литературную генеалогию имеет и другая профессия Фелинфлейна — шулер, жулик, авантюрист. Она приближает его к современности: в авантюрном романе, как известно, время действия и социальная принадлежность пикаро строго обусловлены. Будучи представителем низов общества или деклассированного дворянства, этот «рыцарь удачи» стал таким из-за бесчеловечных законов, царящих в обществе, он — порождение окружающей среды²⁰¹. Евгений Фелинфлейн — производная определенной исторической действительности, хотя, как и герой пекарески, «несколько преображенная»²⁰². Он наркоман и шулер — продолжение галереи портретов распадающихся эллинистов Ленинграда.

В третьем романе Вагинов использует «готовую» литературную форму авантюрного романа, опирается на «живость, универсальность, пригодность, чужих оболочек для вмещения индивидуального смысла», соглашается на литературную «игру», которая как будто бы освобождает его «от нужды искать «свое» слово — слово правды»²⁰³. Реликтовый литературный мир в

¹⁹⁹ *Бреслер Д. М.* Проза К. К. Вагинова. Прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920-1930-х годов: дис. канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2015. С. 98.

²⁰⁰ Там же. С. 145.

²⁰¹ *Михайлов А. Д., Занд М. И.* Плутоской роман // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. — М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 806-807.

²⁰² *Томашевский Б. В.* Плутоской роман // Библиотека всемирной литературы. Т. 40. Плутоской роман. — М.: Художественная литература, 1975. С. 6.

²⁰³ *Московская Д. С.* Человек в ловушке воплощенного слова: антиутопия 30-х годов // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 145.

повествования Вагинова пародийно снижается, писатель вместе со своими героями спускается «в основания умозрительного космоса» и, когда происходит ослабление сюжетной связи, вырисовывается «черный ценностный фон, на который писатель нанес условный орнамент сюжета-жизни»²⁰⁴.

Действие романа происходит в 1929 году, персонажи вспоминают о прошедших двенадцати годах революции (Вагинов 1991, с. 290). Евгений из «Бамбочады» во многом рожден действительностью Ленинграда периода первой пятилетки, такой же причудливой и гротескной. Герой привык расцветивать обыденную жизнь игрой ума, населяя пространство города существующими только в его воображении различными фигурами, вроде мужчин в цилиндрах и женщин в кринолинах, веселящихся у освещенного огнями павильона или персонажами книг, вроде авантюриста и придворного алхимика королевы Христины Борри, о котором Фелинфлейн читал в чудом попавшим в его руки труде.

Как отмечает Д. С. Московская, «главный герой <...> живет инерцией защищающей его сознание сказки. Ему кажется, что ему удалось уйти от жизни»²⁰⁵. Героя, как и одного из его литературных предшественников, Евгения Онегина, время от времени мучает тоска: «Жить скучно, все время нужно развлекать себя <...>. Приходится иногда передернуть и новый для себя путь найти» (Вагинов 1991, с. 307). Чтобы развеять сплин, Фелинфлейн стремится погрузить себя в другие реальности, переместиться в дальние страны. В этом ему помогают книги, в особенности различные сочинения прежних веков, где жестокость соприкасается с фантастикой: «Евгения привлекали фигуры, имевшие душу более занимательную, чем великую, вроде Людовика XI; фигуры феодальных злодеев, вроде Жюль де Рэца, и радостный, и жестокий и циничный XVI век. <...> Профессорский сын <...> был смешлив, любил переодевания, любил жестокость, соприкасающуюся с фантастикой» (Вагинов 1991, с. 267-268). Важную роль для путешествий в

²⁰⁴ Там же. С. 146.

²⁰⁵ *Московская Д. С.* Финал «Ленинградской сказки» Константина Вагинова // Вестник славянских культур. 2010. №4. С. 56.

иные реальности играл для Евгения и опиум, курильни которого были распространены благодаря проживающим в городе китайцам²⁰⁶. Со временем, однако, курение опиума перестает давать привычный эффект, «прекрасное далеко» оказывается недостижимо: «Фелинфлейн ничего не видел; никакие незнакомые пейзажи не возникали, никакие малайские рожи не мучили его, и не возносился он, и вдруг не падал в бездну. К сожалению, все было тоскливо и серо» (Вагинов 1991, с. 279).

в духе авантюрных романов, Вагинов отправляет Фелинфлейна к тем городским локусам, которые чреватые приключениями. То тут, то там в романе появляются ленинградские топонимы, с которыми связаны гротескные и кровавые эпизоды петербургско-ленинградской жизни: Чубаров(ский) переулочок (ныне — Транспортный переулочок), в котором 21 августа 1926 года произошло групповое изнасилование двадцатилетней рабочей Любы Беляевой в примыкающем к переулочку саду завода Сан-Галли²⁰⁷; Калининская больница (Набережная Фонтанки, 166), первая венерологическая клиника Российской империи, где, по рассказам жителей дома, в котором поселился Евгений, отрезали грудь пятнадцатилетней девочке после бурной истории с молодым уголовником (Вагинов 1991, с. 303), или уже упомянутая замызганная опиумная курильня в районе Лиговки, куда Фелинфлейн приходит, чтобы забыться.

Само пространство города для героя эклектично, напоминает базар, толкучку — характерные для криминально-авантюрного жанра хронотопы: «На улице толпился народ. Унывные звуки гитар, трубы граммофонов, цыган с пляшущим медведем, китаец в дореформенном костюме, заставляющий

²⁰⁶ Мусаев В. И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / Яров С.В. и др. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. С. 122-123.

²⁰⁷ См., например: Чубаровщина: По материалам судебного процесса / Под ред. В. С. Брука, ст. пом. прокурора Ленингр. губ. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1927; Бобрышев И. Переулочки и тупики. О чубаровщине, упадочничестве, оценке наших болезней и о литературе // Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. — М.-Ленинград., 1928. С. 106-130.; Найман Э. Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. — СПб.: Академический проект, 2002.

мышей кататься на каруселях, хор гопников²⁰⁸ со склоненными головами, смотрящий на лежащую перед ним кепку» (Вагинов 1991, с. 282-283).

Во время странствий по городу Евгений встречает людей из полукриминальной среды, обитателей дворов, рынков, поставщиков площадных развлечений, а также жителей более высокого статуса, например, инженера Торопуло, квартира которого особенно выделяется Вагиновым:

Квартира Торопуло может быть введена в ряд «башен культуры», о которых мы писали в параграфе, посвященном «Козлиной песни». Квартира Торопуло — это место, где занимающие более высокое социальное положение жители обдумывают план культурного просвещения пролетариата. В условиях стремительно меняющегося быта герои «Бамбочады» решают создать «Общество по собиранию мелочей». Вдохновленный профессор физики Пуншевич обращается к своим слушателям с пламенной речью, в которой отмечает, что символ новой советской власти — Кремль — становится реальной движущей политической и моральной силой «для рабочих и угнетенных национальностей всего мира», пламенем, освещающим мир. Созданное героями «Бамбочады» общество должно заниматься вопросами изменяющегося на глазах быта. Учредители горят желанием проводить выставки предметов и вещей прежнего уклада. Они веруют в то, что это «будет иметь гигиеническое и воспитательное значение, выставленные материалы дадут толчок к образованию нового быта, покажут, от чего необходимо отказаться» (Вагинов 1991, с. 325). Посетители квартиры Торопуло — это все те же эллинисты, которые ищут возможность продолжить свое существование в новом Ленинграде.

²⁰⁸ Слово «гопник», употребленное в цитате, следует рассматривать как арготическое. Скорее, тут речь идет о выходцах из существовавших в России с XIX в. «Городских обществах призора» (ГОП), т.е. заботы, попечения, при которых имелись приюты для бездомных, калек, сирот и т.д. Тех кто содержался в этих приютах стали называть гопники. Контингент ГОПов был склонен к совершению преступлений, т.ч. слова «гоп» и «гопник» быстро обрели негативный оттенок. Гопами стали называть ночлежки или нахождение в ночлежке, а под гопниками имели в виду опустившихся людей из социальных низов, склонных к бродяжничеству и совершению преступлений.

Отпечаток «петербургскости» на этих новых эллинистах ясно читается в быте Торопуло, который одержим экзотическими блюдами. Перечень блюд, которые Фелинфлейн перебирает в уме, наблюдая за инженером, это своего рода опись экспонатов экзотической «кунсткамеры» блюд, т. к. в посленэповском Ленинграде были практически недоступны «и студень из оленьего рога, и губы говяжьих с кедровыми орешками, с перцем, с гвоздикой, и желудок бараний по-богемски и по-саксонски, и пупки куриные, искрошенные в мелкие кусочки, и хвосты говяжьих, телячьих и бараньих, и колбасы раковые, и телячьих уши по-султански, и ноги каплуна с трюфелями, и гусиные лапки по-биаррийски, и цыплят с грушами, и ягнячьих головки в рагу, и яйца со сливками, и петушьих гребни» (Вагинов 1991, с. 283).

Увлечение Торопуло диковинными блюдами дало основание А. А. Кобринскому говорить об актуализации в романе трагического мотива «пира во время чумы»: избранные наслаждаются изысканными яствами во время всеобщей деградации культуры²⁰⁹. Действительно, как и персонажи пушкинской маленькой трагедии «Пир во время чумы», герои «Бамбочады» отгораживают себя от мира и пытаются продолжать легкомысленно веселиться («юность любит радость»²¹⁰). Вагинов создает новую версию эллинистов — гедонистов и авантюристов в условиях советского Ленинграда.

В квартире Торопуло подчас слышны размышления гостей о неустроенности большинства городских жителей. Вагинов парадийно снижает характерный для петербургского интеллигенции теоретический демократизм: «Во всем городе только мы порядочно кушаем. Остальные едят всякую чепуху» (Вагинов 1991, с. 285).

По законам классической идиллии благополучие устроившихся эллинистов, этих новых «друзей человечества», «омрачают» воспоминания о трудностях жизни города и его пригородов в период военного коммунизма и

²⁰⁹ Кобринский А. А. Мнимый экфрасис: из комментариев к роману К. Вагинова «Бамбочада» // Русская литература. 2019. № 3. С. 217.

²¹⁰ Пушкин А. С. Пир во время чумы // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 379.

раннего НЭПа. В одной из сцен романа Василий Васильевич Ермилов, впервые оказавшийся у Торопуло, удивляется роскоши стола и вспоминает рассказ, услышанный им в трамвае, о методе пополнить посредством освеживания собак и вымачивании их в уксусе (Вагинов 1991, с. 286). Петя Керепетин, собеседник Ермилова, вспоминает историю о том, как научные сотрудники Петергофа пировали в пышных залах дворца черствым хлебом и огромной банкой засахаренного меда, как во время пиршества им стало стыдно за сытость, и они прекратили радоваться своей еде, отдали ее старушке, кончившей Бестужевские курсы, а она обменяла их в близлежащей деревне на «двадцать бутылок молока» (Вагинов 1991, с. 286).

Идиллия разбивается о повседневную реальность. Оказавшись однажды в вегетарианской столовой, Торопуло с сожалением отмечает, что в ней нет «никакой поэзии, никакого быта, никакой истории <...>. Ничего, нас возвышающего» (Вагинов 1991, с. 322). Вагиновские новые эллинисты — лишь пародии на высокий демократизм передовой дворянской интеллигенции, определившей на столетие ключевые свойства характера коренного петербуржца.

Урбанизм «бамбочады» состоит в том, что каждому из персонажей присущ определенный ленинградский локус. Герои вагиновского романа — это человеческие ипостаси этих местностей. «„Вид из окна ничего“, — подумал съемщик (Фелинфлейн. — Я. Ч.), увидев зелень купола собора Иоанна Предтечи» (Вагинов 1991, с. 264). О каком конкретно соборе идет речь сказать затруднительно, поскольку рассказчик «Бамбочады» не дает более никаких пояснений. Квартира топографически может быть связана, с одной стороны, с нынешним Московским районом Санкт-Петербурга, с другой — с Каменным островом. Это — квартира Фелинфлейна, которую он находит по прибытии в Ленинград: «„Вид из окна ничего“, — подумал съемщик, увидев зелень купола собора Иоанна Предтечи» (Вагинов 1991, с. 264).

В Петербурге в XX веке не было соборов, которые носили бы имя пророка Иоанна Предтечи. С этим именем существуют и по сей день две

церкви: Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове (построена в 1776-1778 гг., архитектор — Ю. М. Фельтен, просматривается с Ушаковского моста или Приморского проспекта) и Церковь Рождества Иоанна Предтечи Чесменская (псевдоготика, построена между 1777 и 1780 гг., архитектор — Ю. М. Фельтен). До Московского проспекта (рядом с которым расположена церковь) тянется и Лиговский проспект, с которым связано отрочество Вагинова (он учился в гимназии Гуревича, которая находилась в начале Лиговки). Вместе с этим сам вид Чесменской церкви привлекает внимание: в плане здание имеет форму четырехлистника, стены украшены узорчатыми вертикальными тягами и стрельчатыми арочками, стены завершают остроконечные башенки. Такое узорчатое многообразие псевдоготического строения при сопоставлении с однообразием окружающих его жилых строений привлекает взгляд своей причудливой фантастичностью. Возможно, именно в окрестностях Чесменской церкви поселяет своего героя Вагинов.

Дом, где жил Фелинфлейн, напоминал ему фантастический бытовой театр. В этом месте обыденность смыкалась с искусственностью, поражая воображение героя. Приметами времени являются, например, квартирный вопрос и связанное с ним уплотнение: «Да, уж знаете, время такое, <...> всем приходится сжиматься, да только понравится ли вам, уж больно у нас мизерно» (Вагинов 1991, с. 264). Вагиновский эллинист попадает в условия коммунального быта. Но обращает он внимание не на ужасы сосуществования людей в «вороньей слободке», а на незримое присутствие галантного XVIII века в самых неожиданных местах: «Так как язык пожилого населения того дома, в котором жил Евгений, сохранил следы XVIII века, решил дать Евгений хозяйке своей почитать «Жизнь двенадцати цезарей» в переводе XVIII века» (Вагинов 1991, с. 282). Но не только в языке «незримо пребывал» дух петровско-екатерининской эпохи. Особый отпечаток XVIII века носили на себе обитатели дома. На чердаке дома «ютились высокая, тощая, ходившая вся в черном, говорившая всегда шепотом, так называемая тетка Дуня, лет семидесяти, продававшая лампадное масло, читавшая по

покойникам, обмывавшая их, в Крещение приносившая освященную воду, на Пасху носившая святить куличи за малую мзду, под видом афонского продававшая самое обыкновенное лампадное масло» (Вагинов 1991, с. 303). Обследуя дом, Евгений обнаруживает и вещи XVIII века, в частности, бюст Г. А. Потемкина, который забирает с собой в комнату: «Бюст был повернут лицом к стене. Евгений повернул подставку и стал рассматривать лицо. Он увидел, что на лбу и на щеках оставили следы ржавые потоки с крыши, кончик носа был отбит, на ухе висела паутина, на воротнике лежал такой густой слой пыли, что воротник казался серым» (Вагинов 1991, с. 280-281).

Такие же облепленные пылью и паутиной, но тем не менее живые «картинки древности» существовали и в других квартирах дома, где поселился Евгений. Это веселило главного героя «Бамбочады», благодаря странствиям которого по Ленинграду открывались иные стороны городской жизни, отличные от официальных праздников и парадов, происходивших в центральной его части. «Ветхий» Петербург, точнее причудливо преломленные его «обломки», продолжали свое существование в «новом» Ленинграде несмотря на все усилия официальных властей «выкорчевать эту заразу» (подробнее об этом мы скажем в главе, посвященной «Гарпагониане»).

Тем не менее, реальной оказывается угроза физической гибели самого героя. Д. С. Московская отмечает, что смертельная болезнь возвращает Евгения «в реальность, которой он всецело принадлежит, — в город смерти, где ему уготован ранний неожиданный уход. Роман заканчивается неотправленным письмом умершего в туберкулёзном санатории Евгения Фелинфлеина, петербуржца-ленинградца, считавшего, что можно спрятаться от своего «властелина» в „стилевой игре“»²¹¹.

Мотив физической гибели тела впервые появляется в творчестве Вагинова в третьем романе. Темы гибели культуры, смерти как самоубийства и душевного падения развивались писателем в предыдущих романах, но с персональной смертью соприкасается только один выродившийся

²¹¹ *Московская Д. С.* Финал «Ленинградской сказки» Константина Вагинова // Вестник славянских культур. 2010. № 4. С. 56.

представитель племени эллинистов, авантюрист Евгений. На пороге первой пятилетки герой Вагинова спускается «во ад», реалии которого будут показаны в следующем романе — «Гарпагониане».

ГЛАВА 2. ОБРАЗ ГОРОДА В «ГАРПАГОНИАНЕ»

§ 1. Социалистическая перестройка Ленинграда. Определение миссии города в литературе и периодике первой половины 1930-х гг.

В предыдущей главе мы установили связь между сюжетом и персонажами романов Вагинова с изменениями исторического облика и социально-политической миссии Петербурга-Петрограда-Ленинграда после пролетарской революции.

Революция исчерпала утопическую идею города, состоявшую в мечте о победе над темным наследием азиатчины, о свободном творчестве, способном преодолеть косность природы и укротить дикость нравов, о рукотворном городе-парадизе, явление которого на русской земле обогатит мировую культуру своей уникальной творческой индивидуальностью, представит ее полноправной наследницей эллинизма. Как считали большевики, события октябрьской революции выполнили историческую миссию петровских реформ — Россия не только догнала, но и перегнала Европу: ею отныне управлял самый прогрессивный социальный слой — пролетариат. Есенин, отвечая этому настроению, рифмовал в своей поэме «Повесть о великом походе» кумачовый цвет большевистских стягов и тень великого императора-космократора: «Над Невой твоей / Бродит тень Петра. / Бродит тень Петра, / Грозно хмурится / На кумачный цвет / В наших улицах».

Социально-политические реформы: отмена монархии, отделение церкви от государства, брачная реформа, эмансипировавшая женщину и т. д. оказались более радикальными и жесткими, чем в Северной Америке, Великобритании, Франции²¹². Что касается Петербурга, то вслед за политическими изменениями происходила глубокая социально-психологическая и пространственная трансформация «души» и «тела»

²¹² Подробнее см.: *Московская Д. С.* Биография местности в русской литературе эпохи борьбы за новый быт // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 60-154.

бывшей имперской столицы. Переустройством Петербурга-Ленинграда большевики начали заниматься с начала революции, после смерти вождя революции этот процесс приобрел системный характер²¹³.

С началом эпохи реконструкции (XVI партийная конференция (апрель 1929 года), а затем V съезд Советов СССР (май 1929 года)) был утвержден «оптимальный вариант» первого пятилетнего плана. Окраины Ленинграда начали активно застраиваться новыми объектами: фабриками, заводами, жилыми кварталами для рабочих (Тракторная ул., Серафимовский участок, Палевский жилмассив, ул. Ткачей, Бабуриновский жилмассив и др.) и социально необходимыми объектами (школами, Домами и Дворцами культуры, профилакториями, банями, фабриками-кухнями). «Красная газета» рапортовала о новых технологиях, использованных при постройке домов для рабочих. Так, первое в Ленинграде жилое здание для пролетариата было сделано из теплого бетона²¹⁴, как и последующие 7 домов в 223 квартиры для швейников, металлистов и текстильщиков²¹⁵.

В городе завершалась работа по генеральной реконструкции «Красного Путиловца», постройка фабрики искусственного волокна «Вискоза», трикотажной фабрики «Красное Знамя». На Арсенальной набережной был построен чугунолитейный завод, начата постройка нового завода радиоаппаратуры и нового «Красного Ткача». На правом берегу Невы возводятся корпуса «Невского химического комбината», на Выборгской

²¹³ С 1926 года территория Ленинграда была разделена на пять проектных зон (Центральный, Московский, Выборгский, Петроградский, Василеостровский районы), по которым велось параллельное проектирование. В 1927 году были выполнены две концептуальные схемы: «Схема районирования Ленинграда» и «Схема развития Ленинграда». Благодаря второй схеме историческая застройка центра города была признана абсолютной ценностью, следовательно, значительной перестройке или разрушению она не подверглась. Помимо этого, во второй схеме развития города было намечено выйти из существующих границ Ленинграда и обеспечить линейное развитие промышленной и складской зон вверх по течению Невы (вплоть до современного Колпино) (Семенцов С. В. Градостроительство Петрограда-Ленинграда: от революционного разгрома 1917–1918 годов к возрождению 1935 года // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2012. Вып. 1. С. 138).

²¹⁴ Красная газета. 1929. № 227 (3474). С. 4.

²¹⁵ Красная газета. 1929. № 232 (3479). С. 4.

Отметим, однако, что Ленинград не являлся единственным образцовым производственным комбинатом. Его «помощником» был другой молодой город, почти ровесник «колыбели Октября» — Свердловск, который Маяковский называл городом-работником и городом-воином («Екатеринбург-Свердловск», 1928) См. подробнее у: Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в. в.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 — Екатеринбург, 2006.

стороне начинает работу опытный алюминиевый завод, а близ Волховстроя «спешно сооружается первый в СССР» алюминиевый комбинат. На Обводном канале и улице Стачек строятся маргариновые заводы.

Значительные перемены произошли в инфраструктуре Ленинграда. К концу 1920-х гг. были заменены подземные сети, уложено новое асфальтовое полотно, прокладывались новые трамвайные линии на более чем 130 улицах города. Трамвай в Ленинграде был основным видом транспорта, образы которого, в силу новизны, были представлены во многих произведениях писателей первой трети XX века²¹⁶.

Свидетельством перемены города являлась покраска «старой» и «новой» частей Ленинграда. В одной из статей цикла, посвященного цветам Петербурга, В. Н. Чураков отмечает, что в 1920-1930-е гг. в новой застройке города встречались эксперименты с гаммой, часто использовался прием «ленточного членения фасадов и зрительного выделения плоскостей с помощью контрастных по светлотности красок» (школа на Политехнической ул., 22; подстанция на Полюстровском пр., 46)²¹⁷. Колористическое решение знаменитого первого жилмассива для рабочих на Тракторной улице было построено на сочетании трех тонов — «тёмно-розового, светло-жёлтого и белого»²¹⁸. Встречалась также классическая отделка стен терразитовой штукатуркой с разрезкой поля стены на камни (профилакторий Кировского района на ул. Косинова, 19, арх. Л. В. Руднев и др., 1928-1930; Дворец культуры имени И. И. Газа, пр. Стачек, 72, арх. А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский, 1931–1935; Кировский райсовет, пл. Стачек, арх. Н. А. Троцкий, 1930–1935 и др.), что давало различный рельеф и цвет стен в зависимости от смешиваемых материалов²¹⁹. Колористику исторической части города по состоянию на 1931 год описал В. С. Карпович в статье ««Принцип цветового

²¹⁶ *Тименчик Р. Д.* Подземные классики. Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. — М.: Мосты культуры, 2017. С. 361-427.

²¹⁷ *Чураков В. Н.* Цвета Петербурга. Ч. 3. Годы коммунистической власти (1917-1991) // Фонтанка: культурно-исторический альманах / ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб, 2015. № 18. С. 13-14.

²¹⁸ Там же. С. 11.

²¹⁹ Там же. С. 14.

оформления городских улиц в Ленинграде»²²⁰. По его словам, художники отдавали предпочтение по преимуществу желтым и красным тонам, поскольку полагали, что эти цвета «способствуют наибольшей активности» и «более других создают жизнерадостное настроение и тем самым влияют на развитие наибольшей энергии». Между тем, Публичная библиотека и Гостиный двор были выкрашены в серый цвет²²¹.

Непривычно окрашенные дома, нарушившие цветовые предпочтения классического Петербурга, вызывали недоумение. Архитектурные ансамбли казались неказистыми и «упадочными», отталкивающими, потерявшими связь с устойчивым колористическим обликом, характерным для бывшей императорской столицы. «Барочные здания окрашивались в зеленый, красный и голубой цвета с непременно элементами белого и образовывали декоративные пятна, выделявшие их из окружения: например, правительственное здание Двенадцати коллегий Д. Трезини, Зимний дворец и Смольный собор В. Растрелли. Ампи́р предпочитал желтую стену с белой колоннадой — такое сочетание стало световой эмблемой города. В соединении с голубым небом, сталью речной воды, серо-черным обрамлением гранитных парапетов набережных и чугунными решетками, с зеленью парков и скверов это образовывало строгую и звучную гамму, особенно выразительную в рассеянном свете белых ночей, но не менее красивую зимой, при снежной белизне партера и черном ажуре оголенных ветвей...»²²²

Многие приметы времени первой пятилетки вошли в сюжет «Гарпагонианы». Локонов, например, поселяется на заводской окраине. В одной из сцен романа Анфертъев с недоумением спрашивает дворника о покраске дома: «Что же это дом-то не красят? <...> Весь город нынче красят, а про ваш-то и забыли» (Вагинов 1991, с. 405). Во вставках к роману

²²⁰ Карпович В. С. Принцип цветового оформления городских улиц в Ленинграде // Малярное дело. 1932. №2. С. 8-12.

²²¹ Чураков В. Н. Цвета Петербурга. Ч.3. Годы коммунистической власти (1917-1991) // Фонтанка: культурно-исторический альманах / ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб, 2015. № 18. С. 18.

²²² Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. 3-е изд. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. С.115.

персонаж Трофим Павлович Клешняк радуется тому, что «город содержится чисто, что фасады домов свежее окрашены» (Вагинов 1991, с. 516). Блуждающий по городу Локонов, случайно выходит к «дико окрашенному» вокзалу. Трамвай для героев является главным средством передвижения как наяву, так и во сне. Например, Локонов в одной из сцен «едет в трамвае на свидание с собой и видит, что вот там на панели, у Публичной Библиотеки стоит он, Локонов, и вот из-под этого сна вырастает еще сон...» (Вагинов 1991, с. 380). Анфертьев, стоя на паперти и собирая в кепку медяки, думает о хорошем сне, который ему удалось раздобыть для Локонова: «Вот девушка видит сон: ей кажется, что она трамвай, она едет и звенит, ей очень весело, она чувствует, что наполнена людьми» (Вагинов 1991, с. 392).

Скорость возведения производственных и бытовых объектов, обживание новых (по большей части периферийных) районов вокруг Ленинграда отвечало общей установке существенно переменить облик города. По мысли устроителей, к 1930 году должно «отчетливее выявиться лицо Ленинграда, как единственного гигантского производительного комбината, как города-завода, «великого индустриализатора»²²³. Периферийные пространства Ленинграда застраивались новыми объектами вокруг производственных предприятий, что соответствовало урбанистическим установкам первой пятилетки²²⁴.

В литературе первой половины 1930-х гг. преобразование Ленинграда воспевали начинающие поэты-рабочие, печатавшиеся в ленинградских журналах и газетах начала 1930-х гг. Так, в «Вечерней красной газете» появились незатейливые стихи В. Соловьева, в которых через метафору воды отмечалось стремительное изменение облика города. «Как время бежит, гражданин Ленинград! / Как быстро меняется даль твоя? / Блестит перекресток, как водопад / И улица — речка асфальтовая! <...> Большая строительству воля дана / Разыгрались совки и ломики, / И на пустырях вырастают дома / И даже на домиках — домики»²²⁵.

²²³ Красная газета. 1929. № 232 (3479). С. 4.

²²⁴ Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. 2015. № 2 (49). С. 10.

²²⁵ Вечерняя красная газета. 1932. № 279 (3254). С. 2.

Ленинград должен был стать городом-заводом, который, помимо вещей сугубо производственных должен был заниматься выковыванием большевистских кадров. «Город Ленина — колыбель пролетарской революции, кузница большевистских кадров»²²⁶. Именно в Ленинграде, где «каждый камень хранит живую историю борьбы за освобождение от власти буржуазии и помещиков»²²⁷, родился новый человек, сбросивший с себя «оковы самодержавия». Ленинград по мысли идеологов индустриализации должен был явить полноту революционной мечты, стать городом состоявшейся утопии.

Пролетарские писатели 1930-х гг. в своих произведениях предлагали новую хронологию жизни бывшей северной столицы, которая начиналась с 1917 года. Целенаправленно проводилась мысль о том, что Ленинград — молодой город, но не потому, что родился он, в отличие от других крупных центров страны, всего 200 лет назад, но потому, что является колыбелью новой эры мира, где формировался новый биологический тип «хомо сапиенса» — «большевик»: «Это здесь, до десятого пота, / Прошибали тупые века / Всею плотью борьбы и работы — / Биологией большевика»²²⁸. Время борьбы за торжество права и воли пролетариата вспоминается с ностальгией и описывается как начало пути многих «пролетарских» мальчиков, которые позже станут добросовестными работниками многочисленных промышленных предприятий Ленинграда. Так, начинающий литератор Лада из рассказа Д. И. Лаврухина «Выход на работу» с восторгом описывает свое участие в революционной борьбе: «Поманили в город не голоса крашенных девчонок, а вкрадчивые и очень длинные выстрелы. Как услышал я их тогда, как подхватывал я кем-то оброненную у заставских ворот серую гранату, да как подшвыривал я гранату под машину с юнкерочками... Машина на колени — плюх, юнкерские остатки через канаву — ух! Где каблук, где голова...»²²⁹

²²⁶ Литературный Ленинград. 1933. № 3 (27 июл.). С. 1.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Гитович А. Молодежь // Ленинград: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 1930. № 5/6. С. 3.

²²⁹ Лаврухин Д. Выход на работу // Ленинград: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 1930. № 2. С. 46.

В рамках новой истории Ленинграда особенно выделяются два символических события: захват власти (штурм Зимнего дворца) и ее удержание (защита Петрограда от белогвардейцев во главе с Юденичем). В обоих сюжетах ключевую роль играли рабочие. В первом случае, который описан, например, в рассказе М. Сковородникова²³⁰, именно пролетарии организованно стеклись к «Авроре» и сломили сопротивление юнкеров, защитников Временного правительства, и само это правительство во главе с Керенским. О втором случае писатели обычно только упоминали, часто при описании портрета конкретного персонажа. Так, повествователь Б. Винникова из рассказа «За городом» обращает внимание на отсутствие одного уха у рабочего Дырынды и предполагает, что оно было «очевидно, отрублено» во время засады, организованной белогвардейцами при штурме Петрограда²³¹.

Особая роль в преображенном городе отводилась окраинам, которые рассказчикам, несмотря на описанные в прессе успехи строительства, представлялись темными и скучными пустырями, покрытыми туманом. Предполагалось, что эти еще необжитые пространства вскоре соединятся с городом проводами, ток которого оживит их. Проведение такой гальванизации еще только строящихся улиц вокруг проспекта Володарского воображает рассказчик Б. Винникова: «В город побегут звенящие провода, они соединят эти серые пустыри с ним. И пустыри зашагают в ногу с городом, наш пульс будет биться в такт пульсу города»²³². Город воспринимается рассказчиком как солнечное, несущее прогресс, дающее занятость место, тогда как окраина — это нищета, свалка, пьянство и неудобные политические разговоры о том, кому и какую обиду нанесли большевики. Но эти проблемы окраины не пугают рассказчика, он полагает, что время и упорный труд помогут преодолеть невзгоды: «Так и должно

²³⁰ Сковородников М. Юнкер // Ленинград: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 1930. № 2. С. 108.

²³¹ Винников Б. За городом... С. 40.

²³² Там же. С. 41.

быть. Старые пустыри всегда зарастают полынью и мусором. Их надо упорно расчищать»²³³.

«Петербургу быть пусто» — проклятие, о котором вспоминает и Анциферов, сбывается. Но возникающий на окраинах «Манчестер на Неве» — это первый город победившего пролетариата, с основания которого началось шествие большевизма по стране и миру. Город возрождался на новой материальной основе — рос из окраин, строился, наступая с периферии, воплощая петровскую мечту об историческом творчестве народа.

К тому моменту, когда Вагинов приступил к написанию «Гарпагонианы», общим местом была трактовка Ленинграда как молодого города, стоящего в авангарде индустриализации, как гигантского города-завода, который, помимо производственных товаров занимается выковкой и перековкой большевистских кадров.

§ 2. Творческая история «Гарпагонианы»

Процесс ускоренной урбанизации Советского Союза предопределила индустриализация конца 1920-х гг., основной задачей которой было развитие военно-промышленного комплекса страны²³⁴. Прежде всего развивалась тяжелая промышленность, возводились промпредприятия, «первенцы пятилетки» — Магнитогорский, Свердловский, Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский, Челябинский, Харьковский тракторные заводы, Уралмашзавод, ГЭС на реке Дзорагет в Армении, Балахнинский целлюлозный комбинат, Комсомольск-на-Амуре, Днепрогэс, автомобильные заводы ГАЗ, ЗИС и т. д. Подле или вокруг этих объектов должны были вырастать красивые новые города, а в тех местах, которые были пионерами дореволюционной промышленности (Москва, Ленинград, Харьков,

²³³ Там же. С 43.

²³⁴ *Меерович М. Г.* Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. 2015. № 2 (49). С. 10.

Ярославль, Пермь, Екатеринбург и т. п.) предприятия обновлялись, благоустраивалась территория, и медленно появлялись жилые дома²³⁵.

Ускоренный индустриальный рост городов СССР, изменение их политического и экономического статуса, появление новых градообразующих предприятий, как правило разрушавших, укрупнявших или перепрофилирующих старые, созданные усилиями купеческого среднего и крупного капитала, нуждался в пропагандистских агитационно-просветительских проектах. Для их создания существовали необходимые предпосылки. Как отмечает Д.С. Московская²³⁶, к началу 1930-х гг. существовала обширная историко-документальная, научно-популярная и беллетристическая источниковая база о городах и городском пространстве, на которую можно было опереться. В пред- и пореволюционные годы о Санкт-Петербурге писали В. Я. Курбатов, Н. П. Анциферов, П. Н. Столпянский; о Переславле-Залесском М. И. Смирнов; об Угличе К. Н. Евреинов, о Костроме В. И. Смирнов²³⁷. В 1920-е, вплоть до первой пятилетки, урбанистическая литература была представлена работами ученых-историков и краеведов. Об Иваново-Вознесенске писал П. М. Экземплярский²³⁸; о Суздале — М. Достоевский²³⁹; о Краснослободске — Н.

²³⁵ См.: *Меерович М. Г.* Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР — средство управления людьми. 1917-1941 гг. — Stuttgart. Ibidem-Verlag, 2005; *Он же.* Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. / Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность. — М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2007; *Он же.* Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917—1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008; *Он же.* Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926—1932 гг. (концепция социалистического расселения — формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008; *Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII — начала XXI веков / под ред. Е. В. Коньшевой, С. А. Баканова, Л. В. Никитина.* — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008; *Советское градостроительство 1920—1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова.* — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 и др.

²³⁶ *Московская Д. С.* Проблемы урбанизма в историко-литературном процессе 1930-х гг. (Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте «История русских городов как история русского быта». По архивным материалам) // *Studia Litterarum: науч. журн.* 2016. Т. 1. № 1–2. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 288.

²³⁷ Там же.

²³⁸ *Экземплярский П. М.* Село Иваново в начале XIX столетия: (К истории города Иваново-Вознесенска) — Иваново-Вознесенск: Губ. науч. о-во краеведения, 1925.

²³⁹ *Достоевский М.* Суздаль / Милий Достоевский; под ред. И. Н. Бороздина. — М.: Образование, [1919].

Костин²⁴⁰; о Кингисеппе — П. Н. Жулев²⁴¹; о Ростове-на-Дону — М. Б. Краснянский²⁴²; об Архангельске — А. Н. Попов²⁴³; о Нерчинске — Л. А. Пуляевский²⁴⁴; о Самаре — Н. А. Архангельский²⁴⁵; о Великом Новгороде — А. И. Некрасов²⁴⁶; о Перми существовал целый сборник очерков²⁴⁷; о Красноярске²⁴⁸, Екатеринбурге²⁴⁹ — сборники статей. Но все эти книги представляли собой исторические очерки о прошлом и настоящем города, тогда как для нового урбанистического проекта требовался совершенно иной подход: необходимо было показать новую, преобразенную социалистическими стройками действительность, устремленную в будущее. Изображать эту действительность нужно было в ином ключе.

А. М. Горький был инициатором одного из таких проектов «нового типа» — «Истории городов». Намерение писателя, как показали разыскания Д. С. Московской, были далеки от попытки сохранить и донести до потомков достижения дореволюционных градостроителей — «труды и дни» городского мещанства, купечества, ступившего на путь капитализма крупного местного дворянства, ставших благотворителями, своими щедрыми

²⁴⁰ Костин Н. Краткий очерк истории Краснослободского уезда и города Краснослободска Пензенской губернии / Н. Костин. — [Краснослободск], 1921

²⁴¹ Жулев П. Н. Очерк истории Кингисеппского уезда и города Кингисеппа (бывшего Яма-Ямбурга) — Кингисепп: Отд-ние нар. образ. Кингисеппск. уисполкома, [1924].

²⁴² Краснянский М. Б. Материалы по истории гор. Ростова на Дону со дня основания первого русского поселения на территории города до учреждения Ростовского н.-Д. округа в крепости Димитрия Ростовского 1741-1797. — Ростов н/Д, 1930.

²⁴³ Попов А. Н. Город Архангельск: История. Культура. Экономика: Краткий краеведческий очерк с прилож. плана / А. Н. Попов; Архангельск. о-во краеведения. — Архангельск: тип. Северный печатник, 1928.

²⁴⁴ Пуляевский Л. А. Очерк по истории г. Нерчинска / Л. А. Пуляевский; Нерчинск. музей местного края и Нерчинск. отд-ние Дальневост. о-ва краеведения. — Нерчинск: тип. Нерчинск. РК ВКП(б), 1929.

²⁴⁵ Архангельский Н. А. Самара: исторический очерк / Н. А. Архангельский. — Самара: Тип. Губкооперативсоюза, 1923.

²⁴⁶ Некрасов А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь. — Москва: Изд-во т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1924.

²⁴⁷ Город Пермь: Сборник очерков по истории, культуре и экономике города, с планом города и прил. адресного справочника / Под общ. ред. Секции по изучению города Пермское о-во краеведения. — Пермь: [Пермское о-во краеведения, 1926].

²⁴⁸ Триста лет города Красноярска. 1628-1928 / Красноярск. горсовет... — Красноярск: Городской совет, 1928.

²⁴⁹ Екатеринбург за двести лет. (1723-1923): [сборник статей] / под ред. В. М. Быкова. — Екатеринбург: Юбилейная комис. Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейск. депутатов, 1923.

пожертвования поддерживавшими и развивавшими социально-экономическую инфраструктуру российских городов.

Горький замыслил представить серию «Истории городов» как научно-популярную версию гоголевских «Ревизора» и «Мертвых душ» или Щедриной «Истории одного города», в которой обличалось бы «преобладающее население провинциальных губернских и уездных городов» — провинциальное мещанство. «В нашей дооктябрьской действительности, — писал Горький, — был ряд специфических условий, которые позволили именно мещанству, на протяжении почти трех столетий, играть роль создателя и организатора русского быта. Мещанин <...> „враг внутренний“, не только в том смысле, что он живет среди нас, а и в том, что он живет внутри каждого из нас. <...> Этот враг, количественно обильный и трудноуловимый, должен быть разоблачен и уничтожен. „История русского быта“ и должна поставить целью своей освещение, обнажение системы коренных верований, специфических навыков мысли и всей „исторической“ — бытовой действительности мелкого собственника»²⁵⁰.

Дорогим Горькому идеям жизнетворчества и освобождения мира от хаоса неорганизованных сил угрожало также появившееся к концу 1920-х гг. новое «советское барство»²⁵¹, под которым понимались советские граждане, ведущие роскошную жизнь. Горький встал на борьбу за «биосоциальную гигиену», которая легла бы в основу новой морали и могла бы стать началом процесса «к более тесному дружескому единству людей, пред которыми стоит грандиозная задача — перевоспитать несколько десятков миллионов мелких хозяйчиков в культурных работников, в сознательных строителей нового государства»²⁵². Именно эти «организованные силы» смогут создать

²⁵⁰ Цит. по: *Московская Д. С.* Проблемы урбанизма в историко-литературном процессе 1930-х гг. (Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте «История русских городов как история русского быта»). По архивным материалам // *Studia Litterarum: научный журнал.* 2016. Т. 1. № 1–2. С. 288–289.

²⁵¹ Правая опасность в области искусства // На литературном посту. 1929. № 4–5. С. 4–6.

²⁵² *Горький М.* О мещанстве // На литературном посту. 1929. № 4–5. С. 12.

«из грубых кусков обожженной глины» «вторую природу» великолепных «дворцов культуры» — городов²⁵³.

И хотя ни одна из подготовленных в рамках горьковского проекта научно-популярных книг о городах так и не была опубликована, тем не менее информационное его сопровождение выдвинуло урбанистическую тематику на первый план, которой заинтересовались советские писатели. Об этом свидетельствует наличие таких текстов, как «Кремль», «У» Вс. Иванова; «Город Эн» Л. Добычина; «Мастер и Маргарита» Булгакова; «Усомнившийся Макар», «Счастливая Москва» А. Платонова, «Книжники» М. Чернокова, «Анофелес» Н. Тихонова и др. Константин Вагинов также внес существенный вклад в развитие художественной репрезентации урбанистического пространства. Этому способствовала вовлеченность писателя в другой горьковский краеведческий проект, «История фабрик и заводов». О его начале было объявлено в октябре 1931 года постановлением ЦК ВКП(б) об издании «Истории фабрик и заводов». Материалы к этому проекту создавались ранее на большинстве крупных промышленных предприятий, активно принимавших участие в революционных событиях²⁵⁴. Вагинову и другим писателям от ВССП было поручено собрать и отредактировать материал по истории Нарвской заставы, результатом чего стала книга «Четыре поколения»²⁵⁵.

На большинстве предприятий СССР в создании «Истории фабрик и заводов» принимали участие рабочие, нуждавшиеся в квалифицированных наставниках для написания стилистически, композиционно, орфографически грамотных текстов. В этом смысле художники слова, и Константин Вагинов в их числе, приняли активное участие в воспитании новых писательских кадров в рамках «призыва ударников в литературу». Как показала З. С.

²⁵³ Горький М. О культуре // Горький М. Собрание сочинений в 30 тт. Том 24 - Статьи, речи, приветствия 1907 – 1928. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 408.

²⁵⁴ Подробнее об этом см.: А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР / под ред. И. Бачило. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 345-358.

²⁵⁵ Четыре поколения (Нарвская застава): В сборе материала принимали участие К. К. Вагинов, Н. К. Чуковский / Организатор книги С. Д. Спасский; Сбор. материала, ред., композиция: С. Д. Спасский, А. Г. Ульяновский. — Ленинград: Изд-во писателей, 1933.

Закружная на примере Литературного объединения красной армии и флота (ЛОКАФ), произведения на производственную тематику должны были быть небольшие по объему, поскольку крупные формы вызывали затруднение не только у «простого» читателя (долго было читать), но и «массового писателя» (долго и трудно было писать)²⁵⁶. Очерк, в том числе для «Истории фабрик и заводов», был наиболее удобной формой, в которой можно было практиковаться начинающим писателям из пролетариата.

Для целей воспитания «массового писателя» создавались литературные кружки и литобъединения, ведение которых было одной из форм занятости состоявшихся художников слова на производстве. В одном из таких кружков, на заводе электроламп «Светлана», совместно с Н. К. Чуковским, преподавал литературное мастерство Константин Вагинов²⁵⁷.

Деятельность светлановского кружка реконструировал в своей диссертации Д. М. Бреслер²⁵⁸. Историю участия Вагинова в жизни завода репрезентируют любопытные воспоминания одного из кружковцев — А. А. Капралова, опубликованные А. Л. Дмитренко и Д. М. Бреслером в совместной статье²⁵⁹, где сообщается, как и чему учил Вагинов начинающих писателей. В частности, Капралов отмечает писательскую тактичность и терпимость к «промахам». Вагинов старался познакомить своих подопечных с качественными литературными образцами («Под его (Константина Вагинова. — Я. Ч.) присмотром мы читали и разбирали Достоевского, Пушкина, Вальтер Скотта, Гюго и других писателей»²⁶⁰), разъяснить своим подопечным содержание некоторых понятий, например «собираемый тип», «домысел» в литературе и т. п.²⁶¹ Рабочий-мемуарист упоминает ожесточенные споры вокруг проблемы взаимодействия художественного

²⁵⁶ Там же. С. 142-143.

²⁵⁷ Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л. Когда на Светлану пришли писатели // Светлана: газета акционерного общества «Светлана». 2013. № 5-6 (5210-5211). 20 июня. С. 10-11.

²⁵⁸ Бреслер Д. М. Проза К. К. Вагинова. Прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920-1930-х годов: дис. канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2015. С. 104-127.

²⁵⁹ Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л. Вагинов в диалоге с пролетариатом (литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) // Русская литература. 2013. № 4. С. 212-234.

²⁶⁰ Там же. С. 223.

²⁶¹ Там же.

сознания и жизни: каким образом последняя должна входить в текст, при каких обстоятельствах вымысел претендует на истинность и что можно считать художественным «враньем». Проанализировавший этот фрагмент воспоминаний Д. М. Бреслер указывает, что «увлекающиеся писательством рабочие неуклонно требовали «живой жизни» в литературе, и потому формальная литературная техника с трудом ими принималась»²⁶². Только казус со слесарем Антоном Чунасом, который стал прототипом одного из негативных персонажей в рассказе подопечного Вагинова, опубликованном в журнале «Светлана», показал, каким образом «живая жизнь», прямо включенная в повествование, может негативно повлиять на человека: узнав себя в рассказе, Антон Чунас жаловаться не стал, «на другой день он не вышел на работу, а еще через несколько дней нам (т. е. кружковцам. — Я. Ч.) пришлось объясняться с начальником цеха»²⁶³. Знакомый с обидами друзей и знакомых, узнавших себя в персонажах «Козлинной песни», Вагинов не понаслышке знал, как влияет «узнавание себя» в тексте другого, поэтому благодаря ему дело со слесарем Чунасом было вскоре улажено.

Увлеченная работа Вагинова с рабочими, а также собирание материала для книги об истории Нарвской заставы частично проливают свет на то, почему его хронологически последний роман «Гарпагониана» наполнен новыми темами и персонажами, далеко выходящими из круга повседневного опыта и деятельности Петербургско-Петроградской дореволюционной интеллигенции: писатель открыл для себя неизвестные стороны жизни любимого города, стихия «новой жизни» проявила себя во время работы писателя в литературном кружке: «Именно тогда он разделался с туманными аллегориями, достиг зрелости и почувствовал влечение к изображению живой жизни»²⁶⁴.

Соприкоснувшись с другой жизнью, жизнью заводских рабочих, познакомившись с картинами городских окраин, Константин Вагинов не мог

²⁶² Бреслер Д. М. Проза К. К. Вагинова... С. 116.

²⁶³ Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л. Вагинов в диалоге с пролетариатом (литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) // Русская литература. 2013. № 4. С. 223.

²⁶⁴ Чуковский Н. К., Чуковская М. Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских... С. 193.

не заметить произошедшие в Ленинграде изменения, в особенности речевой слом, специфику которого он активно начал изучать и фиксировать в записной книжке 1930-х гг. «Семечки»²⁶⁵.

Динамику произошедшего языкового изменения можно определить следующим образом: от «грубого слова» к блатному. Введение «грубого» слова в повествование на правах нормативного на примере творчества М. М. Зощенко убедительно описала М. О. Чудакова, которая пришла к выводу, что к началу первой пятилетки «нормативная письменная и устная речь утратила свою недавнюю авторитетность и универсальность, во-первых, потому, что оказалась недоступной слоям, получившим активную роль в общественной жизни <...>; во-вторых — с утратой социального престижа ее носителями»²⁶⁶.

Как показала Д. С. Московская, новое качество языка эпохи реконструкции оказало влияние на идиостиль. «В них (произведениях. — Я. Ч.) <...> реалиями оказываются не исторические имена или события, но запечатленные в слове чужие смысловые обертоны, обрывки чужих идеологем, все то, что опосредованно составило „вещный“ фон платоновского текста»²⁶⁷. Платоновское словоупотребление выявляет не «вещи», а отношение писателя к ним, и позволяет продемонстрировать идейное пограничье, в которое вступила страна в год великого перелома. Так, например, в ударные годы первой пятилетки ленинская традиция употребления в полемике оскорбляющих адресата слов творчески развивалась: «мерзавец» становится синоним «маскирующего свою меркантильную, индивидуалистическую, собственническую, мелкобуржуазную сущность представителя рабочего класса или интеллигентской прослойки»; «дурак» — социально и политически

²⁶⁵ Об описании этой книжки см.: *Бреслер Д. М., Дмитренко А. Л.* Бросать живительные "семечки": прагматика вторичного использования словесного сырья в записной книжке Вагинова / Д.М. Бреслер. С. 31–38; А. Л. Дмитренко. С. 29–30 // *Транслит.* 2014. № 14. С. 29–38; *Бреслер Д. М.* «Семечки» К. К. Вагинова: творческая лаборатория писателя начала 1930–х годов // *Русская филология: сб. науч. тр. молодых филологов / Тартуский ун–т.* — Тарту, 2014. № 25. С. 224–234.

²⁶⁶ *Чудакова М. О.* Поэтика Михаила Зощенко. — М.: Наука, 1979. С. 76–77.

²⁶⁷ *Московская Д. С.* Андрей Платонов и литературные институции. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4. № 4. С. 240.

маркированным, этим словом обозначалась принадлежность к правому, бухаринскому уклону; переосмысляются понятия родства (сыновство, сиротство и т. п.), покаянный смысл приобретает словосочетание «товарищ пролетариата» и т.д.²⁶⁸

В языковой практике эпохи реконструкции с характерными для нее процессами против дореволюционной интеллигенции²⁶⁹ подпал под подозрение «„интеллигентский“ язык, который в свете этого нового слова теряет права голоса, становится „лишенцем“»²⁷⁰. Неожиданно ругательным становится слово «гуманист», семантическое поле которого «пересекается с горьковским издевательским „солитером“, паразитом-„одиночкой“»²⁷¹.

Трансформации языка советской эпохи отвечал изменившийся характер социально-бытового пространства города не только пролетариата, но наступление темного люда, который окрашивал и образ мысли, и жизни, и язык города своими «миазмами». Не избегли этой участи и эллинисты Вагинова. Среди героев «Гарпагонианы» бывший дворянин, собиравшийся стать учителем, Анфертьев, который, пройдя через ужасы войны и тюрьмы, оказывается человеком вне иерархии, поддерживающим контакты как с бандитскими, так и интеллигентскими кругами Ленинграда (об этом пойдет речь в следующей главе). Этот герой-фланер прокладывает маршруты ежедневных своих путешествий по Ленинграду и позволяет Вагинову живописать новые индустриально-трусщобные ведуты, а с ним — и новую речь этих окраин. Писатель вводит в роман «блатное» слово в основном в репликах или внутренних монологах героев, принадлежащих к различному «темному люду» города («Я сегодня купил баян, *спрыснем*», «Вот что, миляга <...>. Видишь *полфедора?*»), «Пусть знает, не *фрейер* я, чтоб меня *на*

²⁶⁸ Там же. С. 242-244.

²⁶⁹ «Шахтинское дело», май 1928 года; «Дело Промпартии», «Дело трудовой крестьянской партии», оба ноябрь-декабрь 1930 года; «Академическое дело», февраль-август 1931 года; «Дело краеведов», май 1931 года; ««Дело Российской национальной партии» («Дело славистов»), март-апрель 1934 и др.

²⁷⁰ Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко... С. 77.

²⁷¹ Московская Д. С. Андрей Платонов и литературные институции. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 4. С. 243.

хому́т брать!»²⁷²). Блатной язык, а вслед за ним и культуру поведения, отношения к окружающим, перенимают и представители маргинализирующейся интеллигенции, вынесенные за рамки советской социальной системы из-за своего происхождения или расхождения с позицией официальной идеологии. «Язык пролетариата» начинает разъедать языковое пространство интеллигенции, следствием этого является появление новых межумочных персонажей, вроде Анфертьева.

Современная Вагинову гуманитарная наука с начала революции разрабатывала проблему языкового быта города. Этим занимались Институт живого слова²⁷³ и Государственный институт истории искусств, где действовали семинары по городскому фольклору²⁷⁴. Изучение языкового облика города позволило лингвистам, например Б. А. Ларину, говорить о существовании языковой спецификации, на которой говорят люди одной профессии («Тесная бытовая спайка обуславливает языковую ассимиляцию, сложение своеобразных у данного коллектива разговорных (и письменных) типов речи»²⁷⁵), а также об особом двуязычии, в рамках которого арготические элементы отталкиваются от литературной нормы. Арго в городской жизни не представляет собой паразитическую надстройку «нормального» языка: «говорящим на арго» должен быть назван именно тот, «для кого литературный или всякий другой знакомый ему тип языка так же вторичен, затруднителен, необычен, как <...> для нас подлинное арго»²⁷⁶. Разницу между носителями языка советского поколения и дореволюционного отметил Е. Д. Поливанов в работе «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка» (1931):

²⁷² Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Сост. А. И. Вагиновой, Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 374, 423, 425.

²⁷³ Белювская М. Е. Институт живого слова, 1918-1924 гг.: Опыт реконструкции фонда. — М., 1997. С. 81-82, 151. URL: https://www.academia.edu/29607083/Институт_Живого_Слова_1918-1924_гг._Опыт_реконструкции_фонда (дата обращения: 13.05.2019).

²⁷⁴ Кумтан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920-х – 1930-х гг. // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. С. 562. URL: <http://pushkinskiydom.ru/nauchnye-otdely/otdel-vzaimosvyazey-russkoj-i-zarubezhnyh-literatur/instituty-kultury-leningrada-na-perelome-ot-1920-h-k-1930-m-godam-materialy-proekta/> (дата обращения: 13.05.2019).

²⁷⁵ Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). — М.: Просвещение, 1977. С. 181.

²⁷⁶ Там же. С. 185.

«В том, что язык, на котором мы говорим в 1928 г., и тем более язык того пионерско-комсомольского поколения, которое вообще не существовало еще в дореволюционную эпоху, существенно отличается от языка рядового интеллигента довоенного времени, никто, я полагаю, не будет сомневаться»²⁷⁷. К концу 1920-х гг. употребление слов из жаргона преступников, «коверканье» русского языка «матерной словесностью», «пахучими словами», «блатной музыкой» «нашли себе широкое распространение в России, — не только в городской фабрично-заводской среде, но кое-что попало и в деревню»²⁷⁸. Фабрично-заводская молодежь стала считать «слова и сочетания воровского жаргона такими чертами, которые отличают ее от интеллигенции. Это — „пролетарский язык“»²⁷⁹.

Достигшая апофеоза к началу первой пятилетки борьба за новый языковой стандарт²⁸⁰ показала, что распад мировоззрений, жизненных укладов совершается в языке: здесь происходила «переоценка всех ценностей», что было замечено и художественно воспроизведено Вагиновым, как мы показали на примере лирики и прозы. В начале 1930-х гг. стало очевидно окончательно, что дореволюционная парадигма канула в Лету, а с ней и вагиновское очарование зрелищем гибели прежней культуры, о

²⁷⁷ *Поливанов Е. Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // *Поливанов Е. Д.* Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. — М.: Наука, 1968. С. 206.

²⁷⁸ *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) — Москва: Работник просвещения, 1928. С. 76.

²⁷⁹ Там же. С. 80.

²⁸⁰ Предпосылкой «упрощения» речевой коммуникации являлось массовое чтение газет, начало которому положил знаменитый «Декрет о печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 года, где говорилось о том, что ограничения печати вводятся для пресечения «потока грязи и клеветы (на советскую власть. — Я. Ч.), в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса» (Декреты Советской власти. Т. I. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 24). «Правильными» по вышедшему Декрету считаются те газеты, в которых «верно» освещаются события, происходящие в стране при новой власти. И язык этих газет во многом определялся стилевыми тенденциями, заданными вождем революции — В. И. Лениным, риторика которого была проанализирована в цикле статей формалистов, опубликованных в журнале «Левф» (Левф. 1924. № 1. С. 53-139). Ироническое отношение В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Казанского и др. к скупости словаря Ленина, его грубости и примитивности его ораторских приемов, убогости запаса литературных сведений не укрылось, например, от внимательного В. Ф. Ходасевича (*Ходасевич В. Ф.* Язык Ленина // *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Критика и публицистика (1905-1927). — М.: Русский путь, 2010. С. 308-309), однако, сам язык вождя, стиль его речей способствовали организации нового сознания, для которого ненормированная речь являлась нормой.

которой он упоминал в ответе на критику С. Малахова²⁸¹, переросшее в тревожное наблюдение за ходом «болезни» культуры города.

§ 3. Город в «Гарпагоииане»

«Гарагоииана», созданная в эпоху индустриального штурма, становится в русло той традиции изображения города, которая была положена литературой XIX века, когда Петербург начал стремительно обрастать первыми полукапиталистическими заводами, железной дорогой, «капитальными» пятиэтажными домами, новыми каналами, в частности, Обводным, соединившим фабричные районы с портом. Уже не пушкинская Мойка, не некрасовская Фонтанка, не Нева Достоевского, а вырытый, чтобы предотвратить наводнения, Обводный рукотворный канал стал доминантой ленинградского пейзажа. О его «царственном господстве» в Ленинграде Н. Заболоцкий писал в «Столбцах»: «В моем окне на весь квартал / Обводный царствует канал» («Обводный канал», 1928). Н. П. Анциферов отмечает, что в словесности этого времени пропадает интерес к панорамам города, характерный для произведений XVIII в., все больше писатели интересуются топографией Петербурга, а именно «внимание к себе начинают привлекать районы, доселе остававшиеся вне поля зрения художественной литературы»²⁸², тихие провинциальные и непарадные, вроде Коломны (А. С. Пушкин «Домик в Коломне», краеведческий очерк Н. В. Гоголя в «Портрете»), или районы (в том числе и центральные) с «капитальными» домами «под жильцов», пришедшие на смену дворцам и казенным зданиям (план В. Ф. Одоевского о коллективном романе о трехэтажном доме «Тройчатка»)²⁸³.

В «Гарпагоииане» Вагинов избегает зарисовок общих планов Ленинграда, рассказчик, а также некоторые персонажи, бегло дают обзор

²⁸¹ Вагинов К. К. Песня слов. — М.: ОГИ, 2016. С. 306-307.

²⁸² Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 202.

²⁸³ Там же. С. 203-205.

панорамы города. Увиденный их глазами Ленинград разделен на две части: старую и новую.

Старая часть соответствует историческому центру города, где жизнь остановилась на 1870-х гг. На этом акцентирует внимание Анфертьев: «Если б приехала в Ленинград какая-нибудь старушенция, не бывавшая в нем с семидесятых годов, она почти бы и не заметила, что произошли великие перемены в мире. Она бы снова пошла по Невскому проспекту, обратила бы свое внимание на несколько новых зданий. Это были бы, преимущественно, банки. Она пошла бы по Надеждинской, по Вознесенскому, по Кирочной, по Шпалерной, по Жуковской, по переулкам — все, по ее мнению, осталось бы, как прежде» (Вагино 1991, с. 460). Определяющей чертой «старого» города является статичность, неизменяемость во времени. Характерно еще то, что Анфертьев употребляет прежние названия улиц и проспектов, что, с одной стороны, характеризует персонажа как представителя дореволюционного поколения жителей города, с другой, красноречиво свидетельствует, что в сознании этой прослойки исторический центр не изменил своего характера — дух канувшего в небытие Петербурга все еще витает среди барочных, ампирных зданий.

Новая часть Ленинграда — это, как мы уже отмечали, застраиваемые окраины прежнего Петербурга, где преобладают дома другой архитектуры. Во время одной из прогулок тот же Анфертьев замечает Локонову: «Небось не приглядывались к новой архитектуре при свете луны. До сих пор ведь вы жили в центре среди таких ампирных зданий, дворцов в стиле барокко, соборов, правительственных зданий и доходных домов времен империи. Посмотрите при лунном свете на другие дома, как они выглядят ночью, горят ли в них огни, несется ли музыка» (Вагинов 1991, с. 459).

Новые здания представляются чуждыми героям «Гарпагонианы», они, по сравнению с объектами центральной части города, кажутся громоздкими, неказистыми и безвкусными, состоящими сугубо из стекла, железа и бетона. Но чужеродность их заключалась не только в этом. Здания «не образовывали улиц» (Вагинов 1991, с. 459), протяженных, широких репрезентативных

фасадов, характерных для центральной части города, являющихся визитной карточкой Петербурга. «Архитектура Петербурга требует широких пространств, далеких перспектив, плавных линий Невы и каналов»²⁸⁴, — писал Н. П. Анциферов. Возникающий на периферии новый Ленинград не имел в глазах героев «Гарпагонианы» этих истинно петербургских качеств. Вместо архитектурных пейзажей было нагромождение зданий, в котором не чувствовалось характерного для центра города порядка. Герои «Гарпагонианы» не слышат «музыку» возникающих на периферии домов без «водочки»: «Хотите узнать музыку новых домов. Только шалишь, без водочки ее не узнаешь» (Вагинов 1991, с. 460). Изменяющие создание побочные продукты, вроде пива, водки и спирта, только и способны примирить героев «Гарпагонианы» с возникающим на бывшей окраине новым Ленинградом. На трезвую голову персонажи Вагинова не испытывают необыкновенного подъема чувств при взгляде на Дома культуры и дома «без архитектуры», вроде фабрик-кухонь. Новая часть города безлика, сугубо функциональна и, как показывает Вагинов, способствует созданию деклассированной психологии и развитию асоциального поведения. Так, вновь и вновь писатель демонстрирует власть места над духом человека.

Рассказчик «Гарпагонианы» не останавливается вместе со своими героями полюбоваться отдельными зданиями новой части города. Локонов перебирается на Выборгскую сторону, но, кроме нищенской комнаты «деревянного домика», в которой он поселился после переезда, рассказчик ничего больше не упоминает²⁸⁵. Обходит он вниманием и пролетариат города — гордость Ленинградского обкома. Новый город предстает перед героями «Гарпагонианы» тихим, практически без прохожих. Ночью жители этой части Ленинграда копят силы для выполнения поставленных пятилетним планом нормативов, который, по словам героя романа — Пуншевича, «собирает людей в новые корпорации, устанавливает связь между людьми».

²⁸⁴ Анциферов Н. П. Петербург Достоевского // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 31.

²⁸⁵ Отметим, что переезд Локонова, возможно, имеет автобиографические черты, связанные, однако, не с переездом самого Вагинова (писатель жил в центре, рядом с Мариинским театром), а с его поездками на литературную студию завода «Светлана», который располагался (и располагается по сей день) в Выборгском районе Петербурга-Ленинграда.

Новое общество воспитывается в труде и дисциплине, поскольку ему предстоит «догнать Европу, также как это некогда сделала Япония»²⁸⁶. Новые жители Ленинграда действуют днем. В это время суток, в особенности в праздники, преобладает красный цвет, яркая и яростная стихия. Торопуло и Локонов во время дневной прогулки видят алое зарево аркад Гостиного Двора с гигантскими изображениями рабочих и «трамвай, украшенный электрической красной звездой»²⁸⁷ (на первую пятилетку приходится пятнадцатая годовщина Октября, отчеты о проведении которой помещались в газетах²⁸⁸). Город кажется озаренным как бы пожаром. Зерном новой части города является завод. Он объединяет людей в корпорации для выполнения пятилетнего плана: «Если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод. Вокруг него будут возникать строения, парки, он будет окружен аллеями, мостами», — замечает один из героев романа (Вагинов 1991, с. 455).

Вагинов помогает нам почувствовать силовое поле психологического напряжения, которое появилось в годы социалистической реконструкции в Ленинграде между монументальным обликом исторического Петербурга и новой идеологией, направляющей его судьбу. Историческая часть города, хранящая ее этиологическую легенду как зерно психологии коренного петербуржца, оказалась в окружении индустриальных сооружений: в сердцевине города-завода находилось красноречивое в своем монументальном облике дворянское семя. Несмотря на все усилия большевиков дискредитировать царскую власть, грандиозный памятник этого периода российской истории по-прежнему находился в «колыбели Октября». Даже структурно две части Ленинграда противоречили одна другой: центр представлялся стройным, строгим, регулярным, выверенным, тогда как периферия представляла собой беспорядочное сочетание новых зерен города — производственных предприятий и наспех возведенных

²⁸⁶ Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. — М.: Современник, 1991. С. 455.

²⁸⁷ Там же. С. 453.

²⁸⁸ См., например: Вечерняя красная газета. 1932. № 259 (3234). С. 1; Вечерняя красная газета. 1932. № 260 (3235). С. 1-3.

домов. Четко и со вкусом оформленные архитектурные ансамбли бывшего Петербурга оказались в окружении куцых строений. Некрасовская метафорическая картина окруженного белого города «зловещим для него черным городом»²⁸⁹, подхваченная Блоком в «Фабрике» (1903), у Вагинова получила конкретное оформление: «соловьиный сад» петербургской интеллигенции опоясало фабрично-заводское пространство и приступило к экспансии, то тут, то там расставляя в центральной части памятники Ленину, конструктивистские фабрики-кухни и дворцы культуры, один из которых (Дворец культуры им. Первой пятилетки) вырос в 1929-1930 гг. рядом с домом Вагинова на месте разобранного Литовского рынка рядом с Мариинским театром.

Вместе с «архитектурной экспансией» происходит экспансия звуковая, мелодийно-песенная: новый город приносит с собой и новую уличную культуру. В Ленинграде 1930-х гг. существовали особые исполнители песен, мелодии которых «представляли собой сплав типичных романсовых (чаще — сентиментальных, мелодраматических, экспрессивных) и речевых (эмоционально приподнятых, ритмически-импульсивных) интонаций» и исполняли их на демократических музыкальных инструментах — гармонии, гусях и скрипке²⁹⁰. Тематика песен была различной, в нее входили песни и «жесткие романсы» XIX в., а также песни на случай, которые сочинялись на основе газетных заметок, преимущественно из криминальной хроники. Уличные исполнители отзывались на «обстоятельства и события современной жизни», впитывали «элементы новых дискурсов» и сохраняли при этом «поразительную устойчивость своей „мещанской“ поэтики»²⁹¹. Недаром напостовцы влиятельные критики первой пятилетки, объявили войну мещанству, после программной статьи А. М. Горького²⁹².

²⁸⁹ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 223.

²⁹⁰ Комелина Н. Г., Лурье М. Л., Подрезова С. В. Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 242.

²⁹¹ Лурье М. Л. Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 6.

²⁹² Горький М. О мещанстве // На литературном посту. 1929. № 4-5; Писатели о мещанстве // На литературном посту. 1929. № 6 и др.

Распространялись песни особым способом — через листки ручного тиражирования. Подобные листки пришли на замену сборникам, в которых после революции печатались в основном песни «борьбы и труда» и «освобождения страны», а «старые песни» публиковались в малом количестве и то до окончания эпохи нэпа. На этих листках делали капитал уличные певцы, в том числе и выходцы из криминальных слоев, как это происходит в романе Вагинова, где Анфертьев участвует в уличном концерте бандита Мирowego, после которого растроганным зрителям продаются листки с песнями. Подобные поэты-самоучки существовали сами по себе, вне государственной иерархии, поскольку «им не требовалось взаимодействовать с институтами, находящимися за рамками их собственной социальной среды»²⁹³. Уличные концерты по многом подпитывали криминальные слои Ленинграда. И те и другие нашли свое место в структуре советского общества.

Процесс срастания двух противоположных начал, двух частей города, сказывался на целостном его переживании фланерами «Гарпагонианы». Ленинград, звучащий и визуальный образ города, состоит из обломков различных культурных и социальных слоев, потерявших связь с былой целостностью: это городские романсы XIX века, это фабрика-кухня вкупе с необарочными и неоримскими зданиями, это лозунги, пропаганда, «История фабрик и заводов», воров, бандиты, одного из которых Анфертьев называет новым Вийоном, это Пушкин, который в пространстве города присутствует и как фольклорный персонаж в анекдотах пьяниц, и как материальное воплощение (памятник Пушкину стоит в сквере рядом с Лиговкой около дома, где во время Гражданской войны торговал наркотиками Мировой), это и дореволюционные визитные карточки, кнопки, пуговицы, перья, обрезанные ногти, окурки, спичечные коробки, мебель, одежда и т. п. предметы, собранные в комнате Жулонбина.

²⁹³ Лурье М. Л. Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 3.

«Гарпагониана» построена композиционно как кунсткамера. Вклад в ее коллекцию вносит каждый из персонажей, за которым тянется опыт его ленинградского быта, его окружение, его ленинградский «итинерарий», который Вагинов собирает с большой тщательностью. Писатель практически не изображает общие урбанистические ландшафты, окружающие героев. Ему не свойственно давать персонифицированные характеристики тем или иным улицам, как это делал Бальзак в «Человеческой комедии», или размышлять о специфике местности на основе одного проспекта, как это было у Гоголя. Невский проспект появляется в «Гарпагониане», но вскользь, через характерный топоним — Гостиный двор. «Гостиный Двор, собственно, верхние аркады Гостиного Двора были украшены плакатами с гигантскими изображениями рабочих, как будто улицы у Домов Культуры были уставлены шестами с полотнищами или, может быть, со щитами, на которых были начертаны лозунги» (Вагинов 1991, с. 453), — так перебирает свои впечатления от первомайской демонстрации Локонов. Вагинов передает основную характеристику Невского проспекта, названного большевиками проспектом 25 Октября, — лихорадочное движение. То есть все богатое содержание главной улицы русской литературы (от культурного до финансового) вытесняет в сознании героя «Гарпагонианы» бравурное первомайское торжество гигантских плакатов, лозунгов, полотнищ. Суета сует, характерная для Невского, продолжается на социалистическом проспекте 25 Октября.

Н. П. Анциферов отмечал, что Гоголю, несмотря на «кажимость», Невский проспект представлялся всеобщей коммуникацией, тогда как для героев Достоевского он был только скоростной магистралью для господских рысаков. «Достоевский своими описаниями главной артерии дает ясно почувствовать, что Невский проспект — чужд его героям. Что они здесь случайные, лишние люди»²⁹⁴. Так и для Локонова из «Гарпагонианы» проспект 25 Октября — чуждая улица, «вышибающая» из сознания какие бы то ни было впечатления, оставляя только обрывки крикливых лозунгов и

²⁹⁴ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 348.

фрагменты гигантских портретов. Фантастики в Невском проспекте Вагинов не усмотрел, его героев поглощает только движение этой городской артерии. Безликость окраинных домов, наступающих на исторический центр, на проспекте 25 Октября перерастает в безликость толпы, с ее однообразными красными флагами, плакатами и девизами.

В уличном ландшафте Ленинграда особое внимание Вагинова привлекают дома, взятые сами по себе, в отдельности. Н. П. Анциферов отмечал, что Ф. М. Достоевский тоже со вниманием относится к домам Петербурга. «Дома, эти *монады, образующие город*, приобретают особое значение для писателя как обиталища его героев. Дом обрисовывается как особенный мирок, живущий своей таинственной жизнью, влияющий, так или иначе, на судьбу своего обитателя. При описании урбанических ландшафтов Достоевского приходилось не раз отметить его *пристальное* отношение к дому. Но этот интерес лишен эстетического любования. Дом для него не художественное произведение, а сгусток социальной жизни, материальная ее форма. Архитектурные особенности дома интересуют Достоевского не как элементы искусства, а как части некоего организма»²⁹⁵.

Для Вагинова дома также аккумулируют в себе разные стороны социальной жизни. Писатель тщательно подбирает в Ленинграде отдельные места, где могли бы обитать разные персонажи. В «Бамбочаде» это были окрестности Чесменской церкви, в «Гарпагониане» — два дома, существенно отличающиеся друг от друга, — «Зеленый дом» и новая «Вяземская лавра». Едва очерчивая общую панораму города, Вагинов, подобно Достоевскому, выстраивает фон, на котором резко выделяет эти объекты²⁹⁶, что показывает их наибольшую смысловую ценность в художественном пространстве романа.

Первым из них — «Зеленый дом», место, где собираются герои романа. Прежде чем мы перейдем к характеристике этого объекта, необходимо подчеркнуть топографическую точность Вагинова, который включает в

²⁹⁵ Там же. С 351. Курсив в цитате Н. П. Анциферова.

²⁹⁶ Анциферов Н. П. Петербург Достоевского // Анциферов Н. П. Душа Петербурга... С. 59.

«Гарпагониану» не только реально существовавшие строения Ленинграда, но и маршруты общественного транспорта. Так, до того же «Зеленого дома» персонажи романа добираются на трамвае № 20²⁹⁷, который во время первой пятилетки шел по маршруту площадь Лассаля (площадь Искусств) — Озерки²⁹⁸. Назван также конкретный адрес, куда едут герои: переулок Чехова, дом 12, квартира 2 (Вагинов 1991, с. 424). Такое название в 1930-е гг. носил Эртелев переулок, находящийся на Литейной стороне. По этому адресу живет персонаж Торопуло, на квартире которого собирается «Общество по собиранию мелочей» и которую посещают другие герои «Гарпагонианы».

«Зеленый дом» в романе описан следующим образом:

«Дом был какой-то удивительный, зеленый, облупленный, с выступающими на улицу фигурами, с пышным подъездом, с нависающими балкончиками, с удивительно узенькими окнами, с чрезвычайно изогнутой крышей, с газовыми фонарями на извилистых стеблях.

Дом был сдавлен с боков многоэтажными домами без всякой архитектуры, домами, состоявшими сплошь из надстроек, тоже облупленными. Первые этажи этих домов были построены в начале прошлого столетия, а последующие добавлялись по мере роста благосостояния владельцев или по случаю перехода в другие руки» (Вагинов 1991, с. 395).

Важен этот дом был не только как место встреч героев «Гарпагонианы». С этим местом связано детство циника и торгаша Анфертьева, мать которого была оперной певицей и жила в той же квартире, что и Торопуло. Притягателен этот дом и для Локонова: его возлюбленная Юленька посещает вечера, которые проводятся у Торопуло.

²⁹⁷ Помимо этого, в романе упомянуты маршруты трамваев № 18 (Ленинградский порт — улица Батенина) и 23 (2-й Елагин мост — Охта): «Но, выйдя на улицу и рассматривая номера трамваев, он (Локонов — Я. Ч.) задумывался. — Нет, не стоит ехать к Кузору, <...> поеду я лучше к Жулонбину. Да вот и трамвай восемнадцатый идет, а двадцать третьего жди — не дождешься» (Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. — М.: Современник, 1991. С. 401).

²⁹⁸ История трамвайных маршрутов Санкт-Петербурга: <https://pitertransport.com/maps/set.php?type=trm> (дата обращения: 21.03.2019). См. также: Петербургский трамвай: история и современность. — Санкт-Петербург: Лики России, 2007; Трамвай в Санкт-Петербурге: научно-справочное издание. — Санкт-Петербург: Лики России, 2007.

Местом встречи своих героев Вагинов избирает реально существующий в Петербурге-Ленинграде и по сей день бывший доходный дом в стиле эклектики, построенный в 1882 г. по проекту М. И. фон Вилькена доктором В. Ф. Краевским на месте другого дома, принадлежавшего Л. А. Шландеру по Эртелеву переулку (современный адрес — улица Чехова, дом 3)²⁹⁹.

На улице Чехова в основном жили офицеры, которые «после октябрьской революции 1917 г. были участниками белого движения»³⁰⁰, а также известные деятели культуры своего времени³⁰¹. Улица Чехова была также и литературной улицей. На ней располагался «литературный дом» А. С. Суворина, известного издателя. На этой улице жили: поэт В. С. Курочкин, переводчик Беранже, создатель сатирического журнала «Искра»; публицист, литературный критик, мемуарист П. В. Анненков, первым подготовивший научное издание сочинений А. С. Пушкина и «Материалы для биографии

²⁹⁹ Владислав Францевич Краевский (1841-1901), будучи пропагандистом вегетарианства и тяжелой атлетики, в 1885 году основал в своей квартире и возглавил первый в России кружок спорта и борьбы. 11 сентября 1887 года В. Ф. Краевский продает свой дом жене почетного гражданина Марии Карловне Герке. Новая хозяйка владела этим домом семь лет. 10 января 1894 году дом в третий раз сменил своего владельца и перешел в собственность инженера Дмитрия Петровича Мордухай-Болтовского. Он владел домом до своей кончины в 1911 году. 13 января 1912 г. дом перешел в собственность его наследникам-сыновьям: коллежскому асессору Александру Дмитриевичу, статским советникам Ивану и Дмитрию Дмитриевичам и титулярному советнику Константину Дмитриевичу Мордухай-Болтовским. Наследники Д. П. Мордухай-Болтовского попытались продать этот дом перед самой революцией, но не успели (*Аксельрод В. И., Исаченко В. Г.* Улица Чехова. — М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С. 24-27, 73).

³⁰⁰ *Аксельрод В. И., Исаченко В. Г.* Улица Чехова. — М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С. 122.

³⁰¹ В. И. Аксельрод и В. Г. Исаченко называют имена М. А. Овсянникова (1776-1826), архитектора Санкт-Петербурга, мастера классицизма (реконструировал Юсуповский дворец, ныне — Дом работников искусств); И. Д. Корсини (1808-1876), архитектора Министерства финансов и внутренних дел, автора ограды шереметевского дворца с родовым гербом (наб. р. Фонтанки, 34); А. Х. Пеля (1809-1902), академика архитектуры, по проектам которого в столице было возведено более 60 зданий; К. Ф. Мюллера, архитектора, по проектам которого строились доходные дома в Петербурге; Ф. П. Толстого (1783-1873), скульптора, живописца, графика, вице-президента Императорской академии художеств; Ф. Ф. Каменского, скульптора, брата М. Ф. Каменского, классного художника Училища технического рисования (который, как и Торопуло из «Гарпагоонианы», жил в доме № 3); барона А. А. Бильдерлинга (1846-1912), художника, военного историка, директора Николаевского училища гвардейских юнкеров, организатора при училище Лермонтовского музея, перу которого принадлежат два оригинальных портрета Лермонтова («Лермонтов в юнкерской форме», «Лермонтов в бурке»); Г. И. Нарбута (1886-1920), художника, книжного иллюстратора и автора экслибрисов; композитора М. И. Глинки, в доме которого (№ 7) на вечерах бывали В. Ф. Одоевский, М. А. Балакирев, А. Н. Серов, братья Стасовы и др. Жил в Эртелевом переулке и И. М. Сеченов (1829-1905), доктор медицины, ординарист-профессор Медико-хирургической академии, выдающийся ученый-физиолог, открывший явление центрального торможения, рефлекторную природу сознательной и бессознательной деятельности человека и мн. др. (*Аксельрод В. И., Исаченко В. Г.* Улица Чехова. — М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С. 97-138).

Пушкина»; философ и социолог В. И. Танеев, брат композитора С. И. Танеева. В квартире тещи Л. А. Берс, которая жила в доме № 7, в 1878 и 1880 годах останавливался Л. Н. Толстой. Также на улице Чехова жил известный юрист О. О. Грузенберг, который приобрел известность как защитник на политический процессах, который также брал на себя защиту писателей, например, А. М. Горького, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского и др. В квартире С. П. Наблюкова собиралось Религиозно-философское общество, связанное с именами Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, совет которого возглавлял Д. В. Философов, а «товарищем председателя» был Вяч. Иванов.

Что касается самого дома № 3, в котором Вагинов селит Торопуло, то он был одним из известных центров литературной жизни в первую очередь благодаря редакции «Нового журнала для всех», которая находилось в тесной квартире во дворе и где бывали А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, К. Д. Бальмонт, М. А. Кузмин, В. В. Маяковский. Читал свои стихи и С. А. Есенин³⁰². В 1920-е гг. в доме № 3 жил Ник. Никитин, участник группы «Серрапионовы братья», написавший в 1922 году «Рвотный форт» (с лидером «Серпионов» — Львом Лунцем — Вагинов мог пересекаться на вечерах у Иды и Фредерики Наппельбаум³⁰³).

Рассказчик «Гарпагонианы» размышляет и об архитектуре дома, где живет Торопуло. «Этот дом не упоминался ни в книге Курбатова, ни в изящных изданиях предреволюционных лет. Также о нем не упоминалось и в послереволюционных изданиях. Этот дом относился к презираемой всеми архитектурной эпохе, не достаточно отошедшей, чтоб к ней могли отнестись беспристрастно. <...> Этот витиеватый дом в четыре этажа казался какой-то дикой фантазией, и было чрезвычайно странно, что он построен именно здесь, в этом доходном переулке» (Вагинов 1991, с. 395). Упоминание В. Я. Курбатова, известного ученого, краеведа свидетельствует о «топографической» осведомленности Вагинова, который своим героям передает собственное увлечение историей города. В данном случае Локонов

³⁰² Аксельрод В. И., Исаченко В. Г. Улица Чехова. — М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С. 146-148.

³⁰³ «Серрапионовы братья» в зеркалах переписки. — М.: Аграф, 2004. С. 43-44.

скорее всего обращался к самой известной книге Курбатова «Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы»³⁰⁴.

Можно предположить, что витиеватая архитектура дома В. Ф. Краевского со статуями, балкончиками, пышной парадной на фоне окружающих его безликих домов соответствует характеру персонажей, посещавших квартиру Торопуло, таких же неординарных, странных, эксцентричных чудаков, фантазеров и мечтателей, которые неизвестно по какой причине не пролетаризировались и продолжали демонстративно не идти в ногу со временем, игнорировали кипящую жизнь бывших окраин Ленинграда, занимались своими «узкоцеховыми» делами.

Вместе с тем архитектура зеленого дома противопоставлена и новым строениям периферии города. Вместо простых коробок из стекла и бетона в переулке Чехова красуется сложно устроенный объект, сочетающий в себе различные формы и стили, что характерно для эклектики, противостоящий упрощению и функционализму. «Зеленый дом» предстает в «Гарпагониане» как концентрат эпох, пронесшихся над Петербургом и освоенных этим городом после возвращения России в семью европейских народов. В себе одном дом Краевского сочетает все «витиеватости» и все «дикие фантазии», которые когда-либо связывались с бывшей северной столицей. «Зеленый дом» — это символ души города, петербургского урбанистического хронотопа, нанизывающего на себя культурные слои сменяющихся эпох. И в этом доме Вагинов селит своего героя — Торопуло, того эллиниста, который, несмотря на произошедшую с городом трагедию, продолжает собирать у себя таких же чудаков «петербургского племени».

Дом в стиле эклектики дает приют таким же разным в социальном и психологическом планах визитерам, вроде мечтателя Локонова, пьяницы Анфертьева, студентки Юленьки, профессора физики Пуншевича, инженера Торопуло и др. Каждый из них порознь представляет собой осколок

³⁰⁴ Курбатов В. Я. Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы: с 315 иллюстрациями / составил В. Курбатов; книжные украшения А. П. Остроумовой-Лебедевой. — СПб.: Община св. Евгении, 1913

городской жизни периода социалистической реконструкции, но собранные вместе под крышей эклектичного дома Краевского, они представляют собой определенный стиль, относящийся к петербургской топики, которая, несмотря на усилия большевиков, не была вытравлена из бывшей столицы.

Положение «Зеленого дома» на Литейной стороне Ленинграда не случайно. Эта часть города неотделима от трехвековой истории Петербурга, главная ее улица — Литейный проспект, старейшая улица. На ней, в частности, располагался дом (Литейный, 25), принадлежавший матери Вагинова — Любови Алексеевне Вагенгейм, жене поручика Константина Адольфовича Вагенгейма³⁰⁵. Также недалеко от этих мест, в самом начале Лиговского проспекта (д. 1), находилась Гимназия и реальное училище Я. Г. Гуревича, где учился Вагинов. Таким образом, Литейная сторона — это местность детства и отрочества писателя и, вместе с тем, старейшее место города, где проживал свет и цвет бывшей империи, те петербуржцы, о которых молодой Вагинов писал в одноименном стихотворении: «Мы помним наш город, Неву голубую, / Медвяное солнце, залив облаков, / Мы помним Петрополь и синие волны, / Балтийские волны и звон площадей» (Вагинов 2012, с. 43). Глубокое знание истории местности, нерушимая связь с ней, переживание за ее судьбу — черты, которые, по мысли Н. П. Анциферова, присущи писателю-урбанисту (об этом мы писали в Введении к настоящей работе). Литейная сторона — малая родина писателя, возвращение к которой на излете жизни означает, что потеря с этим местом личной связи была очень многое значила для Вагинова. Проживая в противоположном конце Ленинграда, на набережной канала Грибоедова, 104-105, около Коломны, писатель возвращает на Литейную сторону своих героев, чтобы подчеркнуть их связь с двухсотлетней историей Петербурга, а не только с определенным временным промежутком — социалистической перестройкой Ленинграда. Литейный проспект именовали улицей интеллигенции³⁰⁶, что имело для Вагинова, как мы уже писали в первой главе

³⁰⁵ Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — СПб: издание А. С. Суворина, 1901. С. 86.

³⁰⁶ Исаченко В. Г., Питанин В. Н. Литейный проспект. — Л.: Лениздат, 1989. С. 4.

настоящей работы, особое значение, так как его Петербург был городом в первую очередь интеллигентским, местом наук и книжников, которые продолжали «дело Петрово» по приобщению России к вершинным достижениям европейской цивилизации. «Каждое поколение людей, здесь живших и работавших, вносило свою лепту в созидательную деятельность человечества. В результате этого труда на Литейном сложился своеобразный пласт национального культурного наследия, который учит уважению к прошлому, к нашим предкам, чувству долга перед потомками. <...> Сама же среда обретает реальные черты звена, связующего поколения людей»³⁰⁷, — подчеркивали ленинградские краеведы В. Г. Исаченко и В. Н. Питанин.

Эклектика выбранного для персонажей «Гарпагонианы» дома свидетельствует еще об одной особенности города и его жителей — мимикрии, особом умении приспособливаться к историческим обстоятельствам. Характерный пример — архитектурное единообразие петербургского ансамбля, несмотря на разнообразие стилей отдельных домов, в него входящих. Урбанистические новшества искони в Петербурге «привязывались» зодчими к местности и соотносились с национальными градостроительными традициями. Из-за этой особенности и возник, как писал М. С. Каган, особый архитектурный стиль, который «создавался во многом усилиями приглашенных в Россию европейских зодчих, но они сами изменяли свою творческую манеру под влиянием русских мастеров»³⁰⁸. Петербург менял предпочтения зодчих, а не они навязывали ему свои творческие решения. Именно поэтому, сошлемся опять на Кагана, «классицизм был органичен и в петербургской архитектуре. Четкая планировка, прямые улицы, строго очерченные площади требовали соответствующего решения зданий, потому даже барочная архитектура оказывалась здесь относительно сдержанной в использовании типичных для нее экспрессивных и декоративных средств. (И позднее петербургские ампиры и модерны не допускают свойственного им в европейских городах неумеренного

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Каган М. С. История культуры Петербурга... С. 60.

употребления пластического и живописного декора.) Характерный для петербургской архитектуры *диалог стилей* потому и мог состояться (не превращаясь в конфликт, в полемику несовместимых образов), что барокко В. Растрелли умеряло свойственную этому стилю жажду динамизма, пластической игры, украшенности каждой частички поверхности, а классицизм А. Ринальди снисходительно предоставлял место оживляющей плоскости орнаментальной лепнины»³⁰⁹.

По сравнению со строениями безликой архитектуры выбранный Вагиновым «Зеленый дом» по улице Чехова, если брать его реальный вид, выглядит причудливым, торжественным и праздничным. Такими же вечно пирующими чудаками являются его обитатели, а также те, кто приходят туда. Недаром в романе дворник, представитель крыла новых жителей Ленинграда, таким образом аттестует Анфертьеву одного из жильцов дома: «Да, теперь там инженер помещается, специалист! Жрет так, что просто чертям тошно. Тоже народ к нему шляется. Одно беспокойство... <...> Всех он нас замучил, покою нет. Только заснешь — звонок... ворота отпирай. Просит, вы, Иван Сергеевич, мне все, что говорят в доме о еде, передавайте. Каждую неделю меня призывает и выпытывает» (Вагинов 1991, с. 405).

Хамелеонова сущность была присуща и эллинистам — этому «петербургскому племени», научающемуся стать, ленинградцами. Вагинов, как мы уже отмечали, вместе с большинством представителей «старой» интеллигенции, разделял главную нравственную задачу времени, сформулированную основателем Института истории искусств графом В. П. Зубовым: «...все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей»³¹⁰. Однако потеряв связь с породившей культуру эллинистов городом, Санкт-Петербургом, они

³⁰⁹ Там же. С. 97. Курсив в цитате М. С. Кагана.

³¹⁰ Зубов В. П. Страдные годы России. — М.: Индрик, 2004. С. 23 (цит. по: *Московская Д. С. О русской литературе и краеведении в эпоху культурничества и борьбы за новый быт (Часть 4) // Культурологический журнал. 2014. № 3 (17). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/278.html&j_id=20 (дата обращения: 23.04.2019)).*

вырождаются, приобретают гротескные, смешные — в «Козлиной песне», демонические — «В трудах и днях Свистонова», трагические — в «Бамбочаде», черты.

То, что в социалистическом Ленинграде сохранившиеся остатки «петербургского племени» продолжают борьбу за духовные ценности, Вагинов неоднократно подчеркивает в «Гарпагониане». Однако виды и формы этой борьбы и противостояния предстают пустой игрой, участники которой повышают в собственных глазах и глазах своего ближайшего окружения свою значимость, или приобретают болезненные, шизофренически абсурдные формы. Например, бывшего дворянина Торопуло Вагинов делает состоятельным представителем советской системы — инженером и поселяет его в переулок, где раньше богатые квартиры приносили «много дохода» прежним домовладельцам. К нему, как и к предыдущим жильцам, «народ шляется». Он, как и предыдущие жильцы, помимо работы занимается искусством и просветительскими проектами: коллекционирует изысканные рецепты блюд и таким образом изучает «психологию рабочего класса», является создателем «Общества по собиранию мелочей». Подобные Торопуло хранители показывают, что петербургская культура домашних собраний, «сред», «четвергов» и т. п. не исчезла, но, лишившись связи с целостностью той культуры, которая их питала, они вырождаются.

Известно, что город в канун первой пятилетки переживал культурный подъем. Как пишет Д. С. Московская, Ленинград в годы нэпа переживал эпоху «идеологической передышки». «Он стал кратким мигом торжества ленинградской культурной автономии и почти единодушного отпора ленинградской интеллигенции попыткам контроля центра над местными творческими и деловыми процессами. Ленинградские филиалы всероссийских институций культуры испытывали стремление головных офисов укротить „федералистские“ настроения. В ответ местные подразделения старались сохранить „лицанеобщее выраженье“, что не могло не сказаться в литературном быту и „ленинградском тексте“ русской

литературы»³¹¹. Именно тогда возникло объединение ОБЭРИУ, членом которого был и Константин Вагинов.

Удивительным образом, дух прежнего Петербурга Вагинов ощутил не среди «эллинистов», а на заводе электроламп «Светлана», где преподавал литературное мастерство. Похожим на Смольный институт, где царили мягкая женственность и девичество³¹², показался писателю этот завод. Эта атмосфера старого Петербурга в новом Ленинграде не нашла отражения в «Гарпагониане». В этот роман вошла жесткая критика «племени эллинистов». Над всеми ими нависла тень расплаты, чему Вагинов был свидетелем в реальной жизни. Из его окружения была обвинена в шпионаже и выслана из Ленинграда поэтесса Е. М. Тагер (ее писатель хотел поздравить с Новым годом в 1932 году³¹³), арестованными по делу А. А. Мейера оказались его собеседник М. М. Бахтин, а также другой его учитель — Н. П. Анциферов, с которым тесно дружил друг писателя — Н. К. Чуковский. Знаком был Вагинов и с показательными процессами времени, начиная с Шахтинского дела (май 1928 года), заканчивая «делом краеведов» (май 1931 года) и Академическим делом (февраль-август 1931 года), когда, помимо ученых из других городов Союза, были осуждены и репрессированы представители ленинградской интеллигенции: академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, члены-корреспонденты С. В. Рождественский, В. Г. Дружинин, В. Н. Бенешевич, пушкинист Н. В. Измайлов, литературовед Б. М. Энгельгардт, геолог А. Н. Криштофович и др.³¹⁴.

В художественном мире «Гарпагонианы» «Зеленый дом» противостоит безликой архитектуре, которая в художественной системе «Гарпагонианы»

³¹¹ См. *Московская Д. С.* Неизвестное стихотворение Александра Введенского «Сатира на женатых». К истории темы // *Новый филологический вестник*. 2018. № 3 (46). С. 84.

³¹² *Чуковский Н. К., Чуковская М. Н.* Воспоминания Николая и Марины Чуковских... С. 193.

³¹³ «Поздравляю Мариночку и тебя с наступающим Новым Годом. Передай мой привет Вол<ьфу> Иосифовичу, Берзину, Егору. Напиши адрес Тагер» (*Чуковский Н. К., Чуковская М. Н.* Воспоминания Николая и Марины Чуковских... С. 571).

³¹⁴ См.: Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. — СПб.: Библиотека РАН, 1993; Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Часть первая. — СПб.: Издательский отдел Библиотеки РАН, 1998; Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. — СПб., 2015 и др. выпуски этой серии.

соотносима с неукорененностью, варварством, пришедшим в бывшую столицу вместе с большевиками. «Дома без архитектуры»³¹⁵, как известно, занимали внимание Достоевского, соотносились им, как показал Анциферов, с бесстыльностью, возможностью всего, а вместе с этим и со вседозволенностью³¹⁶. В таком доме герои Достоевского решаются на самые рискованные и безнравственные поступки: Раскольников убивает старуху-процентщицу, Рогожин — Настасью Филипповну. Подобные особые места Петербурга Вагинов находит и в Ленинграде. В них души героев подвержены крайнему напряжению, их разъедает тлетворная атмосфера предельной «униженности и оскорбленности». В «Гарпагоиане» — это традиционный для Петербурга труппный дом, похожий на Вяземскую лавру, где обитает с сонмом других «темных душ» пьяница Анфертьев, сын итальянской певицы и присяжного поверенного, собиравшийся быть учителем.

«Дом, в котором жил Анфертьев, напоминал вертеп или Вяземскую лавру. В нем доживал свой век и различный темный люд.

Дом был до того густо населен, что из открытых окон несло зловоние.

Многие комнатки были разделены на четыре части занавесами. Каждая комната в отдельности напоминала табор, полуголые детишки выглядывали из-за занавесей, старухи на столах, обязательно накрытых скатертью, гадали, барышни, оставшись наедине с собой, вдруг начинали жеманничать и рассматривать свою красоту, мужчины хлопать себя по груди и приходить в восторг до визга и топота от своего сложения.

Все были в долгу друг у друга и все ненавидели и презирали друг друга» (Вагинов 1991, с. 468-469).

Таким в романе предстает дом, похожий на дом Ивана Вальха, известный также как Дом старухи-процентщицы из «Преступления и наказания» (современный адрес — проспект Римского-Корсакова, 25; набережная канала Грибоедова, 104; улица Средняя Подъяческая, 15А). Этот дом находился по другую сторону канала Грибоедова (Дом Бухгольца, набережная канала Грибоедова, 105). «Второй вяземской лаврой» он окрещен

³¹⁵ Т. е. без декоративных деталей.

³¹⁶ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 359.

в заметке газеты «Ленинградская правда», где говорилось о необходимости уничтожения самостроя, который какие-то аферисты возвели на этом доме. «Сейчас дом представляет угрозу общественной безопасности. Вопреки элементарным техническим правилам, к нему был пристоеен в свое время двухэтажной мезонин. В доме было несколько пожаров. С разборкой его ждать нельзя. Сейчас дом имеет около 800 жителей. Обитатели района зовут его второй «вяземской лаврой». И действительно, здесь частые облавы обнаруживают скрывающийся преступный элемент»³¹⁷.

Вяземская лавра — это ироничное название тринадцати доходных домов на Сенной площади, которые вплоть до 1960-х гг. пользовались дурной славой (Лавра — мужской монастырь высшего разряда, а на Сенной располагались публичные дома, где также «обслуживали» мужчин по «высшему разряду»). В XIX веке князь Вяземский купил большой участок между Сенной площадью и Фонтанкой, в начале Забалканского (Московского) проспекта. Во флигелях, выходивших на проспект, размещались семейные бани, портерные, трактир, питейный дом и прочие мелкие торговые заведения, во дворе — чайная («мышеловка», поскольку в нее часто заглядывала сыскная полиция), постоялый двор, мастерские. Во флигелях, составлявших Вяземскую лавру, жили не просто бедные, но еще и опустившиеся люди, многие из них были связаны с криминалом. Там собирались нищие, бродяги, уголовники разного рода, проститутки, продавцы краденого³¹⁸.

Вяземская лавра — это и знаковый для традиции петербургской образности и сюжетики литературный топос. С этим местом связан ряд очерков из «Физиологии Петербурга», о ночевке в этом месте упоминает Свидригайлов³¹⁹, Раскольников бродит в окрестностях Сенной, потому что «тут лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомерного внимания, и

³¹⁷ Летний ремонт Ленинграда. Уничтожение второй Вяземской лавры // Ленинградская правда. 1926. № 143. 26 июня. С. 6.

³¹⁸ Лурье Л. Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. — Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2014. С. 201-202.

³¹⁹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5. С. 276.

можно было ходить в каком угодно виде, никого не скандализируя»³²⁰. Сенная описана также у Достоевского в «Идиоте», у Н. И. Свешникова («Вяземская лавра»), Д. В. Григоровича («Петербургские шарманщики») и др. «Петербургские трущобы» В. Крестовского содержат целый трактат, посвященный Вяземской лавре — «трущобному городу с его автономным бытием в центре столицы»³²¹.

Автономное бытие «вяземских лавр» в теле социалистического Ленинграда говорит о том, что «лавра» — традиционное для петербургской топики место. Ее появление подобно нарыву на урбанистическом теле, что свидетельствует о глубинном неблагополучии, чреватом, как и у Достоевского, будущей болезнью и гибелью города. Анфертьев, герой Вагинова является воплощением социального неравенства. Благодаря его перемещениям по Ленинграду писатель показывает мир трущоб большого города периода социалистической реконструкции, в которых происходит моральное разложение насельников ленинградских трущоб. В романе описаны пивные и рестораны («Самарканд», «Вена», «Красная Бавария»), где проводят свое время разного рода маргинальные элементы. Это открытая Вагиновым во время работы с пролетариатом новая сторона жизни города, новая советская органика спиртового дурмана и алкогольного безумия. Недаром в финале завершенной сюжетной линии «Гарпагонианы» Локонов, «сомневающийся интеллигент», оказывается задушенным Анфертьевым из-за пустяка, случайно опрокинутой рюмки водки: темная стихия, возвращенная определенными социальными условиями новой властью, закономерным образом проявляет репрессии по отношению к невинному жителю Ленинграда (об этом мы будем говорить в следующей главе диссертации). Вновь петербургская топка заявляет о себе в «Гапрагониане».

В Ленинграде Вагинова невозможно провести границы между «стратами» города: и «высшие», и «средние», и «низшие» «чины» находятся в одном пространстве дефицита начала 1930-х гг. Недостаток ресурсов,

³²⁰ Там же. С. 61.

³²¹ *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма... С. 228.

брошенных большевиками на нужды индустриализации, заставляет городских жителей обращаться за помощью к (около)криминальным кругам, делает их зависимыми от этих «чудесных помощников». Мобильность представителей «новых предпринимателей» Ленинграда, вроде Анфертьева, в условиях дефицита позволяет им проникать в любые части городского общества, подниматься на другие уровни, вплоть до специалиста Торопуло, а также мечтать и о более высоких инстанциях, например, о государственном службе: «Высокие идеи одолевали Анфертьева, он мечтал стать поставщиком госучреждения» (Вагинов 1991, с. 396).

Помимо мира моральных трущоб Вагинов исследует новые социальные практики большого города. В этом отношении показателен эпизод с концертом уличных певцов, запечатленный в «Гарпагониане» с этнографической точностью.

«Наконец, круг образовался.

— Сейчас, граждане, жена алкоголика исполнит песнь, -- сказал режиссер и отошел в сторону.

В середине живого круга появилась женщина в платке, нарумяненная, с белым, сильно пористым носом и широким, тяжелым подбородком. Туфельки у нее были модные, чулки шелковые, как бы смазанные салом, пальто дрянное, скрывавшее фигуру.

Певица надвинула платок еще ниже на глаза, не глядит ни на кого, запела <...>.

В толпе раздались всхлипывания, женщины сморкались, утирая слезы. Какая-то пожилая баба, отойдя в сторону, рыдала неудержимо. Круг утолщался, задние ряды давили на передние.

Певица, кончив песню, повернулась и пошла к музыкантам, настраивающим свои инструменты.

Мировой снова выровнял круг, затем вынул из желтого портфеля тонкие полупрозрачные бумажки разных цветов, помахал ими в воздухе.

— Граждане, желающие могут получить эту песню за 20 копеек.

Бабы, вздыхая, покупали»³²².

³²² Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. — М.: Современник, 1991. С. 473-474.

В этом эпизоде запечатлена одна из сторон жизни города периода социалистической реконструкции. На рынках и толкучках, прототипом которых мог послужить Ново-Александровский рынок³²³, собирались представители «низовой культуры», неподконтрольной новой власти. Это уже ленинградская реальность. Как у Достоевского был Сенной рынок, где Раскольников «заболевал» своими преступными планами, так и у Вагинова есть Ново-Алексеевский с его Анфертьевым и группой певцов.

Как мы показали, Вагинов замечает черты Петербурга Некрасова, Достоевского, Крестовского в пространстве социалистического Ленинграда: души «маленьких людей» находятся в невыносимом страдании, «кипят» и надеются. Персонажи писателя — это не осколки прошлого, «вышибленные», по словам Сталина, из колеи представители «умирающих эксплуататорских классов»³²⁴, они — нечто, что было всегда присуще городу — «униженные и оскорбленные», существовавшие на всем протяжении истории Петербурга, переименование которого не решило его «вечных» проблем, зияние которых замечает Вагинов.

Для советского строя Ленинград был городом воплощенной утопии, который стал проводником новых социалистических идей не только в России, но и в мире. Но в этом месте за ширмой внешних производственных достижений Вагинову, как в это же время Платонову, открылась горькая правда о том, что в «граде обретенном» не удалось избавиться от страшного социального и душевного одиночества всех без исключения участников строительства социалистического будущего. Применительно к «ленинградскому хронотопу» Платонова Д. С. Московская писала следующее: «Таким он оказался, этот *желанный* для России город. Сюда из центральной России, со всех ее окраин некогда собирались бросившие свои дома и семьи люди в надежде обрести новый дом и новую будущность. В авторских ремарках к „Турбинщикам“ читаем: странники „крестятся в виду желанного города“. В эпитете *желанный* сконцентрировалась народная и

³²³ См. примечание к стр. 38 в книге: Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. — СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 520.

³²⁴ Сталин И. В. Итоги первой пятилетки // Борьба классов. 1933. № 1. С. 23.

платоновская идея „золотого века“ как места, где прибредшие сюда из глубинки отходники получают работу, которая утолит голод и даст приют, но и как места, где начнется промышленно-техническое преобразование всей убогой, сельскохозяйственной Руси»³²⁵. Но эти мечты разбились о новое социальное неравенство, которое увидел Платонов на Ленинградском металлическом заводе им. Сталина, а Вагинов в физическом пространстве города. «Петербургский период» русской истории еще не был пройден Ленинградом.

³²⁵ *Московская Д. С.* О значении природно-архитектурного ландшафта в платоновских ремарках (На материале киносценария «Турбинщики» и пьесы «Объявление о смерти») // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 7. / Ред.-сост.- Н. В. Корниенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 69-70.

ГЛАВА 3. «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В «ГАРПАГОНИАНЕ»)

В предыдущей главе мы показали, что Вагинов связывает своих героев с двухсотлетней историей Петербурга-Ленинграда. Он опирается на богатую литературную традицию изображения социально-психологического состояния жителей города и творчески развивает ее в новых условиях социального быта. В диссертации Н. П. Анциферов убедительно продемонстрировал средоформирующую способность города, который творит своих жителей, что определяет строй его жизни. «Жизнь города и жизнь его обитателя настолько слиты, настолько взаимно обусловлены, что у Достоевского город теряет свое самостоятельное бытие. Петербург становится объективированным вовне миром души самого Достоевского. Все слагающие его элементы — воды, улицы, туманы, дома превращаются в материализацию душевных состояний персонажей Достоевского, а в конечном итоге и переживаний самого писателя»³²⁶.

Герои «Гарапагонианы» разделили судьбы своих литературных предшественников — персонажей, попавших под власть «нечеловеческого существа» — города. «Эх, яблочко, на подоконнике, / В Ленинграде развелись живы покойнички, / На ногах у них пружины, / А в глазах у них огонь...» (Вагинов 1991, с. 478) — поёт в «Гарпагониане» бандит Мировой, сочинитель уличных песен.

Эта гробовая тема, прошедшая в различных вариациях через все три романа Вагинова, ведет свое начало с «Бобка» Достоевского, герои которого, хотя и упокоились физически, но ведут крайне беспокойное посмертное существование. Этот образ актуализируется в послереволюционном городе. Заболоцкий, не впадая в «раж осуждения», сравнивает погибший Петербург с Атлантидой, мифологическим островом-государством, опустившимся под воду, в котором продолжается получеловеческая-полурыбья жизнь: «Чуден вид его и страшен: / Рыбой съедены до пят, / Из больших окошек башен /

³²⁶ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 407-408.

Люди длинные глядят / Человек, носим волною, / Едет книзу головою. /
Осьминог сосет ребенка, / Только влас висит коронка. / Рыба, пухлая, как
мох, / Вкруг колонны ловит блох»³²⁷.

Вагинов всматривается в этот парадоксальный петербургский образ, наделяет его новым актуальным для ленинградского житья-бытья смыслом, нашедшим в языке времени свой социальный эквивалент: «бывшие люди». На страницах «Гарпагонианы» мы встречаем новых «маленьких людей», новых «униженных и оскорбленных» — бывшую светскую даму, бывшего преподавателя пластики Завиткова; бывшего артиста, ныне чертежника, Кузора; бывшего военного, ныне токаря, Ловденкова и др., бытие которых, с одно стороны, находится под прессом сталинской пропаганды о «бывших людях», с другой — под нажимом (около)криминальной среды, к представителям которой они вынуждены обращаться, чтобы выжить.

«Бывшие люди» — главные действующие лица на созданном большевиками социально-бытовом полотне. Локонов, герой «Гарпагонианы», тяготится своим местом на этой картине: «Он чувствовал, что из этой картины ему не выйти, что он вписан в нее не по своей воле, что он является фигурой не главной, а третьестепенной, что эта картина создана определенными бытовыми условиями, определенной политической обстановкой первой четверти двадцатого века» (Вагинов 1991, с. 450). Новых «покойников», лишних в социальном плане людей, людей без будущего, Вагинов, рисует пером физиолога Петербурга — Некрасова, пером—Достоевского и Крестовского с их детективно-криминальным талантом, пером Горького, изобразившего «подонков», насельников «дна» капиталистического города.

Н. П. Анциферов писал, что «одним из самых распространенных обвинений большого города было обвинение в том, что он развращает бедноту, губит ее не только физически, но и морально»³²⁸. Город выступает как искуситель и растлитель. В арсенале этого «желтого дьявола» — деньги,

³²⁷ Заболоцкий Н. А. Подводный город // Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. — М.: ОГИ, 2019. С. 162.

³²⁸ Там же. С. 220.

вино, одиночество и проституция³²⁹. Но все это приметы капиталистического города, «буржуазного» Петербурга. Тем не менее их не чужд Ленинград, город победившего социализма. Здесь действует все названные силы зла, но главные среди них — одиночество и вино. С первым связан образ Локонова, со вторым — Анфертьева. Другие – так или иначе были затронуты в других вагиновских романах. Проституция — в «Козлиной песни» и «Бамбочаде». Деньги теряют свою цену в Лениграде, на смену им приходит бартер, который сопровождает «музейную тему», сквозную для романов Вагинова. И в «Гарпагониане» герои рыщут по Ленинграду в поисках ценных старинных вещей, принимая за таковые различного рода хлам и мусор.

Вагинов последователен в своем желании изобразить новое состояние эллинистов. Мы видим предельно опустившихся людей. Но в них есть нечто, что сохраняет в них отпечаток еще живой души — их индивидуальность. Фантастически изменившиеся представители петербургского племени тем не менее не превратились в безликую толпу, которую рассказчик Вагинова характеризует ироничным четверостишием: «Вот идут опять / Вот идут смотри / Морда номер пять. / Рожа номер три» (Вагинов 1991, с. 387). Они в некотором роде бессмертны и не могут быть упокоены, поскольку власть Петербурга распространяется на Ленинград. В «Гарапагониане» обнаруживают себя самые яркие литературные образы петербургского хронотопа.

§ 1. Двойники

Посмотрим, каким образом Вагинов трансформирует традиционный для петербургского периода русской литературы мотив двойничества.

В научной литературе определение термина *двойник* и вслед за ним *мотива двойничества* достаточно разработано. Современные исследователи, основывая свои размышления на работах М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, В. М. Жирмунского, А. Н. Веселовского, Е. М. Мелетинского, Ю. М. Лотмана, Т. В. Цивьян, Н. Я. Берковского, А. В. Михайлова, О. М. Фрейденберг, В. Н.

³²⁹ Там же. С. 431-432.

Топорова, С. З. Агранович и др. сходятся на том, что среди существенных характеристик двойников в художественном тексте выделяются их тождественность по внешности (а иногда и внутренней сущности), иррациональность природы второго Я, позитивная (двойник — друг, помощник) или негативная (двойник — проявление асимметрии, свидетельство нарушения гармонии личности, представитель глубинных нелицеприятных сфер человеческой психики, посланник демонического мира) функция в тексте³³⁰.

Двойник в литературе русского романтизма и наследующей ей реалистической традиции XIX в. был тесно связан со своей мифологической основой. Это выражалось в мистическом характере повествования и связи персонажей с потусторонним миром; трагическом пафосе существования героя, у которого появился двойник; широкой распространенности мотива двойной наследственности, трагического неизбежного одиночества героя; частом использовании знаков мистической связи с двойником (в этом качестве часто выступает зеркало или другой предмет с отражающей поверхностью); актуализируется тема инициации и связанный с ней мотив духовного перерождения³³¹.

В литературе XX века приемы создания двойников и репрезентации «двойственной» реальности отличались от соответствующих приемов романтической литературы, имели свою специфику: принцип зеркальности расширялся, двоимирие приобретало новый характер — «романтический мир фантазии вытеснялся „фантазмагорической реальностью“»³³².

³³⁰ Грудкина Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века: В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Иван. гос. ун-т. — Шуя, 2004; Синева Е. Н. Проблема двойничества в русской литературе XX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2004; Комова Т. Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения: на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.08. — Москва, 2013.

³³¹ Грудкина Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века: В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Иван. гос. ун-т. — Шуя, 2004. С. 5.

³³² Синева Е. Н. Проблема двойничества в русской литературе XX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2004. С. 6.

Мотив двойничества связывает «Гарпагониану» с традицией русской классической литературы («Нос» Н. В. Гоголя, «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского, «Сердце и думка» А. Ф. Вельтмана, «Сильфида» В. Ф. Одоевского, «Двойник» Достоевского, «Черный монах» А. П. Чехова), а также с европейским романтизмом, что находит продолжение и в творчестве авторов 1920-х гг.³³³

Двойник — типичный насельник классического Петербурга, вызванный к жизни характером самого города, который был построен Петром I из идеи, что отражено в поэме Пушкина «Медный всадник»: «И думал Он / Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / На зло надменному соседу. / Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно / Ногою твердой стать при море»³³⁴. Гранитное одеяние города добавило ему строгости, а постоянное сочетание камня и воды, отражающихся и отражающих, дало специфический неповторимый пейзаж, в котором и дома, и зелень, и ограды, и мосты имели собственных двойников, обитающих в водной стихии. И человек, оказываясь во власти петербургского пространства, обзаводился собственной копией. Эту особенность Петербурга С. Г. Бочаров назвал клонированием: «...при каждом шаге из-под гранита выскакивают такие же «совершенно подобные». Человек сопротивляется

³³³ Проблему поиска человеком собственной идентичности в новых политических условиях 1920-х гг. усиливало ощущение двойственного характера действительности, которая неизбежно действовала на психологию

Это нашло отражение в богатой галерее персонажей-двойников советской литературы. Особый интерес в 1920-е гг. представлял психологический homo duplex. Так, ярким примером героя с раздвоенной личностью является Д-503 из романа Е. И. Замятина «Мы», который хотел стать певцом Единого Государства, но его записи свидетельствуют о разрывающих персонажа противоречиях и последующем распаде личности.

Другой тип двойников представляют антитетические герои, возникающие как иллюстрация столкновения противоположных характеров, политических и философских позиций. Борис Пильняк подошел к изображению подобного типа героев. На сложном переплетении архитектурных корней основано двойничество братьев-близнецов в его романе «Двойники» (<1933>), «внешнее сходство которых повлекло за собой их «психологическое» двойничество»: рациональный целеустремленный Николай противопоставлен импульсивному эмоциональному Александру. Антиномия «смерть и рождение нового» становится в романе Пильняка источником внутренней драмы разделенности человеческой личности и самой культуры. Антитетическими героями можно считать также братьев Павла (большевика) и Семена (предводителя анархистского движения) из «Барсуков» (1927) Л. М. Леонова, которых жизненная позиция разводит в противоположные стороны. То же происходит и с Андреем Старцевым и Куртом Ваном в романе «Города и годы» (1927) К. А. Фемина. Подобные персонажи есть и в «Зависти» Ю. К. Олеша.

³³⁴ Пушкин А. С. Медный всадник: Петербургская повесть // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 5. Поэмы, 1825—1833. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 135.

механизму клонирования и отчаянно настаивает на своей единственности, но находит лишь несчастную изнанку единственности — изоляцию, абсолютное одиночество. В солипсическом одиночестве, как тоже в безвыходном сне, ведет человек интригу с самим собой»³³⁵.

Оставленные на произвол судьбы, «бывшие» люди в романе Вагинова оказываются в безвыходном одиночестве, открывая в других самих себя. Так происходит с одним из персонажей «Гарпагонианы» — Локоновым, который узнает в Анфертьеве своего двойника. Эти персонажи в романе не связаны родством, их на время объединяют товарно-денежные отношения: пьяница-частник Анфертьев продает Локонову записанные сны. Однако, во время одной из прогулок по городу, после монолога Анфертьева о чудесной «умопостигаемой Италии» Локонов с удивлением отмечает для себя, что Италия Анфертьева — это его «страна сновидений» и осознает их внутреннее родство, основанное на схожести пережитого опыта: «Мы двойники, — подумал Локонов, — совсем двойники и должно быть детство и юность были в своем существе совершенно одинаковы» (Вагинов 1991, с. 461).

Изгнанных за рамки системы распределения СССР героев «Гарпагонианы» также сближает романтическая вера в существование сверхреальности. «Умопостигаемая Италия» Анфертьева и «страна» сновидений Локонова, места несуществующие, вымышленные, похожие на чудесные страны из пьес Карло Гоцци, вроде Серендиппа («Король-олень») или Фраттомброзы («Ворон»), представляют собой нишу, куда можно удалиться за «сильными» эмоциями.

Вместе с тем, сверхреальность, конструируемая персонажами, разводит их по разные стороны: Анфертьев представляет себе вполне оформленный виртуальный мир наслаждений, в котором есть и небо, и солнце, и женщины, тогда как у Локонова это аморфное, фрагментарное, зависимое от настроения, состоящее из обрывков чужой реальности (сны записаны от других людей) пространство: «Сейчас Локонову нужны сны лирические,

³³⁵ Бочаров С. Г. Петербургское безумие // Пушкинский сборник / Сост.: Игорь Лоцилов, Ирина Сурат. — М.: Три квадрата», 2005. С. 313.

<...> но со временем ему могут понадобиться сны фантасмагорические, — если его любовь окажется неудачной — с горами, пропастями, опасными для жизни мостами, с невиданными, ослепительно белыми городами. Затем, возможно, ему понадобятся сны о мировой войне, сны политические, о революции и о пятилетке, но сейчас нужны ему лирические сны, сны о возвышенной любви» (Вагинов 1991, с. 392).

В «Гарпагониане» Анфертьев и Локонов также являются персонажами без положения: первый занимается частной торговлей, которая в условиях национализированной собственности, политики раскулачивания и репрессий кажется делом невероятным, второй — полностью зависит от жалования матери и нигде не работает. В условиях первой пятилетки с ее культом труда, ударничества и соревнования подобная неустроенность выглядит странно, но это только с позиции официальной критики. И Локонов, и Анфертьев — это персонажи с другой литературно генеалогией, они не удовлетворяют запросу на «положительный» характер со стороны «партии и общественности». Подобно романтическим героям, они находятся в оппозиции к действительности, поскольку она не удовлетворяет их потребностям. Локонову и Анфертьеву как личностям не дано осуществить себя во внешнем мире, они в него вписаны против своей воли. Недаром Локонов с точностью определяет свое третьестепенное место в реальной жизни (Вагинов 1991, с. 450).

Обезличенность жизни «бывших» людей позволяла власти говорить о них как об «умирающем» явлении (это, в частности, отмечал Сталин, подводя итоги пятилетки): специфика их дореволюционных биографий не имела никакого значения, поскольку в новой системе они оказались в одной категории — бывших эксплуататорских классов, что невольно заставляло задуматься об их невольном двойничестве («...должно быть детство и юность были в своем существовании совершенно одинаковы» (Вагинов 1991, с. 461)). В системе, которую построили большевики, важным было положение человека в этой иерархии, а сам по себе он не был значим. В этом контексте специфика двойничества заключалась в механической замене одного

персонажа на другого без какой-либо потери. Буквальное повторение одного человека другим, абсолютно заменимое лицо — такими ощущали себя персонажи Вагинова.

Вагинов сталкивает Локонова с миром «филистеров», проявлением которого отчасти является частник Анфертьев, циник и пошляк. Вместе с тем, сюжетная линия взаимодействия Анфертьева и Локонова осложняется традиционным для романтической литературы мотивом безумия и в какой-то мере повторяет общую схему «Двойника» Ф. М. Достоевского: после сцены узнавания о существовании *homo duplex* один из персонажей неминуемо движется к гибели: у Достоевского герой, Яков Петрович Голядкин, переживает ментальную деформацию, у Вагинова Локонов погибает физически. Безумие в «Гарпагониане» охватывает его двойника, Анфертьева. Трижды в романе возникает «голос в виске», который нашептывает страдающему от похмелья продавцу какие-то слова. В первой сцене этот «глашатай» сначала не воспринимается Анфертьевым, но после того, как персонаж к нему прислушивается, то оказывается, что голос произносит слова «вполне отчетливо» (Вагинов 1991, с. 464). Во второй сцене Анфертьев понимает, что голос мешает ему работать и постоянно дразнит «пьяница, пьяница» (Вагинов 1991, с. 466). В третьей — голос подстрекает частника пойти на радикальные меры, внушает ему, что его травят (Вагинов 1991, с. 479). Вне себя от ярости, Анфертьев полагает, что Локонов хочет изжить его со свету, «руки его сами сжимались. В глазах потемнело. Голос в виске звучал все настойчивее. Вся комната наполнилась голосами» (Вагинов 1991, с. 479). Происходит убийство.

В изображении двойников Вагинов отталкивается от традиции русской и европейской литературы, внося в нее принципиально новые штрихи. В первую очередь это писательская интенция о способности истории, запечатленной в монументальном облике города создавать новые вариации старых типажей. Знаменательно, что в центральной части Ленинграда, а не где-нибудь еще, живут герои «Гарпагонианы» и только там они встречаются традиционных для петербургского литературного топоса антагонистов.

История убийства Анфертьевым Локонова после умопомешательства является, с одной стороны, иллюстрацией типичной развязки сюжета о двойниках, с другой — историей избавления персонажа от «бремени реальности», о котором мы писали в предыдущем параграфе. С первого взгляда история с убийством двойником своего визави выглядит трагически, но Вагинов добавляет к мотиву взаимосвязи двух сущностей обертона избавления. И здесь уже не двойник предстает не как враг, а как «страшный» помощник, насильственным образом прекращающий страдания своего «отражения». Это подтверждается также свидетельством А. Островского, собеседника Вагинова: «Помню один разговор, который затеял он — о том, что внутри каждого человека есть как бы второй, или, вернее, второе темное начало или существо: носитель тайных, черных, но могучих сил. Он спросил меня: „А Вам не случилось обращаться или связываться с этим существом?“ На мой отрицательный ответ он сказал: „Это трудно представить, но, может быть, Вам приходилось в трудных случаях как бы прибегать к нему?“»³³⁶. Локонову как раз представился такой «трудный случай», когда в желании прекратить свое бессмысленное существование он прибегнул к «темной силе» своего двойника.

Двойник, как неизжитый новым городом представитель петербургской топики, живет и в социалистическом Ленинграде. На него ложится такое же традиционное бремя преступления, тема которого, однако, не раскрывается в «Гарпагониане». Убийство становится единственным выходом из бессмысленного существования «мечтателя» Локонова, привязанного, как он сам думает, к определенной исторической эпохе.

§ 2. Бандит

Взглянем на другого традиционного насельника Петербурга — преступник, который в Ленинграде приобретает новые черты.

Вариантом мотива осуждения Петербурга, как неоднократно подчеркивал Н. П. Анциферов, была неизбежная кара, которая должна

³³⁶ Вагинов К. К. Песня слов. — М.: ОГИ, 2016. С. 307.

постигнуть город. «Словно пробуждаются заглушенные голоса предков, проклявших нечестивый град. Цитадель царизма, чуждого русскому народу, ожидает возмездие. Петербургу быть пусто. Город не оправдал своей победы над стихиями. Рожденный на костях, он стал преступным городом оков, крови и смрада»³³⁷. Наводнение — характерный для петербургской литературы сюжетный ход, наиболее известным из которых является наводнение из «Медного всадника» Пушкина. В «Гарпагониане» Вагинов обыгрывает этот мотив, правда, вместо водной стихии Ленинград «заливает» стихия преступная, извратившая образ мыслей Анфертьева, толкнувшая его на убийство, но не по теории, как это было в Раскольниковым, а по импульсу, по «роковой случайности». Над Ленинградом, как некогда над Петербургом тяготеет проклятье.

То, что преступная стихия всюду бушевала в «великом индустриализаторе», подтверждает криминальная хроника. Среди совершивших злодеяние были как профессионалы, так и рядовые совслужащие, рабочие заводов и граждане других категорий, которых нужда заставляла идти на крайние меры. Воров часто задерживали за ограбления магазинов, клубов, складов, приставания и нападения на улицах (в том числе и на милиционеров), погромы ларьков и рынков, мошенничества, а гражданских лиц — за мелкое хищение, растраты. В периодике 1930-х гг. частыми были примерно такие новости: «Ограбление на улице. На М. Охте, на Среднем пр., возле кладбища, на проходившего А. Я. Гусева напали три неизвестных грабителя, избили его, сняли сапоги, выхватили бумажник и скрылись»³³⁸ или «Профсоюзная растратчица. Кандидат фабкома и коопуполномоченная на постройке фабрики-кухни Выборгского района Н. В. Гребнева растратила деньги. Свою растрату она хотела скрыть путем мошеннических подлогов. Задержана, привлекается к ответственности»³³⁹.

Также часто ленинградская милиция отчитывалась о пресечении деятельности бандитских шак. Например, в 1928-1929 гг. уголовный розыск

³³⁷ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 177.

³³⁸ Красная газета. 1929. № 238 (3485). С. 4.

³³⁹ Красная газета. 1929. № 227 (3474). С. 4.

ликвидировал 29 крупных преступных сообществ и задержал 170 бандитов. «Каждый из них в отдельности совершил по несколько тяжчайших преступлений против личности. Бандиты убили не мало кассиров и инкассаторов. С оружием в руках люди-звери всячески истязали и пытали граждан, ставших их жертвами. При задержании они оказывали вооруженное сопротивление. Часть бандитов расстреляна, а остальные высланы на окраины Союза»³⁴⁰ (в «Гарпагониане» бандитов, которые ограбили Торопуло, в конечном итоге также высылают из города. Об этом мы узнаем из позднейших вставок в роман (Вагинов 1991, с. 579).

Упомянутый нами в предыдущем параграфе Мировой является одним из предводителей шайки бандитов, которых он собирает для грабежей (как в случае с Торопуло), так и для исполнения и распространения уличных песен собственного сочинения. За такое «фольклорное» творчество Анфертьев в одном из эпизодов назвал его «новым Вийоном» (Вагинов 1991, с. 479). В годы гражданской войны Мировой на Пушкинской и на Лиговке продавал «наиприятнейшее средство» (видимо, модный кокаин, который накануне Первой мировой войны начал поступать в страну из Европы³⁴¹): «В годы гражданской войны Мировой торговал, доставлял своим приспешникам наиприятнейшее средство к замене всех благ земных, правда, в те годы он и сам его употреблял в несметном количестве» (Вагинов 1991, с. 477). Но потом в силу ужесточения законодательства, связанного с производством и распространением наркотиков³⁴², Мировой перепрофилировался.

До революции употребление одурманивающих средств было показателем принадлежности личности к новым субкультурам. Позволить себе это удовольствие могли не многие (дамы полусвета, высшее офицерство, обеспеченные представители богемы).

После переворота 1917 года тип российского наркомана демократизировался. Немаловажную роль в этом сыграла Первая мировая и

³⁴⁰ Красная газета. 1929 № 238 (3485). С. 4.

³⁴¹ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 355.

³⁴² Там же. С. 359-360.

гражданская войны, поскольку в первую очередь приобщение к морфию было следствием полученных ранений, излечить которые можно было только хирургическим путем с применением наркотиков. Первыми из потребителей «дурмана» были, помимо больных, врачи, медсестры, санитары. Другой причиной был слабый полицейский надзор за расходом анестетиков.

Победивший класс быстро усвоил науку употребления наркотических препаратов. Модный в начале 1920-х гг. кокаин, контрабанда которого увеличилась перед началом нэпа³⁴³, вдыхали не только лица, связанные с криминальным миром, но и матросы, красноармейцы, совслужащие, рабочие. Наркотики распространились в городе настолько, что их можно было достать в обычных чайных, где они продавались в форме кулечков-фунтиков.

Известно, что Вагинов в юности также увлекался употреблением кокаина. У него была даже знакомая проститутка Лида, которая и познакомила его с «белым порошком»³⁴⁴ и с которой он часто прогуливался по городу. А. И. Вагинова вспоминала: «В самую революцию он (Вагинов. — Я.Ч.) непрерывно бродил ночами по Петрограду и рассказывал мне, что, когда бродил по улицам, ища темы для стихов и прозы, он повстречал девушку, которая замерзала. Она, по-видимому, зарабатывала таким способом — ну, сами знаете, на улице. Они иногда всю ночь сидели где-нибудь на скамейке, а потом он вел ее в столовую, чтобы она поела, и они расходились»³⁴⁵. Эта Лида стала героиней прозы и стихов Вагинова: она фигурирует в романе «Козлиная песнь» (Вагинов 1991, с. 18, 21-24, 132), в стихотворениях «Нет, не люблю закат. Пойдемте дальше, Лида...», «Стали улицы узкими после грохота солнца...» и «Да, быки крутолобые, тонкорунные козы...».

Наркоманы в СССР не подвергались уголовному преследованию. С 1925 года для них начали создаваться специальные диспансеры, лечение в которых проходило сугубо добровольно. К 1928 году, как замечает Н.

³⁴³ Там же. С. 356.

³⁴⁴ Чуковский Н.К., Чуковская М.Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских... С. 179.

³⁴⁵ Де Джорджи Р. Беседы с Александрой Ивановной Федоровой (Вагиновой) // Русская литература. 1997. № 3. С. 185.

Лебина, заметно снизилось употребление кокаина и морфия из-за начала свертывания нэпа, которое повлекло за собой ужесточение таможенных барьеров³⁴⁶. Но это не остановило лиц, склонных к ретретицизму. Они перешли на употребление опийного мака и конопли. Эти наркотики в СССР стали самыми распространенными в начале 1930-х гг. Тогда же советские властные структуры перестали следить за распространением наркомании в обществе. В основном лиц с зависимостью (не только наркоманов, но и алкоголиков) обвиняли во «враждебной настроенности по отношению к социалистическому строительству», не пытаясь разобраться в причинах, побуждающих людей обращаться к «марафету», исследовать социально-психологические характеристики лиц, склонных искать забвение в «дурмане», менять нормативно-правовую базу в отношении страдающих недугом граждан³⁴⁷.

Но несмотря на то, что сбытом наркотиков Мировой и его шайка перестали заниматься, они нашли свое теплое место в советском социуме. В условиях первой пятилетки, когда государство переживает продовольственный и жилищный кризис, Мировой и компания живут сытой, вольготной жизнью.

Мировой всячески демонстрирует своим визави (тем, с кем он работает, и тем, кого он нанимает), свой статус. Например, такую картину в комнате видит инвалид Синеперов, которого Мировой хочет позвать на «гастроли»: «Стол был накрыт удивительно чисто. Скатерть, синеватая, как рафинад, и подкрахмаленная, спускалась до середины точеных, украшенных шарами ножек. Витиеватый, наполненный влагой графин, бюсты и талии рюмок сверкали на солнце. Сочная полная, необыкновенной величины вобла со своей золотой головой лежала красавицей на блюде. Рядом стройная, чуть подернутая серебряной сединой селедочка раскрывала наполненный зеленью рот. Огромная колбаса с белоснежными кольцами жира чуть касалась

³⁴⁶ Лебина Н. Советская повседневность... С. 360.

³⁴⁷ Там же. С. 360.

тарелки. Желто-красная кетовая икра вызывала горечь во рту» (Вагинов 1991, с. 469-470).

Дефицитные продукты, которые во время дефицита в городах и голодомора в деревне 1932-33 гг. среднестатистический рабочий или совслужащий Ленинграда не мог себе позволить или доставал с трудом, расценивались Мирковым как малая толика тех благ, которые могут быть доступны. Нанимаемому инвалиду он говорит: «Видишь, папаня, как люди живут... <...>. Это что, начало дня, а вот если ты пойдешь со мной, у тебя совсем мозги вспотеют» (Вагинов 1991, с. 470).

Интересно, что Мирковой, призывая Синеперова «нагрузиться», чтобы закрепить их уговор, указывает собеседнику на то, что все, лежащее перед ним, «не краденое». Это может говорить, во-первых, о недостоверности слов Миркового (ведь он предводитель бандитской шайки), во-вторых, что продукты он мог достать «по благу».

Эту форму выживания в условиях хронического недоедания городского жителя Н. Лебина характеризует как одну из «поведенческих норм» того времени³⁴⁸. Точной даты возникновения «блата» не указано ни в одном из изданий филологического характера. По-видимому, впервые это явление было зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» только в 1935 году. К тому времени блат устойчиво существовал как своеобразная традиция в структуре советского общества.

О появлении «блатмейстеров» (ловкачей, добывающих по знакомству то, что им нужно) в начале 1930-х гг. вспоминает, например, В. С. Шефнер³⁴⁹. Другим свидетелем распространения не только нормы, но и употребления блатного арго был Д. С. Лихачев, вернувшийся из Соловецкого лагеря особого назначения в 1932 году. В статье «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1933)³⁵⁰ исследователь указывает на наличие разложения т.н. «воровской этики», поскольку доселе скрытые явления этой

³⁴⁸ Там же... С. 49.

³⁴⁹ Шефнер В. С. Бархатный путь // Звезда. 1995. № 4. С. 26-81.

³⁵⁰ Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. — М.; Л., 1935. Т. 3-4. С. 47-100.

кастово замкнутой среды оказались явными во время столкновения с ними тех интеллектуалов, которых советская власть судила и отправляла в исправительно-трудовые лагеря, массово создававшиеся с середины 1920-х по всему СССР³⁵¹. В случае с Лихачевым, его материал был собран на строительстве Беломоро-Балтийского канала и существенно отличался от того, который был представлен в суконой книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина»³⁵².

Лихачев и Шефнер указывали на зависимость блата от бандитской среды. С языковой средой этого сообщества знакомство российских интеллектуалов началось еще раньше. Одним из таких свидетелей был Ю.Д. Безсонов, бывший штабс-ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка личной охраны его Императорского Величества, прошедший, как и Д. С. Лихачев и Н. П. Анциферов, через СЛОН. В 1928 году он таким образом описывал свое знакомство с «языком воров»: «Первое, что меня поразило <...>, это их разговор. Обращаясь ко мне, они говорили чисто по-русски, но между собой лопотали на каком-то наречии, в которое входило много русских слов, но они мешались с цыганскими, татарскими, еврейскими и еще какими-то. Все это переплеталось руганью. Я ничего не понимал. Как я потом узнал, это оказался "блатной" жаргон – «арго» – язык воров»³⁵³.

О значении самого термина «блат» размышляет известный русский зоолог В. В. Чернавин, также прошедший через Соловки в начале 1930-х гг. «Блатной на воровской язык, значит, вор, кроме того, удалой, ловкий. <...> ...это человек, имеющий связи, протекцию, пользующийся незаконными привилегиями. Слово это имеет множество производных и широчайшее повседневное применение в лагере. Самое употребительное — это существительное «блат», что значит протекция, пособничество,

³⁵¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923– 1960. Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. — М.: Звенья, 1998.

³⁵² Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931—1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. — М.: ОГИЗ, 1934.

³⁵³ Безсонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. — Paris: Impr. de Navarre, 1928. С. 75.

знакомство»³⁵⁴. Чернавин полагет, что начало блата было заложено в системе ГПУ, служащие которого являются первыми блатными в советском государстве: «Карточки с тремя магическими буквами достаточно, чтобы перед ее обладателем раскрылась широкая дорога к получению незаконно и полузаконно всего того, чего лишены миллионы трудящихся — Гепеуст все получает не в обычном порядке: и так называемую «жилплощадь», то есть квартиру, и дрова, и продовольствие, и одежду, и место в вагоне, и билет в театр»³⁵⁵.

Другой выдающийся филолог Е. Д. Поливанов в статье «Стук по блату» (1931) обратил внимание на употребление вместе со словом «блат» местоимения «свой», которое утратило местоименный характер и в среде «лиц темных профессий» употреблялось в значении имени коллективного, означающего «приверженность к определенной социальной группе»³⁵⁶. Интересно, что в «Гарпагониане» Анфертьев, сопровождаемый Торопуло после опохмела в кафе, всюду на улице подмечает «своих»: «Он видел медуз, запускающих свои щупальца в кооперативы, замечал, с каким невинным видом эти люди уносят товары. Он узнавал городушников и лиц, пристально всматривающихся в неосвещенные окна, он знал, что они поднимутся и позвонят, если же никто не ответит, то быстро откроют дверь своим инструментом, возьмут первую попавшуюся вещь и, придав себе невинный вид, смоются» (Вагинов 1991, с. 468). Притом деятельность всех этих лиц Анфертьев подмечал «невольно», поскольку давно был в тесном контакте с этим миром.

На карте Ленинграда существовали целые точки, где жили «вольной разбойничьей ассоциацией» люди «темных профессий». Не все они располагались на рабочих окраинах. Например, Мировой и Анфертьев, по видимому, жили в центральном районе Ленинграда в доме Ивана Вальха, более известном как «Дом старухи-процентщицы» из «Преступления и

³⁵⁴ Чернавин В. В. Записки "вредителя" / Владимир и Татьяна Чернавины. Записки "вредителя"; Побег из ГУЛАГа. — СПб.: Канон, 1999. С. 269.

³⁵⁵ Там же. С. 270.

³⁵⁶ Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. — М.: Федерация, 1931. С. 152-160.

наказания» Достоевского (современный адрес: ул. Римского-Корсакова пр., 25; Грибоедова к. наб., 104; Средняя Подъяческая ул., 15А). Рассказчик в «Гарпагониане» описывает этот дом, напоминающий вертеп или «Вяземскую лавру» (см. § 3 Главы 2). «Вяземской лаврой» называлась совокупность из тринадцати доходных домов на Сенной площади, которые вплоть до 1960-х гг. пользовались дурной славой. Во флигелях, составлявших Вяземскую лавру, жили не просто бедные, но еще и опустившиеся люди, многие из них были связаны с криминалом. Там собирались нищие, бродяги, уголовники разного рода, проститутки, продавцы краденого³⁵⁷.

Мировой и персонажи, подобные ему, составляют «кровь» загробного царства Ленинграда периода социалистической реконструкции. Они способствуют «разъеданию» системы моральных координат «бывших» жителей города.

§ 3. Пьяница

Еще один традиционный герой Петербурга — пьяница, образ которого в социалистическом Ленинграде Вагинов связывает с темой преступления, характерной для петербургской топики, и насыщает его художественными реминисценциями

Анфертьев, герой «Гарпагонианы», предстает в романе как продолжатель богатой традиции, но акцент Вагинов делает на его социальной неустроенности, которая, как и Раскольников, приводит этого персонажа к преступлению и, в перспективе, не прописанной в романе, к наказанию (представителей криминальных и околоскриминальных кругов в набросках к «Гарпагониане» высылают из города). Установить конкретный источник или прототип этого героя затруднительно, поскольку поэтике Вагинова свойственна разнонаправленность реминисценций³⁵⁸. Тем не менее,

³⁵⁷ Лурье Л. Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. — Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2014. С. 201-202.

³⁵⁸ Занимавшиеся реконструкцией прототипов героев Вагинова Т. Л. Никольская и В. И. Эрль отметили, что в его романах «персонажи, имеющие прототипы, не вполне к ним сводимы — так, например, в «Козлиной песни» поэту Сентябрю («реальному» Венедикту Марту) придаются биографические подробности то ли Хлебникова, то ли Есенина; философ (М. М. Бахтин) наделяется фамилией брата М. Шкапской — филолога и психиатра И. М. Андреевского» и т. д.

в образе Анфертьева угадываются черты унтер-офицерской вдовы из гоголевского «Ревизора», которая сама себя высекла, блуждающего по Петербургу пьяницы Мармеладова, сологубовского «стегательных дел мастера» Передонова, главного экзекутора «Мелкого беса», но более всего — циника, алкоголика и сентиментального человека из «Москвы кабацкой» С. А. Есенина. Бытописание кабацкой атмосферы не было самоцелью Есенина. В этом цикле поэт «трансформировал „кабацкую поэтику“ в сугубо художественную»³⁵⁹. «Ощущение трагедии, которая происходит с Россией и душой народа, обманутого „суровым Октябрем“, мука собственного бессилия перед „роком событий“, личные неурядицы» выплеснулись в этот цикл «Москва кабацкая» и поэмы «Страна Негодяев» и «Черный человек», пишет Н. И. Шубникова-Гусева³⁶⁰. Есенин одним из первых почувствовал разворачивающуюся трагедию и в своеобразной форме описал свою тревогу. Но Вагинов подхватил именно амплуа героя «Москвы кабацкой». Если в 1920-е гг. персонаж цикла считался «упадочным» и часто трактовался как альтер эго самого Есенина³⁶¹, то в 1930-е гг., у Вагинова, он оказался уже рядовым горожанином, девиантное поведение которого вызывало сострадание (например, у Торопуло), но не удивляло. Пьянство Анфертьева можно трактовать как пародию на символистский культ вина, где напиток выступает в качестве позитивного средства преобразования мира, достижения определенных метафизических высот (подобные мысли развивает герой «Козлиной песни» — неизвестный поэт). Пьяница Вагинова может быть поставлен и в современную писателю литературную традицию, трактующую алкоголиков как тунеядцев, не приносящих пользы обществу³⁶². Простое перечисление возможных вариантов образа Анфертьева приводит к тому, что

(Никольская Т. Л., Эрль В. И. Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 205). Так и Анфертьев, герой дальнейшего изложения, не сводим в своем генетическом досье к одному конкретному литературному или внелитературному источнику.

³⁵⁹ Самоделова Е. А. Гастрономическая поэтика С.А. Есенина и народная пищевая культура. — Рязань, 2012. С. 273.

³⁶⁰ Шубникова-Гусева Н. И. С. А. Есенин в жизни и творчестве. — М.: Русское слово, 2003. С. 14.

³⁶¹ См. комментарий А. А. Козловского в издании: Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. — М.: Наука; Голос, 1995. С. 593-598.

³⁶² Подробнее см.: Алкоголизм в художественной литературе: хрестоматия / сост. А. С. Берлянд. — М.; Л.: Медгиз, 1930.

этот герой может быть сконструирован Вагиновым из обломков разных литературных персонажей, основными из которых являются представители петербургской топики.

Тема преступления, с которой связан пьяница Вагинова, в «Гарпагониане» решается через мотивы двойничества и умопомешательства. Последнее вызвано алкоголизмом Анфертьева, пьянство которого связано с традиционным для петербургской литературы мотивом пережитого личного унижения. Самый известный из литературных персонажей со схожей проблемой — Семен Захарович Мармеладов, герой «Преступления и наказания». Роман Достоевского задумывался первоначально как текст о «пьяненьких», «в котором, по всей вероятности, центральной фигурой должен был явиться чиновник, страдающий запоем — Мармеладов. Судьба его семьи намечалась в социальном плане как жертва порока отца семейства. Впоследствии тема была отодвинута на второй план темами Раскольникова и Свидригайлова»³⁶³. Неустроенность обитателей Ленинграда, которых нужда и унижение толкают в объятия «зеленого змия», также исследуется Вагиновым в «Гарпагонине».

Применительно к роману справедливо говорить о «пьяненьких» в прямом смысле этого слова, ведь алкоголь в нем буквально разлит повсюду. Крепкие напитки сопровождают застолья и торжества персонажей «Гарпагонианы». Пашенька, подруга Жулонбина, принимая у себя гостей, поила их водкой: «Но мужчины приходили, охотно проводили с ней вечера, играли с другими мужчинами в карты, пили водку, орали песни, но не проявляли никакого желания жениться» (Вагинов 1991, с. 512). В новогоднюю ночь Анфертьев, Локонов и Петя Колоколов распивают «литр водки»: «Втроем они поднялись по лестнице, ввалились в квартиру, прошли по длинному, длинному коридору, ввергли Локонова в комнату, небольшую, <...> с крохотным столиком, на котором лежали недоеденные килька и осетрина в консервной банке и стоял начатый литр водки» (Вагинов 1991, с. 413). Водка фигурирует в фантастических историях городского населения,

³⁶³ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С 431.

например, в рассказе о том, как «все живое и нализалось» (Вагинов 1991, с. 514). Алкоголь в «Гарпагоинане» заменяет персонажам деньги в условиях «отмены частной собственности»: «Сновали скупщики, перекупщики, спекулянты, менявшие одно на другое с выгодой для себя в денежном или спиртовом отношении» (Вагинов 1991, с. 383). Водка используется и как средство вдохновения: «Вернувшись в свою комнату, Мировой, окрыленный очередным успехом, принялся сочинять новые песни. Перед ним стояла бутылка водки. Он сочинял песню, которую публика с руками будет рвать» (Вагинов 1991, с. 477). В условиях хронического дефицита товаров, наличие водки и снеди начинает ассоциироваться у некоторых персонажей с богатой жизнью. Бандит Мировой, нанимая очередного исполнителя уличных песен, говорит: «...мне инвалид нужен, жизнь вольную и богатую я тебе на старости лет предлагаю, будешь каждый день в стельку пьян, если пожелаешь» (Вагинов 1991, с. 469). Точки продажи алкоголя становятся в романе местами проведения основного досуга асоциальных элементов города. Анфертьев встречается с представителями ленинградского «дна» в пивных. Там же он составляет и прейскуранты своих товаров. В одном из эпизодов, прихлебывая пиво, он пишет Локонову письмо о невозможности продать ему сон гимназистки о пирожных, поскольку оно «оказалось уже проданным Торопуло, который отступить от своей покупки ни на каких условиях не пожелал» (Вагинов 1991, с. 437).

Более «благополучные» персонажи «Гарпагоинаны» стараются выпивать умеренно в основном легкий алкоголь, сугубо по каким-либо торжественным поводам. У Торопуло гости пьют вино во время докладов «Общества по собиранию мелочей». Локонов при подготовке к свиданию с Юленькой также берет токайское. Водку он пьет неохотно, в основном из страха: когда на обмывке баяна, купленного Петей Колоколовым, ему передают стакан, он, боясь, что его могут ударить, осушает его.

Алкоголь, как и в случае с Мармеладовым, становится явной деталью повседневной жизни героев «Гарпагоинаны». Как и Мармеладова, вино развращает Анфертьева, мешает ему нормально работать. «Если б не пил

Анфертьев, то он бы хорошо зарабатывал, но вино губило Анфертьева. Заработает он в день рублей 20 и три дня пьет до одурения, пьет до тех пор, пока не свалится» (Вагинов 1991, с. 390).

В глазах идеологии герой-пьяница «Гарпагонианы» Анфертьев выглядел ярким примером проявления «буржуазного мира». «Реакционность» этого героя подчеркивается и его происхождением. В противоположность зощенковским «уважаемым гражданам», поднятым волной революции из глубин народной жизни³⁶⁴, Анфертьев был низложен Октябрем. До переворота он принадлежал к привилегированному классу царской России. Отец его был занят в системе судопроизводства, служил присяжным поверенным и жил в «огромной квартире» большого дома, который принадлежал «португальскому консулу, Антону Антоновичу Дауеру, <...> последнему представителю стариннейшей фирмы, торговавшей винами» (Вагинов 1991, с. 420). Мать Анфертьева, француженка, была певицей, выступала в итальянской опере. В ее комнате «вечно пили чай», что-то декламировали, играли на рояле, «иногда в коридор выносились мебель и какие-то тети босиком в коротеньких рубашечках бегали под музыку, размахивая руками, и валялись по полу» (Вагинов 1991, с. 404). Сам Анфертьев готовился стать учителем (об этом он рассказывает Локонову). Жизнь этого героя в романе разделена на две части: до Октября и после. Благополучие героя прерывается революцией, во время которой он сталкивается с неизвестными ранее сторонами человеческого существования. В романе об этом упоминается в нескольких эпизодах. Эти сведения помогают понять причины того, почему Анфертьев стал циником и пьяницей.

Анфертьев, как и его создатель, во время революции служил в красной армии. Потом, как он сам вспоминал, красные его насильно мобилизовали, а «белые, взяв его в плен, выпороли за то, что он, будучи офицером, служил у красных, как затем красные, победив, его чуть не расстреляли за то, что он служил у белых в качестве переводчика, как англичане удрали, оставив его

³⁶⁴ Щеглов Ю. К. Избранные труды. — М.: РГГУ, 2014. С. 576.

на произвол судьбы, и как затем он полюбил свободную жизнь, в которой собственно, он чувствовал, никакой свободы не было» (Вагинов 1991, с. 391). Как видно из приведенного отрывка, молодой Анфертьев несколько раз находился на грани смерти и на себе почувствовал предельное унижение и предательство. Видимо поэтому в романе он не любит вспоминать свою молодость (время, когда его оскорбили), тогда как детство, в особенности любимого медведя и комнату матери, он вспоминает охотно.

Память о нанесенном оскорблении и унижении — причина запоев Анфертьева. Усугубляет положение окружение персонажа, в частности, криминальными и асоциальными элементами, с которыми он находится «на короткой ноге», поскольку сталкивался с этим миром, будучи в тюрьме (Вагинов 1991, с. 404). За водку и деньги («хрусты») он помогает бандитам «гастролировать» по Ленинграду с уличными песнями, которые составляет их предводитель — Мировой. «Вот что, миляга, — сказал Мировой. — Видишь полфедора — он показал Анфертьеву поллитра. — Ты у меня завтра петь будешь, я театр организовываю. Хрусты еще в придачу получишь» (Вагинов 1991, с. 470).

Об унижительной истории Анфертьева в Ленинграде знает несколько людей его круга («это мерзкое общество»), и когда частник случайно сталкивается с ними на улицах и толкучках, то от окриков, смешков и обидных напоминаниях теряет желание торговать и уходит в запой. «Деловое настроение было прервано. Хотя утром он опохмелился, все же снова начало сосать у него под ложечкой. <...> Продав ботинки, подсчитал Анфертьев деньги и снова запил» (Вагинов 1991, с. 470).

Другой сюжет о выпоротом человеке припоминает Локонов. Когда он случайно увидел шрамы на теле пьяного Анфертьева, то припомнил историю о «некоем реалисте Пушкинове, которого во время гражданской войны, выпороли свои же гимназисты, ставшие добровольцами, за то, что он снимал иконы в школах, как порка разбила его жизнь и превратила в циника» (Вагинов 1991, с. 463). История Анфертьева не является для Локонова

единичной, мысленно он называет его «одним из таких», то есть — символически выпоротым новой властью.

Любовь к свободной жизни, появившаяся у Анфертьева после унижительной истории, привела его к торговле, которая в условиях отмены частной собственности казалась глубоко реакционной. Но это не помешало персонажу заниматься этим делом. Рассказчик «Гарпагонианы» даже замечает, что если бы не пил Анфертьев, то он бы на фоне других процветал, поскольку он всячески старался изучить потребности своих покупателей, расширял ассортимент товаров в зависимости от поступающих запросов, а также пытался предвосхитить будущие заказы клиентов (в воображении он постоянно открывал все новые и новые магазины): «Сейчас Локонову нужны сны лирические, — думал Анфертьев, — но со временем ему могут понадобиться сны фантасмагорические... <...> Затем, возможно, ему понадобятся сны о мировой войне, сны политические, о революции и о пятилетке, но сейчас нужны ему лирические сны, сны о возвышенной любви» (Вагинов 1991, с. 392). Помимо сугубо меркантильных занятий у Анфертьева была мечта — он хотел стать поставщиком государственного учреждения, более того, единолично заниматься поставками.

Рассказчик «Гарпагонианы» отмечает, что позор, испытанный Анфертьевым, «навсегда исказил его мысль» (Вагинов 1991, с. 404). Это выразилось в отношении персонажа к государству («государство — система насилия»), следовательно беззаконие представлялось ему обыденным, а воры и бандиты, с которыми он сотрудничал, воспринимались как рядовые граждане, похожие на остальных. Находясь в оппозиции к существующему строю, Анфертьев ни во что не ставит авторитеты («никаких идолов, ни перед чем я не преклоняюсь»), не ценит самоотверженность, мужество, храбрость («доблесть для меня — звук пустой»), без пиетета относится к женщине («любовь — голая физиология») (Вагинов 1991, с. 440).

Маргинальное положение в новой иерархии и отторжение от доминирующих ценностей сделали его жизнь мелочной и механической: каждый день он скитается по городу, продает различные вещи и напивается.

Анфертьев — модифицированный тип петербургского пьяницы эпохи первой пятилетки, к которому Вагинов добавил и новые черты. Помимо «деловой хватки» и собственной философии, писатель в образе Анфертьева запечатлел черты «перековавшегося» гражданина, предвосхитив «перековочный» дискурс книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934), в которой рассказывалось о том, как «мы (т. е. власть. — Я. Ч.) в лагерях принуждаем людей, не способных к самостоятельно перевоспитать себя, жить советской жизнью, толкаем их до тех пор, пока они сами не начинают делать это добровольно»³⁶⁵. Анфертьев не нуждался в лагере, для него трагические события Гражданской войны послужили собственной «доменной печью», в которой закалились его мысли и чувства по отношению к новой власти. «Реабилитационные системы» ГУЛАГа принесли бы ему мало пользы, поскольку в них необходимо было очиститься от «наслоений капиталистической морали и философии» под воздействием окружения, которое формирует освобожденные от «всевозможных фикций» чувства и взгляды³⁶⁶. Учитывая, что в системе ИТЛ сидели, наряду с ложно обвиненными гражданами, преступники и воры, то они определенным образом содействовали «душевному перелому», «перерождению», «перестройке» окружающих из людей. Анфертьеву, который и на свободе взаимодействовал с асоциальными и преступными элементами, дополнительный контакт с этим сообществом не помог бы «перековаться», поскольку не явился бы для него чем-то новым.

Если взять за модель «перековки» случай благотворного влияния среды и труда на изменение психики бывшего бандита Абрама Роттенберга, заключенного Беломорканала, описанный Зощенко в «Истории одной перековки»³⁶⁷, то случай Анфертьева ломает представления о принципах «второго рождения» советского гражданина. По Зощенко, преступник, находившийся в принципиальном разладе с государством, убеждается в

³⁶⁵ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. — ОГИЗ. Государственное издательство «История фабрик и заводов», 1934. С. 77.

³⁶⁶ *Оружейников Н.* Рапорт писателей // Книга и пролетарская революция. 1934. № 3. С. 16.

³⁶⁷ *Зощенко М. М.* История одной перековки // Зощенко М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Возвращенная молодость. — М., 2006. С. 757-758.

целительной силе работы на одной из социалистических строек, идет на повышение и становится ее ответственным работником: «Я пробыл в лагере полтора года. И я выхожу отсюда с таким сознанием, как будто у меня не было мрачного прошлого, а есть только светлое будущее»³⁶⁸. По Вагинову, бывший представитель привилегированного класса становится асоциальным элементом задолго до системы исправления и коррекции поведения граждан, благодаря трагическому политическому катаклизму, вызвавшему к жизни междоусобную борьбу, принесшему физические и моральные унижения. Полученный опыт мытарств и бедствий — история «перековки» бывшего представителя привилегированного класса — снимает моральные оценки этого персонажа, и он, будучи оппозиционно настроенным к «государству вообще», замыкается на собственных мелких делах, например, на купле-продаже.

Анфертьев отличается от карикатурных образов пьяниц советской литературы 1920-х гг., рассчитанной в основном на борьбу с этим недугом в рамках антиалкогольной кампании большевиков. Его генеалогия уходит корнями к обитателям «вяземских» лавр и трущоб петербургского периода российской истории. Появление этого персонажа в социалистическом Ленинграде свидетельствует о глубинных противоречиях между картиной жизни, которую рисует пропаганда, и тем, каких гомункулов рождает власть в бывшей северной столице. У Достоевского алкоголик Мармеладов не обладал губительной волей, это был жалкий пьяница, развращенный вином. У Вагинова Анфертьев проходит через огонь и медные трубы унижений и, будучи представителем привилегированных классов, «перековывается» под молотом обрушившихся на него страданий. Униженный и оскорбленный, он не отчаивается и всеми силами цепляется за жизнь и, наполненный цинизмом и миазмами предельно пустившихся представителей ленинградского дна, разлагает хрупкий мир бывших петербуржцев, одним из которых является Локонов. В преступлении проявляется сила «перековавшейся» темной стихии Петербурга, которая в социалистическом Ленинграде чувствует себя

³⁶⁸ Там же. С. 293.

как дома и рыщет в поисках безвинных жертв по улицам города в лице воров и бандитов. Совершенное Анфертьевым убийство на приводит к покаянию, поскольку совершено оно в криминальном по своей новой природе городе, где затравленные души не надеются на прощение, а рассчитывают только сами на себя.

§ 4. Коллекционеры и систематизаторы

Разбушевавшейся в Ленинграде темной стихии «вяземских лавр» пытаются противостоять коллекционеры и систематизаторы. Особое отношение героев Вагинова к предметному миру города, их тяга к коллекционированию неоднократно отмечалась в научной литературе³⁶⁹.

Наследование предметом определенной культурной информации становится, по мнению О. В. Шиндиной, мотивацией для составления героями «Гарпагоонианы» коллекций, поскольку в 1920-1930-х гг. образ вещи наполняется иным смыслом в соответствии с идеологическими задачами эпохи. С одной стороны вещь сохраняет свои материальные признаки и качества, являясь «аккумулятором» внутрикультурной информации, с другой — становится источником самостоятельного смыслообразования, смыслопорождения и смыслосохранения³⁷⁰, нуждающегося в интерпретации. Некоторые исследователи даже приводили перечни предметов, которые собирают персонажи³⁷¹.

³⁶⁹ Блюм А., Мартынов И. Петроградские библиофилы: По страницам сатирических романов К. Вагинова // Альманах библиофила. — М., 1977. Вып.4. С. 217–235; Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам XVII. Семиотика города и городской культуры. Петербург. — Тарту, 1984; Цивьян Т. В. К семантике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века) // Aequinox МСМХСШ — М., 1993. С. 224-227; Шиндина О. В. О некоторых содержательных особенностях романа Вагинова «Гарпагоониана» // Russian Literature. Vol. 53. № 4, 2003. С. 452-469; Ермолаева Ж. Е. Роман К. Вагинова «Козлиная песнь»: черты петербургского текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 40. С. 66-69; Липовецкий М. Аллегория автора: «Труды и дни Свистонова» К. Вагинова // Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской литературе 1920-2000-х гг. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 115-140; Кулятин А. И., Скубач О. А. Собиратели хаоса: коллекционирование по-советски // Кулятин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография / Отв. ред. И.В. Силантьев. — М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 172-185 и др.

³⁷⁰ Шиндина О. В. О некоторых содержательных особенностях романа Вагинова «Гарпагоониана» // Russian Literature. Vol. 53. № 4. 2003. С. 456.

³⁷¹ Шиндина О. В. О некоторых содержательных особенностях романа Вагинова «Гарпагоониана» // Russian Literature. Vol. 53. № 4. 2003. С. 452-469; Жолковский А. К. Il catalogo e questo... (К поэтике

В творчестве Вагинова собиратели выполняют особую функцию — пытаются сохранить артефакты былой культуры, выступают как ее охранители. Однако, от романа к роману смысл коллекционирования постепенно становится недоступным для персонажей писательской «тетралогии», миры коллекций меняются в зависимости от положения их обладателей в системе советского общества. Коллекционерские страсти героев Вагинова «все более абсурдируются»³⁷². Если в первом романе писателя Миша Котиков собирал материалы о покойном поэте Заэвфратском для составления его биографии (вполне осмысленное и благородное занятие), то в «Гарпагониане» Жулонбин уже предпринимает попытку систематизировать все вещи, которые есть в Ленинграде. Абсурдны не только его коллекции (ногтей, окурков, увядших свадебных букетов и т. п.), но и логика мыслей: «Да, <...> а японских-то (спичечных коробков. — Я. Ч.) нету. А классификация будет неполной без японских, и совсем непростительно, потому что оказывается, японские в нашем городе существуют» (Вагинов 1991, с. 389. Курсив в приведенной цитате наш).

Коллекционеры Вагинова (Пуншевич, Торопуло и их корреспонденты) отстаивают ценность каждого предмета и объекта ввиду их неповторимости, причудливости, штучности. Для них любая вещь передает дух времени, если ее правильно объяснить. С этой целью герои Вагинова создают «Общество по собиранию мелочей», представители которого действуют и в «Гарпагониане». Они действуют как краеведы. Члены «Общества...» разработали критерии отбора вещей, их интересуют разные мелкие предметы (значки, коробки, фантики, конфетные бумажки с изображением рабочих, заводов и т. п.) современного быта, поскольку их описание поможет обрисовать некоторую картину материальной составляющей небольшого, но ключевого периода истории развития города. Основываясь на этих данных,

списков) // Поэтика за чайным столом и другие разборы; сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 651-652.

³⁷² Широков В. Константин Вагинов: Систематизатор культуры, или Гиперборейский Орфей? // Простор. №7. 2013. URL: <http://qps.ru/83urv> (дата обращения 20.11.2018).

по мнению членов «Общества по собиранию мелочей», можно будет делать более общие выводы, например, о счастье народа.

Установки представителей «Общества по собиранию мелочей» сходны с задачей собирания, которую ставит перед собой Воцев, герой повести Андрея Платонова «Котлован». Этот герой занимается сбором в свой мешок, который остается с ним вплоть до финального эпизода, «всех нищих, отвергнутых предметов, всей мелочи безвестности», «вещественных останков потерянных людей», «ветхих вещей»³⁷³, а после, в финале, присоединяет к собранным там вещам и ставших «прахом» колхозников. Анализ конкретных эпизодов платоновской повести позволил Н. И. Дужиной говорить о том, что не только влияние философской концепции Н. Ф. Федорова сказалось на повышенном интересе Воцева ко всей мелочи, «истершейся терпеливой ветхости», но и реальный контекст 1929-1930 года (второго года первой пятилетки) — компания по сбору утильсырья. «Но Платонов, конечно, не просто воспроизводит эту реалию начала 1930 г., он переводит ее в философский план и наполняет особым смыслом»³⁷⁴. Воцева волнует вопрос о жизни и смерти, связанный с массовой гибелью людей, а также превращение еще оставшихся живых в «мертвые души», в «прах». Духовное путешествие Воцева по советской действительности — попытка понять, как спасти оказавшихся в беде людей. Воцев собирает всякую «ветошь человеческую», герои Вагинова собирают городскую мелочь, видя в ней духовное отражение определенной эпохи.

Коллекционерам-краеоведам в «Гарпагониане» противостоят систематизаторы. Для них Ленинград похож на Геркуланум и Помпеи — древние города Италии, погибшие из-за извержения Везувия, заживо погребенные под тоннами грязи и пепла. «Для всех этих людей (т. е. для скопидомов — Я. Ч.) город являлся золотым дном, <...> новым Геркуланумом и Помпеей» (Вагинов 1991, с. 375). Систематизаторы

³⁷³ Платонов А. П. Котлован: Текст. Материалы творческой истории. — СПб.: Наука, 2000. С. 99, 110.

³⁷⁴ Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован». — М.: Издательство МГУ, 2010.

Ленинграда, как некогда первооткрыватели погибших итальянских городов, варварски «раскапывают» исторический центр бывшего Петербурга в поисках уникальных вещей и вещиц, которые для прежних обитателей не имели ничего ценного, являлись привычным окружением повседневной жизни. Рассказчик «Гарпагонианы» отмечает, что скопидомы города живут «вольной разбойничьей ассоциацией», растаскивая вещи из квартир практически обездвиженных старичков и старушек. «Одни из скопидомов погружались в гордые мечты, преувеличивая эстетическую ценность некоторых предметов (кружев), другие объясняли свое накопление (дамские перчатки) желанием написать особую книгу, „История дамских перчаток“, третьи — любовью к зрелищам, радующим глаз (парча)» (Вагинов 1991, с. 376). Хищническое вмешательство в тело упокоенного Петербурга, варварское выкачивание из него ресурсов походило на охоту за «антиками», затеянную военным инженером Р.-Х. Алькубьерре в 1750-х гг. в Помпеях. Заполненный «старым хламом» центр классического Петербурга для ленинградских скопидомов стал походить на «сокровищницу», при виде которых бывшие петербуржцы превращались в настоящих разбойников.

В попытках систематизаторов «Гарпагонианы» собрать максимально полные коллекции вещей (в отличие от коллекционеров, которые изучают предметы, отбирают их), Вагинов иронически переосмысляет идею «социального музея», которую выдвинул видный ученый Ф. И. Шмит. Его концепция предполагала создание пяти «громоздких» отделов: первобытной («стадной») культуры; культуры семейно-родового быта; кастовой культуры; культуры города-государства; капиталистическо-империалистской культуры. Как показали разыскания В. Г. Ананьева, функции этих отделов заключались в демонстрации того, как постепенно бытие изменяло сознание и в результате этой эволюции произошла революция. Приоритетной функцией музея в рамках этой концепции оказывалась пропаганда господствующей идеологии, поскольку музей является государственным предприятием и на него идут народные деньги. «Поэтому и музейным в полном смысле этого слова оказывался тот предмет, который лучше всего «проповедовал», а так

как «проповедовать» приходилось явления и процессы — предмет неизбежно уступал место документу»³⁷⁵. Таким образом музеи попадали в парадоксальную ситуацию, с одной стороны необходимо было производить отбор предметов-«пропагандистов», с другой — заменять их наглядными «пособиями», вроде карт, графиков, диаграмм, которые бы отражали динамику воздействия бытия на сознание. Предмет, выставленный сам по себе в музейном пространстве, не давал целостное представление об этой динамике. «Подобное отношение к проблеме музейного предмета в дальнейшем, с одной стороны, приведет к глубокому кризису музейной работы, но, с другой, будет способствовать попыткам музейных специалистов определить его основные характерные черты, свойства и функции»³⁷⁶. Предмет в рамках теории «социального музея» сам по себе не представлял никакой ценности, он должен был «агитировать» за новую идеологию, а не представлять «вещь в себе».

Систематизаторы Ленинграда стремились овладеть любым предметом, который казался им ценным. Принципы отбора и описания вещей становятся непонятными, например, скопидому Жулонбину, которому не ясно, зачем нужно сопровождать ту или иную вещь историей, рассказывать о ней, помещать ее в контекст: «Что есть этот предмет? Спичечный коробок. Так давайте, рассмотримте его, как спичечный коробок. А вы что делаете? Вы уноситесь в мифологию. Что общего, скажите, между спичечным коробком и тем, что вы мне порассказали? Мы должны классифицировать предметы, изучать предметы, так сказать имманентно. Какое нам дело до всех этих картинок? Ведь мы не дети, которых привлекает пестрота красок и образов» (Вагинов 1991, с. 465).

В спичечном коробке Жулонбин видит предмет сам по себе, а не комплекс предпосылок появления и распространения этой вещи, а также те художественные и фольклорные сюжеты, которые могут ее сопровождать. Жулонбин даже признается, что для него «старый хлам» не живет, что он

³⁷⁵ *Ананьев В. Г.* Проект «социального музея» Ф. И. Шмита: к дискуссиям середины 1920-х гг. о форме и задачах музеев // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 259.

³⁷⁶ Там же. 259-260.

важен только как объект систематизации: «Для меня вещи не имеют никакого наполнения» (Вагинов 1991, с. 465). Этим свидетельством он как бы выводит себя за рамки истории, закрывает для себя область преданий и мифологии, отказывает предмету в наличии памяти о нем, а через него и о человеке; отказывает вещи даже в намеке на ее прошлое. Подобное духовное оскотление, в котором Жулонбин признается в шестой главе романа, выставляется как «великая страсть» «великого человека», которым, однако, этот персонаж не является.

Жулонбин ведом желанием собирания. Он не задается вопросам о причинах подобного увлечения. Для него не важна уникальность того или иного предмета в его коллекции. Он не является и археологом культуры, поскольку его действия мотивированы не работой для будущих поколений, как это делают представители «Общества по собиранию мелочей», а желанием удовлетворить страсть накопительства. Не случайно в романе вводится эпизод о дореволюционной жизни Жулонбина, когда он, будучи гимназистом, копил деньги и думал о революции, чтобы в случае социально-политического катаклизма скупить за бесценок предметы роскоши и получить тем самым статус богача среди всеобщего обнищания. Для Жулонбина не важна штучность вещи, его привлекает количество предметов. Поэтому его комната заполнена абсурдными с точки зрения коллекционера вещами, вроде ногтей, окурков, значков и т. п.

Страсть к накопительству доводит Жулонбина до умопомешательства. С людьми он заводит знакомства только для того, чтобы выудить у них какую-нибудь безделицу. Для погруженного в свою бессмысленную классификаторскую деятельность Жулонбина становятся серьезным психологическим испытанием известия о существовании в городе новых собирателей, которые к тому же обладают уникальной коллекцией, открывающей в воображении систематизатора неизведанную область накопительства. Так, сильно взволновало его собрание сновидений Локонова, т. к. до этого он не представлял, что можно собирать сны. «Познакомьте меня с ним (с Локоновым. — Я. Ч.), — взмолился Жулонбин. Руки у

систематизатора задрожали» (Вагинов 1991, с. 385). Сообщение о собирателе снов настолько удивило систематизатора, что сначала во сне (внутренняя готовность), а потом наяву он решается на преступление. «Во сне Жулонбин видел, что он борется с Локоновым и отнимает у него накопленные сновидения, что Локонов падает, что он, Жулонбин, бежит в темноте по крышам, унося имущество Локонова. „А что, если украсть, – подумал Жулонбин. – Ведь никто не поверит, что можно украсть сновидения“» (Вагинов 1991, с. 466). Совершить преступление систематизатору не удастся, поскольку, решившись наконец пойти и забрать у Локонова его коллекцию, он находит его мертвым (Вагинов 1991, с. 480).

В иронически обрисованных попытках скопидомов Ленинграда вмешиваться в живую ткань исторического центра, «раскапывая» и без того обедневшие квартиры «стариков и старушек», видится определенная позиция Вагинова. «Дух» Петербурга жил для писателя в монументальном облике центральной части города, метафорически погребенной революцией. Подобно физическим Геркулануму и Помпее, сохранившими свой первоначальный вид благодаря грязи и пеплу, дореволюционный центр города необходимо было изучать и исследовать аккуратно и постепенно, без варварских вмешательств извне, преследующих единственную цель — обогащение. В этом смысле систематизаторам Ленинграда, вроде Жулонбина, противостоят исследователи, организовавшие «Общество по собиранию мелочей».

Систематизаторы — это обнаженные функции, мольеровские Гарпагоны-жадины, не понимающие истинного предназначения коллекционера — сохранять жемчужины, выдающиеся образцы культуры. Эти персонажи только утоляют жажду накопительства, чем разрушают и без того истончившийся слой материальной культуры Петербурга, «раскапывая» квартирki бедных «стариков и старушек». В погоне за систематизацией окружающих вещей они убивают «дух» дореволюционного города. Подобно тому, как в Аду Данте души переживают одну и ту же сцену убийства, измены, обмана и т. п., систематизаторы занимаются однообразным и

бессмысленным занятием собирания «праха повседневности», сиюминутных вещей, потерявших свое функциональное значение. Вместе с тем из-за масштаба систематизаторской активности, постоянной купли-продажи, этот самый «дух» Петербурга становился, при смешении на улице с Ленинградом, зловонным миазмом разложившегося трупа, внутренности которого — мебель, одежда, обиходные вещи, предметы туалета, книги и т. п. — ежедневно демонстрировались на рынках и толкучках.

§ 5. Сновидец

Рассмотрим традиционный для литературы тип петербургского мечтателя, коорый также обитает в социалистическом в Ленинграде.

Миазмы разбушевавшейся темной стихии «вяземских лавр» расшатывают строй мыслей и чувств «механических граждан» Вагинова, доходя и до областей более тонких, интимных. Его сновидец Локонов схож с петербургскими мечтателями. В Петербурге, как отмечал Н. П. Анциферов, «„вечный раздор мечты с существенностью“». На этом раздоре построен Гоголем „Невский проспект“ — его лучшая петербургская новелла. Этот прозаический город, эта европейско-американская колония, порождает и делеет мечту. Вместе с тем его „существенность“ губит мечтателей, о чем бы они ни мечтали»³⁷⁷. Выведенный Вагиновым герой не может мечтать, но очень хочет заново научиться. Для этой цели он прибегает к сновидениям.

Сновидения есть во всех романах Вагинова, но в «Гарпагониане» они имеют принципиально иное значение, чем в предыдущих текстах писателя. Размышляя о времени первой пятилетки, а также о факторах торможения развития человеческих отношений в СССР, А. М. Горький констатировал «гнилостное разложение» «пошлейшего старого мира», на фоне которого трудовой героизм становится «бытовым фактом»³⁷⁸. В рамках подобной героики «апология сна в духе Веры Павловны в советскую эпоху сменяется

³⁷⁷ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 194.

³⁷⁸ Горький М. О действительности // Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия. 1929-1931. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 459.

апологией бессонницы»³⁷⁹. Герою нового времени некогда спать, он должен работать во имя процветания молодой Страны Советов.

В «Гарпагониане» герои тоже видят сны, но один из них — Локонов — лишен этой возможности. В романе описаны три увиденных сна: сон об аэропланах в виде золотых рыбок (его рассказывает Завитков³⁸⁰), сон о мертвом сыне (его рассказывает престарелая няня в той же сцене после Завиткова) и сон Жулонбина о воровстве коллекции сновидений у Локонова. Другие сны либо приписаны героем самому себе (это сон Локонова о двойнике у Публичной библиотеки и его же сон о безумном юноше в замке), либо зафиксированы на бумаге. О последних мы узнаем благодаря усилиям частного Анфертьева, который поначалу добывает их для Локонова, а потом для «Общества по собиранию мелочей», которое в Ленинграде учреждают Торопуло и Пуншевич.

Уместно перечислить все 10 записанных Анфертьевым снов: 1) сон молодого человека, у которого на подъеме ноги образовался глаз; 2) сон «Двое служащих и отрезанная голова девушки»; 3) «комический» сон со стихами («Вот идут опять / Вот идут смотри / Морда номер пять / Рожа номер три»); 4) сон девушки, которая думает, что она трамвай; 5) «Пятилетка, сон престарелой купчихи»; 6) «Девушка и вежливое отношение к ней медведей. Сон библиотечной работницы»; 7) Чума, сон юристки в 1921 году; 8) Сон гимназистки, где она должна выбрать девочку, с которой ей сидеть за партой; 9) Сон о том, как как одна дама встретила на лестнице фигуру с архитектурным лицом, которая всем раздавала судьбу и о том, как эта дама подошла к ней, но та судьбы не дала, т. к. ее не хватило; 10) Страшный сон девушки о том, как она кого-то расстреливает и о том, что состояние у тех, кого она расстреливает, было жуткое, они хотели оттянуть момент смерти, один из них стал искать носовой платок.

³⁷⁹ Кулятин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография / Отв. ред. И.В. Силантьев. — М: Языки славянской культуры, 2013. С. 140.

³⁸⁰ Этот сон был рассказан Вагинову его супругой (см. примечание к стр. 360 в книге: Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Сост. А. И. Вагиновой, Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — СПб., Гуманитарное агенство «Академический проект», 1999. С. 560).

По сравнению с вышеописанными увиденные сны в «Гарпагониане» изложены вполне подробно. Редуцированными являются «приписанные» сны Локонова и, возможно, сон о девушке, которой кажется, что она трамвай, так как Анфертьев его припоминает, когда просит милостыню.

Записанные сны не являются собственно снами. Они зафиксированы на бумаге и транслируются Анфертьевым в основном посредством зачитывания или составления преискуранта на продажу. Их можно разделить на аннотированные, с кратким описанием синопсиса (это, например, сны 8, 9, 10 и др.) и заглавия, когда известно только название сна (например, 2, 6, 7 и др.).

В «Гарпагониане» границы снов (увиденных, приписанных, записанных) всегда объявлены. Об этом свидетельствуют такие обороты, как «видел сон», «расскажу сон», «показалось, что видел сон» и др. Характерны для них детали, подчеркивающие нереальность происходящего, например, глаз, который открылся у молодого человека на подъеме ноги или улыбающаяся голова пишбарышни, торчащая из абажура. Мотивы болезни (сон о сумасшедшем юноше), превращения (сон барышни, которая думает, что она трамвай; сон гимназистки), символической встречи (сон дамы, которая встретила с фигурой с архитектурным лицом) и др. также присутствуют в рассказах персонажей.

В «Гарпагониане» Вагинов по-своему, в гротескной манере, трактует образ современного ему сновидца: это герой, лишенный способности видеть сны из-за внутреннего разлада с эпохой. Для такого персонажа сновидения превращаются в литературный материал, записанные истории, функция которых заключается в том, чтобы дать «необходимые впечатления». Посредством записанных снов он желает омолодить свою душу, спастись от неразделенной любви к юной особе, избавиться от фобии старости. Таким персонажем в романе выступает Локонов. Этот герой также, по-видимому, является ответной репликой Вагинова на роман «Время плюс время» литератора М. Э. Козакова (об этом будет сказано дальше).

Интересно, что «приписываемые» сны Локонова играют важную роль в сюжете «Гарпагонианы». В начале романа герой лежит у себя в комнате и

пытается вспомнить, что он видел ночью. После неудачной попытки приписывания себе сна о краже яблок и череды риторических вопросов, «Локонов понял, что он едет в трамвае на свидание с собой и видит, что вот там, на панели, у Публичной Библиотеки стоит он, Локонов, и вот из-под этого сна вырастает еще сон...» (Вагинов 1991, с. 380). Мотив движения и последующей встречи с самим собой («свидание с собой») открывает тему двойничества в «Гарпагониане» (об этом мы будем говорить в соответствующем подпараграфе).

Что касается второго приписанного сна, то он связан с мыслями Локонова об ушедшей юности. Желая избавиться от тягостных мыслей, персонаж решает переменить место жительства: поменять свою комнату на другую. Локонова раздражает обстановка его жилища, все предметы кажутся персонажу выхолощенными, потерявшими смысл. «Теперь, эти вещи умерли, и было неприятно Локонову, что они стоят в его комнате, что при взгляде на них целая сеть воспоминаний возникает и тянет за собой обратно его, Локонова, постоянно напоминает ему об его возрасте. Они стали ему не только не нужны, не только не приятны. Они стали отвратительны для него» (Вагинов 1991, с. 422). Во сне Локонов видит юношу, который разбивает прекрасные вещи, вытаптывает аллеи, режет картины, ломает статуи, рвет цветы. В этом эпизоде, по-видимому, описана крайняя степень раздражения персонажа от гнетущей обстановки, нашедшая разрядку в ирреальном пространстве.

Поведение юноши контрастирует с тем, как ведет себя Локонов на публике. Он не позволяет себе ни одной импульсивной выходки: он терпелив к пьянице Анфертьеву, он робеет, сидя на диване с Юленькой, скромен во время застолий, корректно общается с другими персонажами – Завитковым, Кузором, Жулонбиным. Интересно, что и локация сна (прекрасный замок с дорогими вещами) связан с юношеским периодом жизни Локонова. Находясь в комнате и обозревая выхолощенные, лишённые смысла предметы, он с неудовольствием вспоминает, как расставлял письменный стол времен Александра I, шкафчик для книг времен Павла I, диван и два кресла красного

дерева так, чтобы «они давали как можно больше впечатлений его душе, чтоб вокруг них незримо реяли какие-то краски, какое-то ощущение вызывалось бы ими разных эпох, чтоб это все сливалось в некое целое» (Вагинов 1991, с. 422). Содрогаются Локонов и от мыслей, что когда-то его волновали «эстетические проблемы», когда-то он плакал над красотами строк Пушкина, любил читать Достоевского. Таким образом, первоначально (до сновидений) функцию обслуживания души впечатлениями выполняли вещи и эстетика, связанная для Локонова по большей части с русской классикой (Пушкин, Достоевский).

Необходимо отметить еще одну важную особенность Локонова: все упоминания о снах в «Гарпагониане» связаны с ним. Локонову продает сны Анфертьев, из-за его непостоянности он же решает искать новых клиентов и выходит на Торопуло и Пуншевича, в присутствии Локонова Завитков и престарелая няня рассказывают свои сны, его же убивает Жулонбин в своем сновидении.

Образ Локонова — полемический по отношению к Всеволоду Далмату, персонажу романа М. Э. Козакова «Время плюс время» (1932). Козаков был внутренним рецензентом «Гарпагонианы», которую Вагинов в 1933 году направил в «Издательство писателей в Ленинграде» для публикации. Ему же Вагинов адресовал пояснительную записку, в которой раскрыл содержание трех узлов своего произведения (Вагинов 1991, с. 513).

Всеволод Далмат, молодой ученый, полагает, что «сон есть болезнь, при которой отравленные ядами органы теряют способность к работе. Наступает каждодневный паралич сознания и произвольной деятельности организма»³⁸¹. Далмат предлагает навсегда уничтожить человеческий сон. Ради этой цели он изобретает специальный химический состав — антигипнотоксин, который при введении в кровь уничтожает навсегда усталость, а вместе с нею и сон. Такой подход позволит завоевать «новые планеты свободы». Благодаря этому смерть «отойдет от человека на

³⁸¹ Козаков М. Время плюс время. Роман // Звезда. 1932. № 8. С. 13.

несколько десятилетий»³⁸². Последнее, что снится Всеволоду Далмату, это то, как его мозг поглощает знакомый старик в образе крысы: «Да, да, старец! – кричит он и видит, как знакомый старик из коммуны престарелых граждан, бегая у ног юркой серой крысой, отгрызает куски его мозга»³⁸³. После этой сцены Далмат больше не видит снов и становится вечно бодрствующим победителем гипнотоксина.

По сравнению с героем романа Козакова Локонов не нуждается ни в каком химическом веществе, чтобы перестать видеть сны. Он лишился этой способности по ряду причин (конкретно ни одна из них не названа в романе). Вагинов намекает о ключевой предпосылке, из-за которой с Локоновым произошла подобная психологическая редукция. «Локонов чувствовал, что он является частью какой-то картины. Он чувствовал, что из этой картины ему не выйти, что он вписан в нее не по своей воле, что он является фигурой не главной, а третьестепенной, что эта картина создана определенными бытовыми условиями, определенной политической обстановкой первой четверти двадцатого века» (Вагинов 1991, с. 450). Отметим, в скобках, что политическая ситуация повлияла и на других персонажей романа Анфертьева, Ермилова, Мирowego и т.д.

Если в романе Козакова сон побеждается в ближайшем будущем, то в «Гарпагониане» с ним покончено уже во времена выполнения первого пятилетнего плана. Локонов мучается от того, что не может найти «сон своей юности». Без этой психологической способности у него не получается жить. Далмат предпринял попытку уничтожить сон ради продления жизни, тогда как Локонову, который не участвует в социалистическом строительстве и соревновании, отсутствие способности видеть сны приносит разочарование, уныние и скорую смерть. Таким образом Вагинов подчеркивает бессмысленность вечной бодрости духа, если герои будут лишены возможности мечтать и грезить (вспомним размышления Анфертьева и Локонова об умопостигаемой Италии (Вагинов 1991, с. 461)).

³⁸² Там же. С. 13-14.

³⁸³ Там же. С. 22.

Сновидения в «Гарпагониане» становятся новым невиданным предметом коллекции. Они оказывают терапевтическое действие на заказчиков, в особенности, на Локонова. Сны становятся ценными свидетельствами бытовой истории. Сновидения, согласно размышлениям Анфертьева, могут послужить хорошую службу в изучении глубинных психических процессов общества в определенный момент времени, понадобятся они для составления реестра субъективной истории страны, анализа потребности населения в определенных впечатлениях (Вагинов 1991, с. 392, 396).

Отсутствие способности видеть сны у Локонова свидетельствует о его «вписанности» в реальность: «Вписанность в определенную картину, принадлежность к определенной эпохе мучила Локонова. Он чувствовал себя какой-то бабочкой, насаженной на булавку» (Вагинов 1991, с. 450). Притяжение реальности настолько сильно, что герой испытывает почти физические муки от своей «запечатанности» в эпохе, от которой он хочет уйти посредством чужих нарративов. Собирая сны, Локонов создает «онейрическую» картину первой пятилетки со всеми страхами, ужасами, эротическими переживаниями, размышлениями о судьбе и смерти. Собранный персонажем сонник эпохи свидетельствует не столько о многоплановости психологической жизни, сколько о подавленных психологических энергиях. Если сон стал товаром, то в нем могут нуждаться многие из жителей как Ленинграда, так и всей страны, где сны из области приватного переходят в область общественного: их можно купить, продать или украсть. А раз возможны подобного рода операции, то велик шанс присвоения чужой индивидуальности посредством выгодной сделки. Таким образом нивелируется субъективность сновидения, его причудливо гротескная индивидуальная история становится доступной любому читателю. Сон перестает быть тайником души: переходя в публичную сферу посредством купли-продажи он может быть подвергнут интерпретации, не всегда выгодной для советского сновидца 1930-х гг.

Принципиально фрагментированная реальность и невозможность ее постижения чрезвычайно занимала современников Вагинова — ОБЭРИУтов. Для описания феномена «сновидческой реальности» Я. С. Друскиным был в 1933 году придуман термин «некоторое равновесие с небольшой погрешностью», под которым понимается зазор между «отрицательным» и «положительным», «тем» и «этим», благодаря которому и существует мир. Мир — это равновесие, тогда как жизнь — «небольшая погрешность»: «...если жизнь, как мы знаем, представляет собой промежуток между двумя мгновениями (одно «тут» между двумя «там», «сейчас» между «перед» и «после») и этот промежуток сам по себе — эквивалент препятствия, тогда можно утверждать, что она сама есть «небольшая погрешность», то есть нечто, что существует в том великом равновесии без собственной реальности, каким является мир»³⁸⁴. У жизни нет собственной реальности, она все время или «там» или «тут», а коль так, то понять логику смещения ее картин не представляется возможным. Иллюстрацией такого подхода являются «Случаи» Д. Хармса.

В художественном мире Вагинова сновидение не играет роли в раскрытии внутреннего мира персонажа. Реальность вокруг него уже имеет онейрический характер, он вписан в эту картину и мучается от того, что не может из нее выбраться. Его сон — это кошмар бытовой реальности наяву. В этом принципиальное новаторство Вагинова в подходе к раскрытию темы сновидения в период первой пятилетки.

§ 6. Молодящийся

Продолжим рассмотрение типа петербургского мечтателя, но уже через призму актуального для периода первой пятилетки вопроса «второго рождения». Попыткой своеобразного «воскрешения социальности», продиктованной желанием вырваться из преисподни, можно считать меры по «омоложению» сознания уже знакомого нам Локонова.

³⁸⁴ Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. — СПб.: Академический проект, 1995. С.142-143.

М. М. Бахтин, размышляя о романе становления в советской литературе, замечал, что тема «возвращенной молодости» была довольно распространена как в словесности, так и в общественном быту. Писатель, выступая как «инженер душ», помогал выработке нового типа человека³⁸⁵, становление которого происходило на протяжении 1920-х гг. и завершалось вместе с ростом ключевых объектов первой пятилетки³⁸⁶. Это было отражено как в теории труда А. К. Гастева, «Собачьем сердце» Булгакова, опытах, описанных в медицинских журналах. К началу 1930-х гг. литературой был представлен общественности нового канонического героя — обладающего харизмой вождя персонажа-устроителя³⁸⁷.

Смена политического строя, вырастающие на глазах заводы и фабрики, попытки изменить социально-бытовые условия граждан создавали пафос обновления, омоложения. «Посмотрите, товарищи, как много за последнее время, за время революционное, <...> как много открыто нами ископаемых, много месторождений железной руды, различных нефтей, углей, различных полезных минералов! Это свидетельствует о том, что в страну пришел новый, молодой, энергичный хозяин и начинает хозяйствовать», — замечал Максим Горький³⁸⁸.

³⁸⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). — М.: Языки славянских культур, 2012. С. 335.

³⁸⁶ Среди этих объектов можно назвать Магнитогорский, Свердловский, Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский, Челябинский, Харьковский тракторные заводы, Уралмашзавод, ГЭС на реке Дзорагет в Армении, Балахнинский целлюлозный комбинат, Комсомольск-на-Амуре, Днепрогэс, автомобильные заводы ГАЗ, ЗИС и т. д.

³⁸⁷ Обычно он ведет других действующих лиц за собой, решая тем самым две задачи: как перестроить человеческую душу и как перестроить производство. Этот герой бескорыстен, им движет цель, внешне не подкреплённая определенным побудительным мотивом, он идет вслед за трудовым идеалом, суть которого заключается в стремлении привести жизнь в соответствие с последним, поэтому даже малая производственная задача осознается им как часть всемирного исторического преобразования человеческого общества. (Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра. Дисс. канд. филол. наук. Мос. гос. университет. Москва, 2016. С. 50; 66-67). Среди достоинств этого типа персонажа А. Синявский отмечал: «идейность, смелость, ум, сила воли, патриотизм, уважение к женщине, готовность к самопожертвованию... Важнейшие из них, пожалуй, — это ясность и прямота, с какою он видит цель и к ней устремляется» (Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: SYNTAXIS, 1988. С. 25).

³⁸⁸ Горький М. Весь мир смотрит на нас // Горький А.М. Собрание сочинений в 30 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 26. Статьи, речи, приветствия. 1931-1933. С. 12.

В других своих речах писатель подчеркивал созидательную роль молодежи, которая, подобно панацее, действует на стариков («Ударники в литературе»), разумом рабочего класса творит действительность («О литературе и прочем»), изумляет зрелостью, пафосом, любовью к знаниям, обилием своих достижений, дерзновением намерений («О пьесах»), в «железном шуме» героически строит социалистическое будущее («О "праве на погоду"»).

Преображение страны констатировал на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году Ю. К. Олеша: «Мир стал моложе. Появились молодые люди. Я стал зрелым, окрепла мысль, но краски внутри остались те же. Так произошло чудо <...>. Так ко мне вернулась молодость»³⁸⁹. «Возвращенная молодость» не являлась «литературной собственностью лишь одного Олеша»³⁹⁰. «Второе рождение» в это время переживали и другие писатели-попутчики. Зощенко возьмет эту метафору для названия своей знаменитой повести о «старении» и несовпадении с современностью³⁹¹. Перерождение, которое было связано с «особым переживанием открывшейся новизны жизни, и именно с таким обновленным восприятием мира»³⁹², в это же время переживал Борис Пастернак. Опубликованная им в 1932 году шестая книга стихов «Второе рождение» ознаменовала принятие (сложное и небезоговорочное) нового режима. «То, что мучительно не удастся “задышающемуся”, но тем не менее “семящему” “за гремящей бурей века” Олеше в 1928-1930 годах, <...> станет возможным для Пастернака в 1932 году»³⁹³. К этому же ряду можно отнести, видимо, «возрастные» мотивы О. Э. Мандельштама: «...как мальчишка / За взрослыми в морщинистую воду, / Я, кажется, в грядущее вхожу, / И, кажется, его я не

³⁸⁹ Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 236.

³⁹⁰ Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты "Строгого юноши" // НЛО. 2008. № 89. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/bl10.html> (дата обращения: 23.11.2018).

³⁹¹ Зощенко М. Возвращенная молодость // Зощенко М. Сочинения / Составление и примечания И. Н. Сухих. М., 2006. Том 5. С. 5-247.

³⁹² Вигилянская А. Второе рождение. Об одном философском источнике творчества Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 132.

³⁹³ Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты "Строгого юноши" // НЛО. 2008. № 89. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/bl10.html> (дата обращения: 23.11.2018).

увиджу... / Уж я не выйду в ногу с молодежью / На разлинованные стадионы, / Разбуженный повесткой мотоцикла, / Я на рассвете не вскочу с постели, / В стеклянные дворцы на курьих ножках / Я даже тенью легкой не войду»³⁹⁴.

К раскрытию этой темы в начале 1930-х гг. обращается и Вагинов. Однако, его герой, обладая «семантикой вхождения в современность»³⁹⁵, не совпадает с советским настоящим. Попытки Локонова вернуть молодость оканчиваются трагически: он не только не достигает положительного результата, но и погибает от случайного стечения обстоятельств.

Несмотря на обвинений в формализме, уходе от действительности и нарочитом ее искажении, в разрыве с темами современности, во фрагментарности сознания, неприятии мира пролетарской диктатуры, в представлении интересов буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, а также в отсутствии здравого смысла³⁹⁶, Вагинов, подобно Олеше, все равно пытался «протащить» свои подходы к описанию текущего момента истории. Строгий обвинитель писателя, С. Малахов был прав в одном: Вагинов действительно реакционно осмысливал советскую действительность. Его Локонов — это ответ на дискуссию вокруг «возвращенной молодости», «второго рождения» на излете первой пятилетки.

В 1932 году в «Вечерней Красной газете» в преддверии диспута об омоложении в ленинградской Академической капелле, вышла заметка под названием «Не меньше 100 лет», представляющая собой конспект интервью с научным сотрудником института экспериментальной медицины профессором М. П. Тушновым.

Ученый представил собственную теорию, согласно которой повышение жизненных сил организма человека возможно благодаря внедрению т. н. «лизатов» — продуктов распада органов. Для иллюстрации профессор Тушнов обратился к дрожжам, которые перерабатывают сахар в спирт. По

³⁹⁴ *Мандельштам О. Э.* Полное собрание стихотворений. — СПб.: Академический проект, 1997. С. 212.

³⁹⁵ *Блюмбаум А.* Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты "Строгого юноши" // НЛЮ. 2008. №89. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/bl10.html> (дата обращения: 23.11.2018).

³⁹⁶ *Малахов С.* Лирика как орудие классовой борьбы (о крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда) // Звезда. 1931. № 9. С. 161-166, 176.

его мнению, необходимо было постоянно отбирать переработанный спирт, чтобы дрожжи работали без конца. «Однако, выяснено, что активное превращение сахара выступает лишь тогда, когда содержание спирта в среде, питающей дрожжи, не меньше 2 проц. Присутствие «отброса» работы дрожжей, как бы подстегивает, ускоряет их работу»³⁹⁷. Таким образом, полагает ученый, усиливать работу любого человеческого органа можно небольшим количеством продукта его распада. Профессор Тушнов отметил успехи своего метода в лечении половой слабости жеребцов, а вслед за этим и человека. Под его руководством сотрудники института экспериментальной медицины вернули силы и хорошее настроение 71-летнему старику, который «принимая по одному куб. сантиметру соответствующие препараты, три раза в день, через месяц почувствовал значительное улучшение»³⁹⁸.

«Безрассудная смелость» научных и околонучных опытов была отражением экстремизма в социальной и политической среде, что, в свою очередь, являлось показателем психологических установок (сознательных и бессознательных) на массовое преобразование советского гражданина³⁹⁹. Поиски наикратчайшего пути к изменению человеческой природы сообразно с материалистической логикой — это не только тема процитированной нами заметки. В художественной литературе нашли отражение по крайней мере три пути, к которым прибегали герои для изменения (физического и психического) своих подопечных.

Химический путь (сообразный с опытами профессора Тушнова), описан, например, в романе М. Э. Козакова «Время плюс время» (1932), в котором Всеволод Далмат предлагает принимать препарат антигипнотоксин для достижения вечной бодрости. Хирургический путь представлен в знаменитой сцене удаления центра фантазии из человеческого мозга в романе Е. Замятина «Мы» (1921), а также в «Собачьем сердце» (1925) М. А. Булгакова, в рассказах «Амба» (1929), «Хойти-Тойти» (1930), романе «Голова

³⁹⁷ Жить не меньше 100 лет // Вечерняя красная газета. 1932. 11. декабря. № 287 (3262). С. 3.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Куляпин А. И., Скубач О. А. Новое в физиологии мозга // Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография / Отв. ред. И.В. Силантьев. — М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 96.

профессора Доуэля» (1937) А. Беляева, пьесе И. Сельвинского «Пао-Пао» (1932) и др. Третий путь — психологический (в том числе касающийся омоложения) — описали, помимо Олеси («Зависть»), Зощенко и Вагинов. У обоих авторов персонажи пытаются прибегнуть к самолечению, но не буквально (порошками или микстурами, хотя у Зощенко это есть), а посредством анализа своей болезни (вялости, апатии, хандры) и последующего ее преодоления.

В повести «Возвращенная молодость» пятидесятитрехлетний астроном Василий Петрович Волосатов (Василек), поначалу принимающий свою старость как должное, начинает замечать, что кроме нее «он, пожалуй, еще чем-то болен»: сердце работает все хуже (случаются даже припадки), вялость и усталость приковывают к кровати, мучает бессонница⁴⁰⁰. Запуганный «призраками своей болезни», он решает ее изучить самостоятельно, отказывается от препаратов и поездки к невропатологу, садится за книги, словари и медицинские энциклопедии. В ходе исследования недуга, когда «каждую мелочь приходилось изучать и проверять», профессор приходит к единственному выводу: путь к выздоровлению лежит через физическую культуру⁴⁰¹.

Но гимнастика не была тем заветным способом вернуть «промотанную» молодость: взять с наскоку физкультуру у Василька не получилось. Из-за поворотов и приседаний он только и делал, что «охал и кричал диким голосом». Тогда он прибегает к более радикальному способу — изменить свои привычки: «...понимая, что это печальное тело, полное упадка и дряхлости, создано благодаря его жизни, благодаря его поступкам и поведению, он решил по возможности изменить эту жизнь, и поведение, и поступки»⁴⁰². Посредством самовнушения и самоанализа Василек пересмотрел свое отношение к тем или иным вещам и посредством логики попытался выработать правильное поведение, которым надеялся «убрать

⁴⁰⁰ Зощенко М. Возвращенная молодость // Зощенко М. Сочинения. Том 5 / Составление и примечания И. Н. Сухих. — М., 2006. С. 77-79.

⁴⁰¹ Там же. С. 80. Здесь и далее в этом подпараграфе полужирным выделено нами. — Я. Ч.

⁴⁰² Там же. С. 81.

свою болезнь и создать молодость»⁴⁰³. Но это была только преамбула к трансформации Василька, поскольку для достижения результата требовалось не только изменить свою психологию, но и переменить обстановку (в том числе и семейную) вокруг себя. В этом профессору помогает проходимец Кашкин, любовник соседки Василька Каретниковой. Следующей ступенью по направлению к молодости для Волосатова стала жажда «легких и смешных отношений», в результате чего Василек идет на разрыв с супругой и заводит отношения с девятнадцатилетней краснощеккой Тулей Каретниковой, единственной дочерью своих соседей.

Итогом этих отношений для Волосатова становится удар (последствия измены Тули) с последующим кровоизлиянием в мозг, почва для которого «готовилась давно», поскольку «профессор, видимо, не совсем по силам вел жизнь молодого человека»⁴⁰⁴. Далее он возвращается в семью, примиряется с супругой, постепенно восстанавливает силы, какие у него были до удара, и, самое главное, пересматривает свое отношение к политическому режиму страны, в котором поначалу сомневался (напомним, что Василев был против капитализма, против равенства, выступал за социализм, но за социализм с деньгами⁴⁰⁵). После восстановления и оставшегося осадка от отношений с Тулей Волосатов заявляет дочери, что у него теперь «политических расхождений нету» и записывается в бригаду ударников, ибо теперь он стоит за новый мир, в котором все существа будут «подлинными и настоящими, а неподкупными»⁴⁰⁶.

Как видно из приведенных нами этапов «возвращения молодости», все действия по омоложению в конечном итоге работают на притяжение персонажем советской реальности. Рассказчик подчеркивает важность «научного» (вместо морального) подхода к изучению и последующей победе над болезнью, который формулируется вполне в духе марксистско-ленинской –

⁴⁰³ Зоценко М. Возвращенная молодость... С. 81.

⁴⁰⁴ Там же. С. 112.

⁴⁰⁵ Там же. 72-73.

⁴⁰⁶ Там же. 117.

классовой – идеологии⁴⁰⁷. Работа над телом впоследствии преобразуется в «перековку» духа. Итогом этого становится пафос соработничества с «подлинными» людьми. Таким образом, секрет возвращенной молодости Василька заключается в перемене «буржуазного» скепсиса на лояльное отношение к новой действительности. Обновление мысли (психологии), а вовсе не тела (оболочки) и является подлинным омоложением.

Попытку героя пойти в ногу со временем изображает в «Гарпагониане» и Константин Вагинов. Интересна схожесть фамилий его персонажа и героя «Возвращенной молодости»: у Вагинова — Локонов (ср.: «вьется локон золотой...»), у Зощенко — Волосатов (выбор фамилии, как известно, рассказчик всячески оправдывает⁴⁰⁸).

На протяжении сюжета романа Локонов постоянно думает об ушедшей юности. Он сравнивает ее со сном: «Где же мой прекрасный сон, где же сон моей юности!» (Вагинов 1991, с 380). Тема ушедшей молодости, как и тема двойничества, задается с первых страниц «Гарпагонианы». Во второй главе Локонов с ужасом открывает для себя, что его шаг не походит на легкий шаг юноши. В главе четвертой он мысленно корит Юленьку, в которую влюблен, за доверчивость юности.

Переживания и мотивации персонажа строятся вокруг главной его фобии: «он боится дряхлости, бледнеет перед старостью»⁴⁰⁹. Несмотря на то, что персонажу тридцать пять лет, ему кажется, что он лишился «ясного и радостного ощущения мира». В предуведомлениях к приключениям Василька рассказчик «Возвращенной молодости» также делает акцент на этом возрасте: в волнении он ходит по комнате, пытаясь понять, «какую ошибку совершают люди, что уже в тридцать пять лет к ним приходит увядание»⁴¹⁰. Более раннюю дату преждевременной старости (тридцать лет) называет Олеша на «Первом всесоюзном съезде советских писателей» 1934

⁴⁰⁷ Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 70.

⁴⁰⁸ Зощенко М. Возвращенная молодость... С. 42-43.

⁴⁰⁹ Там же. С. 513.

⁴¹⁰ Зощенко М. Возвращенная молодость... С. 39.

года⁴¹¹. Возможно, акцент на старении после тридцати лет связан с переходным периодом как в биографиях самих писателей, связанным с изменением политического курса страны, в том числе в литературной сфере.

В знаменитом постановлении 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» говорилось о необходимости «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской <...> власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» во избежание «кружковой замкнутости» и отрыва «от политических задач современности»⁴¹².

В условиях, когда «успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов» и литература заявила о себе своеобразной «производственной» писательской пятилеткой⁴¹³, «гамлетическим» попутчикам необходимо было определиться и заявить о своей лояльности текущей линии партии. Возможно, повесть Зощенко и публичное выступление Олеси как раз и являлись такого рода выражением своего согласия с установленным курсом. В это же время другой знаменитый попутчик более старшего поколения, Андрей Белый, также вынужден был идти на компромиссы с властью и на подчинение ее идеологическому диктату, дабы избежать прямых репрессий и легально заниматься литературной деятельностью (Белый планировал написать собственный производственный роман)⁴¹⁴.

Что касается Вагинова, то он не предпринимал попыток заявить о своей лояльности публично. В критике начала 1930-х гг. его произведения

⁴¹¹ Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М.: ГИХЛ, 1934. С. 236.

⁴¹² «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925-1938 гг. Документы / Составитель Д.Л. Бабиченко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 130-131.

⁴¹³ В период с 1930 по 1934 гг. вышли такие производственные романы, как: 1930 год: «Соть» Л. Леонова, «Темп» Н. Погодина, «Рассказ о великом плане» М. Ильина, «Самстрой» Г. Медынского; 1931 год: «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Пустыня» П. Павленко, «Ведущая ось» В. Ильенкова; 1932 год: «Энергия» Ф. Гладкова, «Мой друг» Н. Погодина, «Время, вперед!» В. Катаева, «Кара-Бугаз» Г. Паустовского; 1933 год: «Мое поколение» Б. Горбатова, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Большой конвейер» Я. Ильина; 1934 год: «День второй» И. Эренбурга, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Аэроград» А. Довженко и др.

⁴¹⁴ Лавров А. В. «Производственный роман» — последний замысел Андрея Белого // НЛЮ. 2002. № 56. С. 114-115.

стигматизировались (вспомним приведенные нами в начале этого параграфа обвинения С. Малахова), романы крайне тяжело проходили цензуру, по крайней мере один из них («Козлиная песнь») находился под надзором ОГПУ⁴¹⁵, другой («Труды и дни Свистонова») был изъят из массовых библиотек как «малосодержательная» и «никчемная книга»⁴¹⁶. Третий роман («Бамбочада») в 1934 году наряду с повестью А. Платонова «Впрок» назван правоверным В. Я. Кирпотиным ущербным произведением⁴¹⁷.

О таком положении дел вокруг своей персоны Вагинов мог и не знать, но на резкие выпады Малахова он ответил поправкой, что воспевал не старый мир, «а зрелище его гибели, всецело захваченный этим зрелищем»⁴¹⁸. Это утверждение касается и «Гарпагонианы», где тоже «захваченный старым миром» Локонов не может сделать шаг по направлению к преобразенному, омолодившемуся миру. Он чувствует свое превращение в некий музейный экспонат, поскольку проводит время среди «старорежимных» знакомых своей матери, которые только и делают, что говорят о прошлом (одежде, обуви, дивной сервировке обедов и т.п.) и осуждают пролетариев за их манеры. «Как они едят, как они едят, <...> каждую косточку обсасывают, а от компота косточки плюют прямо на стол. А я, знаете, к этому не привыкла» (Вагинов 1991, с. 382), — говорит хозяйка этого «салона», седая, близорукая, «лет пять тому назад омолодившаяся дама».

Обстановка комнаты Локонова также повергает его в уныние, поскольку вещи в ней (стол времен Александра I, шкафчик для книг времен Павла I, диван и два кресла красного дерева и т.п.) тянут за собой разные воспоминания и напоминают о его возрасте. Но не только предметы, но и собственное прошлое раздражает Локонова. Уже после переезда, который он предпринял для того, чтобы как-то развеять гнетущее ощущение старения, Локонов решает перечитать свои юношеские дневники. К ужасу он замечает,

⁴¹⁵ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917-199: Индекс советской цензуры с комментариями / Блюм А. В.; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб., 2003. С. 60.

⁴¹⁶ Красный библиотекарь. 1929. № 5-6. С.158.

⁴¹⁷ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов... С. 61.

⁴¹⁸ Литературная газета. 1931. 5 сентября. № 48 (147).

как прескверно в них отразился его образ. Если Василек из «Возвращенной молодости» пытался скорректировать свое отношение к воспоминаниям отрочества и таким образом научиться жить в настоящем, то Локонов решает от них просто избавиться. Сначала он думает сжечь дневник, но после решает сделать из его листов скатерть и салфетки для попойки с Анфертьевым.

Память является главным мучителем Локонова, она мешает ему всецело обратиться к жизни в действительном мире. Рассказчик «Гарпагонианы» в разных сценах романа делает на этом акценты. Так, например, в сцене с пьяным немцем, который услужливо помогает подсаживать публику в трамвай, Локонов для себя отмечает, что он знает «Германию Гете и Шиллера, Гофмана и Гельдерлина», но совершенно не знает, «что представляет Германия сейчас, чем она дышит» (Вагинов 1991, с. 451). В другом месте Анфертьев замечает, что Локонов не может предложить Юленьке ничего, кроме душевного богатства тысяча девятьсот двенадцатого года (Вагинов 1991, с. 441). Память не помогает Локонову справиться с «гнетущей пустотой жизни» (дважды в романе на этом делается акцент (Вагинов 1991, с. 450, 464)), которую он понимает как отсутствие ясного и радостного ощущения мира (Вагинов 1991, с. 443).

Похожие мысли развивает рассказчик «Возвращенной молодости» в предварительных комментариях к приключениям Василька. Описывая покорность, безропотность, отчаянность, потухший взор стареющего профессора, он говорит о том, что этот человек видит во всем надоевшие, скучные и досадные картинки, тогда как на свете все прекрасно «и даже величественно»⁴¹⁹.

Необходимо отметить, что Локонову все же удастся вернуть молодость, правда, всего на один день. Происходит это после подготовки к самоубийству, которое не совершается по причине затянувшихся приготовлений: «Жизнь не удалась, — подумал он (Локонов. — Я. Ч.) и стал мылить полотенце. Наступал рассвет. Птички закричали. Внезапное

⁴¹⁹ Зоценко М. Возвращенная молодость... С. 40.

успокоение сошло на работающего человека. — Рано еще, — подумал Локонов. Он отложил мыло и хорошо намыленное полотенце и решил пройтись по городу» (Вагинов 1991, с. 443). Во время прогулки Локонова захлестнуло «чувство жизни»: ему захотелось побежать, его одолевал восторг, ум все вокруг воспринимал с одобрением, мысленно персонаж причислял себя молодому поколению.

В пояснительной записке М. Э. Козакову Вагинов разъяснял, что его герой предпринимал несколько безуспешных способов вернуть молодость (Вагинов 1991, с. 513). Перемена места жительства (Локонов из центра Ленинграда переезжает на окраину) не способствует его духовному возрождению, вместо этого он думает о самоубийстве. Попытка ходить вокруг техникума (которая Вагиновым не описана, но упоминается как один из узлов романа в пояснительной записке), так же, по-видимому, не приносит существенных результатов. Сама, наверно, последовательная попытка вернуть молодость посредством любви тоже проваливается. Причина этого кроется в том факте, что к своим тридцати пяти годам Локонов еще не испытывал этого чувства (следовательно — ему не с чем сравнивать). Все его представления о любви зиждутся на книжных штампах. В одной из сцен ему хочется просить у Юленьки «локон на память, глядеть в ее глаза, взять ее руки и целовать ладони, хотелось, чтобы она гладила его по голове» (Вагинов 1991, с. 401). Подобно восемнадцатилетнему, он преследует свою возлюбленную, караулит ее у дома, в котором она проводит много времени, ревнует к «молодому» специалисту, которому на самом деле оказалось около шестидесяти лет.

Помимо неопытности в амурных делах, Локонов и выглядит не особенно презентабельно. Он «был одет более чем бедно. С самой нежной заботливостью он охранял свой, пришедший в явную негодность, костюм. Как с драгоценным, хрупким предметом обращался он со своими заплатанными и сильно поредевшими брюками» (Вагинов 1991, с. 400). Плюс ко всему Локонов был почти лысым.

Предельная униженность персонажа, мучительное ощущение своей вписанности в определенный социальный контекст определенной исторической эпохи, психологические барьеры (история с Юленькой) и расстройства (утрата способности видеть сны) и следующая за этим сексуальная фригидность (Локонов не может ни обнять героиню, ни поцеловать ее) — характеристики еще одного нового типа городского жителя, который из юноши угодил в старики. Для него молодость является недостижимой, поскольку разлад с самим собой и с эпохой, вызван, по гипотезе Анфертьева, внутренней пустотой Локонова, который хотел, но не смог «прикрепиться к реальной жизни», так как его не интересуют ни деньги, ни служебное положение, ни удобства, ни слава, ни прошлое, ни настоящее («старый мир вы презираете, новый мир вы ненавидите» (Вагинов 1991, с. 441)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в настоящей работе анализ урбанистической образности в романе Константина Вагинова «Гарпагониана» позволил установить связь между сюжетом, персонажами романов Вагинова с изменениями исторического облика и социально-политической миссии Петербурга-Петрограда-Ленинграда после пролетарской революции.

Истоки урбанизма «Гарпагонианы» лежат в поэзии и прозе Вагинова. Введенный писателем в повествование природно-архитектурный ландшафт изображаемой местности является сюжетно- и стилеобразующим началом его лирики и прозы. Образ города, зарожденный и сформировавшийся в поэзии, претерпевает от романа к роману трансформацию. От художественных типажей, наделенных аурой надежды на сохранение и возрождение дореволюционной культуры, писатель переходит к обрисовке изуродованного внешнего и внутреннего облика обитателей Ленинграда. Вагинов — наследник характерно петербургской историософии, через монументальный облик классического Петербурга, через декоративно-мифологический и просветительский классицизм Ломоносова, Державина, Пушкина устанавливающий концептуальное содержание феномена петербургской культуры как полноправной наследницы синтетического «эллинизма» — наследования художественной культуры и знания античности. Эллинистами, т. е. просветителями, хранителями и охранителями культуры, Вагинов называет петербуржцев, на долю которых выпала ответственная миссия — через период бедствий донести подлинное просвещение до нового «возрождения». Эллинисты сохраняют представления о городе определенной эпохи. Они, по мысли Вагинова, создают «культурный слой», почву, подобно тем неизвестным труженикам, на костях которых был простроен физический Петербург. Однако, в новой исторической ситуации эллинисты будут всячески очерняться (превращаться «в чертей») новыми властителями города, которых писатель сравнивает с азиатскими ордами, а после, в «Козлиной песни», с провозвестниками новой

религии, похожими на ранних христиан. Долг эллинистов, по Вагинову, принять любую личину, чтобы донести подлинную культуру до нового возрождения, что, по их мнению, поспособствует возрождению Петербурга. Поэтому некоторые из героев, вроде Тептёлкина, идут на сотрудничество с новой властью. В период НЭПа петербуржцы, ставшие ленинградцами, предпринимают попытки бунтовать против властелинов города, стараются уничтожить все советское через его перевод в художественный нарратив, как это делает писатель Свистонов. Несмотря на попытки противиться новым условиям существования, накануне первой пятилетки к эллинистам приходит осознание того, что Ленинград победить невозможно, этот город становится местом смерти не только петербургской культуры, но и личного угасания героев.

Роман «Гарпагониана» подводит итог художественному исследованию судьбы Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Революция исчерпала утопическую идею города, состоявшую в мечте о победе над темным наследием азиатчины, о свободном творчестве, способном преодолеть косность природы и укротить дикость нравов, о рукотворном городе-парадизе, явление которого на русской земле обогатит мировую культуру своей уникальной творческой индивидуальностью, представит ее полноправной наследницей эллинизма. К тому моменту, когда Вагинов приступил к написанию «Гарпагонианы», общим местом в литературе и периодике первой пятилетки была трактовка Ленинграда как молодого города, стоящего в авангарде индустриализации, как гигантского города-завода, который, помимо производственных товаров занимается выковкой и перековкой большевистских кадров. К началу первой пятилетки достигла апофеоза борьба за новый языковой стандарт. Этот процесс показал, что в языке: здесь происходила «переоценка всех ценностей», что было замечено и художественно воспроизведено Вагиновым. В начале 1930-х гг. стало очевидно окончательно, что дореволюционная парадигма канула в Лету, распад мировоззрений, жизненных укладов совершился окончательно, а с ним ушло в небытие и писательское очарование зрелищем гибели прежней

культуры, о которой он упоминал в ответе на критику С. Малахова, переросшее в тревожное наблюдение за ходом «болезни» культуры нового города — Ленинграда.

В «Гарпагониане» Вагинов избегает зарисовок общих планов Ленинграда, рассказчик, а также некоторые персонажи, бегло дают обзор панорамы города. Увиденный их глазами Ленинград разделен на две части: старую, представленную в своей статике, и новую, динамично развивающуюся. В городе из-за наличия в нем дореволюционного центра возникало противоречие между его идеологическим и пространственным образами. Историческая часть города оказалась в окружении индустриальных сооружений: в сердцевине города-завода находилось красноречивое в своем монументальном облики «буржуазное» семя. Несмотря на все усилия большевиков дискредитировать царскую власть, грандиозный памятник этого периода российской истории по-прежнему находился в «колыбели Октября». Даже структурно две части Ленинграда противоречили одна другой: центр представлялся стройным, строгим, регулярным, выверенным, тогда как периферия представляла собой беспорядочное сочетание новых зерен города — производственных предприятий и наспех возведенных домов. Четко и со вкусом оформленные архитектурные ансамбли бывшего Петербурга оказались в окружении куцых строений. Некрасовская метафорическая картина окруженного белого города «зловещим для него черным городом» в «Гарпагониане» получила конкретное оформление, когда фабрично-заводское пространство опоясало бывший город Петра и приступило к экспансии, то тут, то там расставляя в центральной части памятники Ленину, конструктивистские фабрики-кухни и дворцы культуры, один из которых (Дворец культуры им. Первой пятилетки) вырос в 1929-1930 гг. рядом с домом Вагинова на месте разобранного Литовского рынка рядом с Мариинским театром.

Процесс срастания двух противоположных начал, двух частей города, сказывался на целостном его ощущении Вагиновым. Ленинград в «Гарпагонине» состоит не из устойчивых топосов, а из обломков разных

хронотопов: это и романы XIX века, которые слышит Локонов, это и фабрика-кухня вкупе с необарочными и неоримскими зданиями, это лозунги, пропаганда, «История фабрик и заводов», воры, бандиты, одного из которых Анфертьев называет новым Вийоном, это и Пушкин, который в пространстве города присутствует и как фольклорный персонаж в анекдотах пьяниц, и как материальное воплощение (памятник Пушкину стоит в сквере рядом с Лиговкой около дома, где во время Гражданской войны торговал наркотиками Мировой), это и дореволюционные визитные карточки, кнопки, пуговицы, перья, обрезанные ногти, окурки, спичечные коробки, мебель, одежда и т. п. предметы, собранные в комнате Жулонбина.

Для Вагинова 1930-х гг. характерен интерес к отдельным уголкам по преимуществу центральной части Ленинграда. В уличном ландшафте Ленинграда особое внимание Вагинова привлекают дома, взятые сами по себе, в отдельности. Это дома-монады, образующие город, приобретают особое значение. Дом обрисовывается как особенный мирок, живущий своей таинственной жизнью. Дом для Вагинова не художественное произведение, а сгусток социальной жизни, материальная ее форма. Архитектурные особенности дома интересуют писателя не как элементы искусства, а как части некоего организма. Едва очерчивая урбанистический фон Ленинграда, Вагинов резко выделяет на нем два объекта — «Зеленый дом» и новую «Вяземскую лавру», чем показывает их наибольшую смысловую ценность в художественном пространстве романа.

«Зеленый дом» — это реально существующий в Петербурге-Ленинграде и по сей день бывший доходный дом в стиле эклектики, построенный в 1882 г. по проекту М. И. фон Вилькена доктором В. Ф. Краевским на месте другого дома, принадлежавшего Л. А. Шландеру по Эртелеву переулку (современный адрес — улица Чехова, дом 3). Витиеватая архитектура дома со статуями, балкончиками, пышной парадной на фоне окружающих его безликих домов соответствует характеру персонажей, посещавших квартиру Торопуло, таких же неординарных, странных, эксцентричных чудаков, фантазеров и мечтателей, которые неизвестно по какой причине не

пролетаризировались и продолжали демонстративно не идти в ногу со временем, игнорировали кипящую жизнь бывших окраин Ленинграда, занимались своими «узкоцеховыми» делами. Вместе с тем архитектура «Зеленого дома» противопоставлена и новым строениям периферии города. Вместо простых коробок из стекла и бетона в переулке Чехова красуется сложно устроенный объект, сочетающий в себе различные формы и стили, что характерно для эклектики, противостоящий упрощению и функционализму. «Зеленый дом» предстает в «Гарпагониане» как концентрат эпох, пронесшихся над Петербургом и освоенных этим городом после возвращения России в семью европейских народов. В себе одном дом Краевского сочетает все «витиеватости» и все «дикие фантазии», которые когда-либо связывались с бывшей северной столицей. «Зеленый дом» — это символ души города, петербургского урбанистического хронотопа, нанизывающего на себя культурные слои сменяющихся эпох. И в этом доме Вагинов селит своего героя — Торопуло, того эллиниста, который, несмотря на произошедшую с городом трагедию, продолжает собирать у себя таких же чудаков «петербургского племени».

Положение «Зеленого дома» на Литейной стороне Ленинграда не случайно. Эта часть города неотделима от трехвековой истории Петербурга, главная ее улица — Литейный проспект, старейшая улица. Литейная сторона — малая родина Вагинова (дом, принадлежавший до революции его матери, находился на Литейном 25, а в гимназию Гуревича юный писатель ходил на Лиговский 1), возвращение к которой на излете жизни означает, что потеря с этим местом личной связи очень многое значила для Вагинова. Проживая в противоположном конце Ленинграда, на набережной канала Грибоедова, 104-105, недалеко от Сенной площади, писатель возвращает на Литейную сторону своих героев, чтобы подчеркнуть их связь с двухсотлетней историей Петербурга, а не только с определенным временным промежутком — социалистической перестройкой Ленинграда.

Эклектика выбранного для персонажей «Гарпагонианы» дома свидетельствует еще об одной особенности города и его жителей —

мимикрии, особом умении приспособливаться к историческим обстоятельствам, чтобы сохранить подлинную культуру.

В художественном мире «Гарпагонианы» «Зеленый дом» противостоит безликой архитектуре, которая в художественной системе «Гарпагонианы» соотносима с неукорененностью, варварством, пришедшим в бывшую столицу вместе с большевиками. «Дома без архитектуры», как известно, занимали внимание Достоевского, соотносились им с бесстильностью, возможностью всего, а вместе с этим и со вседозволенностью. В таком доме герои Достоевского решаются на самые рискованные и безнравственные поступки: Раскольников убивает старуху-процентщицу, Рогожин — Настасью Филипповну. Подобные особые места Петербурга Вагинов находит и в Ленинграде. В них души героев подвержены крайнему напряжению, их разъедает тлетворная атмосфера предельной «униженности и оскорбленности». В «Гарпагониане» — это традиционный для Петербурга трущобный дом, похожий на Вяземскую лавру, где обитает с сонмом других «темных душ» пьяница Анфертьев. Вяземская лавра — это и знаковый для традиции петербургской образности и сюжетики литературный топос. Его появление подобно нарыву на урбанистическом теле, что свидетельствует о глубинном неблагополучии, чреватом, как и у Достоевского, будущей болезнью и гибелью города. Вяземская лавра аккумулирует в себе темные силы социалистического Ленинграда, которые, персонифицируясь то в Анфертьева, то в Мирowego, рыщут по городу, отравляя своими миазмами другие слои общества.

Для советского строя Ленинград был городом воплощенной утопии, который стал проводником новых социалистических идей не только в России, но и в мире. Но в этом месте за ширмой внешних производственных достижений Вагинову открылась горькая правда о том, что в «граде обретенном» не удалось избавиться от страшного социального и душевного одиночества всех без исключения участников строительства социалистического будущего. Связанные с городом места рабоче-крестьянской утопии обрести новый дом и новую будущность разбились о

новое социальное неравенство, которое увидел Вагинов в физическом пространстве города. «Петербургский период» русской истории еще не был пройден Ленинградом, поскольку то тут, то там на его теле встречались осколки топики, характерной для города «трагического империализма».

Ипостасями духовной сущности Ленинграда выступают выведенные Вагинов образы пьяницы, бандита, молодящегося сновидца, безликой толпы (морда, рожа), механических граждан, ведущих полупризрачное существование, которые, с одной стороны, связаны с традицией, с другой — являются ее продолжением на новом историческом витке. Писатель творчески переосмысляет характерную для петербургской топики тему взаимодействия власти и отдельной личности. В традиции «физиологий», типичных для натуральной школы, Вагинов обрисовывает «половинчатое» положение «бывших» людей и вновь, как это было в лирике, указывает на социально-политические причины бедственного положения своих героев. Всею виной созданная большевиками государственность, обратную сторону которой Вагинов рисует в «Гарпагониане», создавая фреску мытарств и страдания прежних жителей Петербурга. Герои романа тягостятся своим местом в большевистском строю. Подобно персонажам русской классики, выведенные Вагиновым типажи проходят испытание городом. Ленинград Вагинова, как и Петербург Гоголя — город необычайных метаморфоз, которые совершаются на фоне реально очерченного быта. Оживший мертвец Акакий Акакиевич вынужден искать свою отнятую шинель, о которой всю жизнь мечтал, у Калинкина моста, «живы покойнички» Ленинграда ищут спасения и забвения в прошлом, любовно оберегая дорогие им вещи и вещицы из «прежней жизни», не имея надежды на будущее. Однако, стены их квартир не выдерживают натиска со стороны наступающей безликости окраин Ленинграда. Но «живые мертвецы» всячески сопротивляются этой всеобщей нивелировке под знаменем коллективизма. Они не могут быть упокоены, поскольку проблемы Петербурга преследуют на новом историческом витке Ленинград. Сюжет преступления, характерный для петербургской топики, становится актуальным и для «ленинградского

хронотопа». Вагинов развенчивает идею о Ленинграде как воплощенной рабоче-крестьянской утопии, поскольку за благообразным фасадом победившего большевизма он усматривает нерешенные новой властью проблемы, поднятые еще в петербургский период русской истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Произведения К.К. Вагинова

1. Вагинов, К. К. Гарпагониада / Константин Вагинов. – Ann Arbor : Ardis, 1983. – 128 с. – ISBN 0-88233-668-1.
2. Вагинов, К. К. Козлиная песнь : роман / Константин Вагинов ; [подготовка текста, комментарии Д. М. Бреслера [и др.] ; статьи Н. И. Николаева [и др.] ; иллюстрации Е. Г. Посецельской. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2019. – 418, [3] с. : ил. – ISBN 978-5-93898-699-2.
3. Вагинов, К. К. Козлиная песнь : романы / Конст. Вагинов ; [вступительная статья Т. Л. Никольской ; примечания Т. Л. Никольской, В. И. Эрля]. – Москва : Современник, 1991. – 591, [1] с., [1] л. портр. – (Из наследия). – ISBN 5-270-01015-1.
4. Вагинов, К. К. Козлиная песнь ; Труды и дни Свистонова ; Бамбочада / Конст. Вагинов; [подготовка текста, вступительная статья Т. Л. Никольской]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 473, [4] с. – (Забытая книга). – ISBN 5-280-01810-4.
5. Вагинов, К. К. Козлиная песнь ; Труды и дни Свистонова ; Бамбочада ; Гарпагониана / Конст. Вагинов; [вступительная статья Т. Л. Никольской]. – Москва : Художественная литература, 1991. – 473, [2] с. – ISBN 5-280-01810-4.
6. Вагинов, К. К. Песня слов / Конст. Вагинов ; [составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания А. Герасимовой]. – Москва : ОГИ, 2012. – 367 с., [8] портр., факс. – ISBN 978-5-94282-612-3.
7. Вагинов, К. К. Песня слов / Конст. Вагинов ; [составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания А. Герасимовой]. – Москва : ОГИ, 2016. – 367 с., [8] л. ил. – ISBN 978-5-94282-612-3.
8. Вагинов, К. К. Петербургские ночи / Константин Вагинов ; послесловие и комментарии Алексея Дмитренко ; Благотворительный

- фонд «Русская история и словесность». – Санкт-Петербург : Гиперион, 2002. – 190, [1] с. – (Петербургская поэтическая культура ; № 1).
9. Вагинов, К. К. Полное собрание сочинений в прозе / Конст. Вагинов ; [составление А. И. Вагиновой [и др.] ; вступительная статья Т. Л. Никольской ; примечание Т. Л. Никольской и В. И. Эрля]. – Санкт-Петербург : Гуманитар. агентство «Академ. проект», 1999. – 589, [1] с., [4] л. ил., портр. – ISBN 5-7331-0163-6.
10. Вагинов, К. К. Собрание стихотворений / Константин Вагинов ; [составление, послесловие и примечания Л. Н. Черткова ; предисловие В. Казака]. – München : Sagner, 1982. – 236 с., портр. – (Arbeiten und Texte zur Slavistik ; № 26).
11. Вагинов, К. К. Стихотворения и поэмы / Константин Вагинов ; подготовка текстов, составление, вступительная статья, примечания А. Герасимовой. – Томск : Водолей, 1998. – 192 с. – ISBN 5-7137-0104-2.
12. Vaginov, K. K. *Arpagoniana* / Konstantin Vaginov. – Volland, 2006.
13. Vaginov, K. K. *Bocksgesang* / Konstantin Vaginov. – Munster : J. Lang [Johannes Lang], 1999. – 301 p.
14. Vaginov, K. K. *Der Stern von Bethlehem. Zwei Erzählungen* / Konstantin Vaginov. – Berlin, 1992.
15. Vaginov, K. K. *Il canto del capro* / Konstantin Vaginov. – Kami, 2006. – 175 p.
16. Vaginov, K. K. *Keçinin Sarkisi* / Konstantin Vaginov. – Istanbul : Everest Yayinlari, 2011. – 272 p.
17. Vaginov, K. K. *Svistonov'un Eserleri ve Günleri* / Konstantin Vaginov. – Istanbul : Everest Yayinlari, 2012. – 144 p.
18. Vaginov, K. K. *The Works and Days of Svistonov* / Konstantin Vaginov. – Berkeley, Calif : Creative Arts Book Co, 2000. – 182 p.
19. Vaginov, K. K. *Werke und Tage des Svistonov* / Konstantin Vaginov. – Münster Lang, 1992. – 188 p.

II. Источники и литература

- 20.27 июля 1933 г. // Литературный Ленинград. – 1933. – 27 июля. – № 3. – С. 1.
21. А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов : сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР / составители: кандидат исторических наук Зак Л. М., кандидат филологических наук Зимина С. С. – Москва : Соцэкгиз, 1959. – 363 с., 1 л. портр.
22. Абашев, В. В. Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века / Владимир Абашев ; идея проекта Алексея Иванова. – Пермь : [б. и.], 2008. – 492, [3] с. – ISBN 978-5-902616-08-5.
23. Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Библиотека Российской Академии наук ; [редколлегия : В. П. Леонов (ответственный редактор) и др.]. Вып. 1 : Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Изд. подготовили М. П. Лепехин, В. П. Захаров, Э. А. Фомина. – Санкт-Петербург : БАН, 1993. – LXXIV, 296 с., 1 л. фронт., 2 л. ил. – ISBN 5-201-00216-1.
24. Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Библиотека Российской Академии наук ; [редколлегия : В. П. Леонов (ответственный редактор) и др.]. Вып. 2 : Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Часть первая. – Санкт-Петербург : Издательский отдел Библиотеки РАН, 1998. – СXXXI, 306 с., [5] л. ил., портр. – ISBN 5-201-00216-1.
25. Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Библиотека Российской Академии наук ; [редколлегия : В. П. Леонов (ответственный редактор) и др.]. Вып. 9 : Ч. 1–3 : Обвинение. Приговор. Реабилитация / [составитель М. П. Лепехин ; авторы предисловия А. Н. Цамутали, М.

- П. Лепехин]. – Санкт-Петербург, 2015. – XXXV, 451, [1] с. – ISBN 978-5-336-00177-8.
26. Аксельрод, В. И. Улица Чехова / Владимир Аксельрод, Валерий Исаченко. – Москва : Центрполиграф ; Санкт-Петербург : МиМ-Дельта, 2010. – 266, [1] с. : ил., портр. – ISBN 978-5-227-02101-4.
27. Ананьев, В. Г. Проект «социального музея» Ф. И. Шмита : к дискуссиям середины 1920-х гг. о форме и задачах музеев // Вестник архивиста. – 2012. – № 2. – С. 246–252.
28. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...» : Душа Петербурга ; Петербург Достоевского ; Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов ; составитель М. Б. Вербловская ; вступительная статья и примечания А. М. Конечного, К. А. Кумпан. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1991. – 333, [2] с. : ил..
29. Анциферов, Н. П. «Такова наша жизнь в письмах» : письма родным и друзьям, 1910–1950-е гг. / Николай Анциферов ; ответственный редактор-составитель, предисловие Д. С. Московская ; подготовка текстов В. Н. Гусейнов [и др.] ; комментарии Д. С. Московская [и др.]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 635, [3] с., [8] л. ил., портр., факс. – ISBN 978-5-4448-1267-9.
30. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга ; Петербург Достоевского ; Быль и миф Петербурга. – [Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг.]. – Москва : Книга : Ред.-изд. центр № 2 «Канон», [1991]. – 227, 105, 88 с. : ил. – ISBN 5-289-00900-0.
31. Анциферов, Н. П. Из дум о былом : воспоминания / Н. П. Анциферов ; [вступительная статья, составление, примечания и аннотированный
32. Анциферов, Н. П. Отчизна моей души = *La patria della mia aniva* : воспоминания о путешествиях в Италию / Н. П. Анциферов ; научная редакция : М. Г. Талалай ; публикация : М. С. Анциферов ; составление и подготовка текста : Д. С. Московская ; комментарии: Д. С. Московская [и др.]. – Москва : Старая Басманная, 2016. – 200 с. : ил. –

- (Серия «Русская Италия» = Italia dei Russi / куратор М. Г. Талалай). – ISBN 978-5-906470-67-6.
33. Анциферов, Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе : опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. П. Анциферов ; [составление, послесловие Д. С. Московской] ; Учреждение Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – 581, [2] с. – ISBN 978-5-9208-0325-2.
34. Анциферов, Н. П. Пути изучения города, как социального организма : опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. – Ленинград : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. –148 с. : ил.
35. Анциферов, Н. П. Радость жизни былой... : проблемы урбанизма в русской художественной литературе : опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. П. Анциферов; составитель Д. С. Московская. – Новосибирск : Свинын и сыновья, 2014. – 652 с., портр. – ISBN 978-5-98502-147-9.
36. Анциферов, Н. П. Теория и практика литературных экскурсий / Н. П. Анциферов. – Ленинград : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, [1926]. – 109 с. – (Общедоступная библиотека «Сеятель». Педагогический отдел ; № 515–517).
37. Анциферов, Н. П. Ярославль : история, культура, быт / Н. П. Анциферов, А. А. Золотарев ; [послесловие: Д.С. Московская ; комментарии: Я. Е.Смирнов]. – Ярославль : Академия 76, 2019. – 321, [2] с. : ил.
38. Архангельский, Н. А. Г. Самара : исторический очерк / Н. А. Архангельский. – Самара : Тип. Губкооперативсоюза, 1923. – 40 с.
39. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 3. Теория романа (1930–1961 гг.) / [редакторы С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов]. – Москва : Языки славянских культур : А. Кошелев, 2012. – 877, [2] с. – ISBN 5-89216-010-6.

40. Безсонов, Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков / Безсонов. – Paris : Imprimerie de Navarre, 1928. – 228 с., [1] л. портр.
41. Белиловская М. Е. Институт живого слова, 1918–1924 гг. : опыт реконструкции фонда. – Москва, 1997. – URL: https://www.academia.edu/29607083/Институт_Живого_Слова_1918-1924_гг._Опыт_реконструкции_фонда (дата обращения: 13.01.2022).
42. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина : история строительства / под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. – [Москва] : История фабрик и заводов, 1934. – 410 с., 17 л. ил.
43. Белый, А. Петербург : роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Андрей Белый ; издание подготовил Л. К. Долгополов [Рос. акад. наук]. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, С.-Петерб. изд. фирма, 2004. – 699 с., [1] л. портр. – (Литературные памятники / Российская акад. наук). – ISBN 5-02-026981-6.
44. Берлянд, А. С. Алкоголизм в художественной литературе : хрестоматия / составил А. С. Берлянд. – Москва ; Ленинград : Гос. мед. изд-во, 1930. – 197, [3] с., [8] вкл. л. ил.
45. Биbihин, В. В. Слово и событие / В. В. Биbihин. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 277 с. – ISBN 5-8360-0215-0.
46. Блюм, А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991 : индекс сов. цензуры с комментариями / Арлен Блюм ; Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2003. – 403 с. – ISBN 5-94708-023-0.
47. Блюм, А. В. Петроградские библиофилы : по страницам сатирических романов К. Вагинова / А. Блюм, И. Мартынов // Альманах библиофила. – Москва : Книга, 1977. – Вып. 4. – С. 217–235.
48. Блюмбаум, А. Б. Оживающая статуя и воплощенная музыка : контексты «Строгого юноши» // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 89. – С. 138–190.

49. Бобрышев, И. Т. Переулки и тупики. О чубаровщине, упадочничестве, оценке наших болезней и о литературе / И. Бобрышев // Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. – Москва ; Ленинград: Молодая гвардия, 1928. – С. 106–130.
50. Богданова, О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. : топика, динамика, мифология : монография / О. А. Богданова ; ответственный редактор Е. Е. Дмитриева ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. – Москва : ИМЛИ РАН, 2019. – 286, [1] с. – (Серия «Русская усадьба в мировом контексте» / редкол. : О. А. Богданова (пред.) [и др.] ; вып. 1).
51. Бочаров, С. Г. Петербургское безумие // Пушкинский сборник : исследования ученых различных традиций и школ / составители кандидат филологических наук, доцент И. Е. Лоцилов, доктор филологических наук И. З. Сурат ; ответственный редактор И. З. Сурат. – Москва : Три квадрата, 2005. – С. 305–317.
52. Бреслер, Д. М. «Вот и палец можно истолковать по Фрейду» : прагматика интертекста в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Филология». – 2014. – Т. 1. – № 3. – С. 46–55.
53. Бреслер, Д. М. «Козлиная песнь» К. К. Вагинова : поэтика дефинитивного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – Ч. I. – № 11 (41) – С. 37–40.
54. Бреслер, Д. М. «Семечки» К. К. Вагинова : творческая лаборатория писателя начала 1930-х годов // Русская филология : сборник научных трудов молодых филологов / Тартуский университет. – Тарту, 2014. – № 25. – С. 224–234.
55. Бреслер, Д. М. «Фьютс культура» : к проблеме интертекста «Заката Европы» в романах К. Вагинова // Статьи и материалы IX международной летней школы по русской литературе / под ред. А. Кобринского. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2013. – С. 115–127.

- 56.Бреслер, Д. М. Бросать живительные «семечки» : прагматика вторичного использования словесного сырья в записной книжке Вагинова / Д. М. Бреслер, А. Л. Дмитренко // Транслит. – 2014. – № 14. – С. 29–38.
- 57.Бреслер, Д. М. Когда на Светлану пришли писатели / Д. М. Бреслер, А. Л. Дмитренко // Светлана : газета акционерного общества «Светлана». – 2013. – № 5–6 (5210–5211). – 20 июня. – С. 10–11.
- 58.Бреслер, Д. М. Констант. Вагинов vs. «распадающийся ежеминутно мир» : бороться с клише его же средствами // Транслит. – 2012. – № 12. – С. 35–41.
- 59.Бреслер, Д. М. Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом : (литкружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) / Д. М. Бреслер, А. Л. Дмитренко// Русская литература. – 2013. – № 4. – С. 212–234.
- 60.Бреслер, Д. М. Проза К. К. Вагинова. Прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бреслер Дмитрий Михайлович ; Санкт-Петербургский государственный университет]. – Санкт-Петербург, 2015. – 251 с.
- 61.Бреслер, Д. М. Роман К. К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» : поэтика заглавия // Восьмая международная летняя школа по русской литературе : статьи и материалы. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2012. – С. 146–157.
- 62.Бреслер, Д. М. Советские «эмоционалисты» : чтение Вагинова в 1960–1980-е // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 4 (164). – С. 233–260.
- 63.Вагинова, А. И. Ненаписанные воспоминания // Волга. – 1992. – № 7–8. – С. 146–155.
- 64.Ван Баак, Й. Заметки об образе мира у Вагинова // «Вторая проза» = La «seconda prosa» : русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : [труды

- международной конференции «Вторая проза». Русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : (к столетию со дня рождения Л. И. Добычина). Москва, 19–22 дек. 1994 г.] / сост. В. Вестстейн [и др]. – Trento : Dip. di scienze filol. e stor., 1995. – С. 145–152.
65. Васильева, Е. И. Исповедь / Черубина де Габриак. – Москва : Аграф, 2001. – 383 с. : ил. – ISBN 5-7784-0040-3.
66. Вельмезова, Е. В. Романы «с ключом» К. Вагинова: от поиска прототипов к поиску идей // Ключи нарратива / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; [ответственный редактор Т. М. Николаева]. – Москва : Индрик, 2012. – С. 112–137.
67. Вергилий Марон, П. Буколики ; Георгики ; Энеида / Вергилий ; перевод с латинского ; [вступительная статья М. Гаспарова ; комментарии Н. Старостиной и Е. Рабинович]. – Москва : Худож. лит., 1979. – 550 с. : ил. – (Библиотека античной литературы. Рим / под общей редакцией С. Апта [и др.]).
68. Весь Петербург : адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1901 год / редактор Н. И. Игнатов. – [Санкт-Петербург, 1901]. – 913 с., 1902 стб. разд. паг., 2 л. план., 1 отд. л. план.
69. Вигилянская, А. В. Второе рождение : об одном философском источнике творчества Бориса Пастернака // Вопросы литературы. – 2007. – № 6. – С. 131–146.
70. Винников, Б. М. За городом // Ленинград: ежемесячный литературно-художественный журнал. – 1930. – № 4. – С. 36–58.
71. Власова, Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Власова, Елена Георгиевна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2001. – 220 с.
72. Воспоминания Николая и Марины Чуковских : сборник / составление и вступительная статья Е. В. Ивановой ; комментарии Е. В. Ивановой. –

- Москва : Книжный клуб 36.6, 2015. – 685, [2] с., [12] л. ил., портр., факс. – ISBN 978-5-98697-346-3.
73. Геопанорама русской культуры : провинция и ее локальные тексты / Московский государственный университет [и др.] ; составители В. В. Абашев, А. Ф. Булоусов, Т. В. Цивьян ; ответственный редактор Л. О. Зайонц. – Москва : Яз. славян. культуры : А. Кошелев, 2004. – 669, [3] с. : ил. – (Язык. Семиотика. Культура).
74. Герасимова, А. Г. О собирателе снов // Вагинов, К. К. Песня слов / Конст. Вагинов. – Москва : ОГИ, 2012. – С. 15–29.
75. Герасимова, А. Г. Примечания // Вагинов, К. К. Песня слов / Конст. Вагинов. – Москва : ОГИ, 2012. – С. 153–200.
76. Герасимова, А. Г. Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. – 1989. – № 12. – С. 131–166.
77. Героическому пролетариату Ленинграда // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 259 (3234). – С. 1.
78. Гитович, А. И. Молодежь // Ленинград : ежемесячный литературно-художественный журнал. – 1930. – № 5/6. – С. 3.
79. Глазычев, В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. – Москва : Территория будущего, 2011. – 397, [1] с. : ил., карт. – (Университетская библиотека Александра Погорельского. История, культурология / составители В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский). – ISBN 978-5-91129-072-6.
80. Город в зеркале генплана : панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства, Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный педагогический университет» ; [научная редакция И. А. Бондаренко]. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2008. – 374 с., [16] л. ил. – (Urban studies). – ISBN 978-5-85716-743-4.

81. Город как культурное пространство : материалы региональной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения М. М. Пришвина, Тюмень, 20–21 февраля 2003 г. / редколлегия : А. А. Медведев [и др.]. – Тюмень : Экспресс, 2003. – 299 с. – ISBN 5-98100-008-2.
82. Город Пермь : сборник очерков по истории, культуре и экономике города, с планом города и прил. адресного справочника / под общей редакцией Секции по изучению города ; Пермское общество краеведения. – Пермь : Перм. о-во краеведения, 1926. – VIII, 360 с., 1 л. ил.
83. Горький, А. М. Весь мир смотрит на нас // Горький, А. М. Собрание сочинений в 30 томах / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Том 26. Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1953. – 464 с., 3 л. портр.
84. Горький, А. М. О действительности // Горький, А. М. Собрание сочинений в 30 томах / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Том 25. Статьи, речи, приветствия. 1929–1931. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. – 520 с., 3 л. ил.
85. Горький, А. М. О культуре // Горький, А. М. Собрание сочинений в 30 томах / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Том 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. – 576 с., 3 л. портр.
86. Горький, А. М. О мещанстве // На литературном посту. – 1929. – № 4–5. – С. 12.
87. Гоффеншефер, В. Ц. К. Вагинов. Козлиная песнь // Молодая гвардия. – 1928. – № 12. – С. 203–204.
88. Гришина, Е. В. Типология пейзажных образов мастеров «Мира искусства» в контексте русской художественной культуры конца XIX – начала XX века : специальность 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство» : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Гришина Екатерина

- Валерьевна ; Московский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова. – Москва, 2013. – 351 с.
- 89.Грудкина, Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века: В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов : специальность 10.01.01 «Русская литература : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Грудкина Татьяна Владимировна ; Ивановский государственный университет. – Шуя, 2004. – 194 с.
- 90.Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1959. – 531 с.
- 91.Д. А. На площади звенели оркестры // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 260 (3235). – С. 3.
- 92.Данте, А. Божественная Комедия / Данте Алигьери ; перевод М. Л. Лозинского ; издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов ; [примечания И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского ; Иллюстрации С. А. Данилова ; Академия наук СССР]. – Москва : Наука, 1967. – 627 с., 13 л. ил. – (Литературные памятники).
- 93.Де Джорджи, Р. Беседы с Александрой Ивановной Федоровой (Вагиновой) // Русская литература. – 1997. – № 3. – С. 185.
- 94.Декреты Советской власти. В 14 томах. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / редакционная комиссия : Г. Д. Обичкин [и др.] ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР ; подготовка к печати : доктор исторических наук профессор С. Н. Валк [и др.]. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – XII, 626 с., 1 л. портр.
- 95.Депретто, К. «Роман с ключом» о формалистах : «Скандалист» Вениамина Каверина (1928) // Депретто, К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – С. 219–245.
- 96.Дмитренко, А. Л. К истории содружества поэтов «Островитяне» // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 24–35.

97. Дмитренко, А. Л. К истории рода Вагенгеймов // Вагинов, К. К. Песня слов. – Москва : ОГИ, 2012. – С. 348–355.
98. Дмитренко, А. Л. К проблеме интертекстуальности в поэтических произведениях Вагинова // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского / Российская академия наук, Санкт-Петербургский научный центр, Ин-т лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2001.
99. Дмитренко, А. Л. К публикации ранних текстов Вагинова // Русская литература. – 1997. – № 3. – С. 190–191.
100. Дмитренко, А. Л. Когда родился Вагинов? // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 41. – С. 228–230.
101. Дмитренко, А. Л. Статья Д. Е. Максимова о К. К. Вагине: контур неосуществленного замысла // Russian Studies : ежеквартальник русской филологии и культуры. – 2000. – Т. 3. – № 2. – С. 454–470.
102. Добужинский, М. В. Воспоминания / М. В. Добужинский ; издание подготовлено Г. И. Чугуновым ; [Академия наук СССР]. – Москва : Наука, 1987. – 477 с., [36] л. ил. – (Литературные памятники).
103. Долгополов Л. К. Андрей Белый и его «Петербург» : монография / Л. Долгополов. – Ленинград : Сов. писатель, 1988. – 413, [2] с.
104. Достоевский М. Ф. Суздаль / Милий Достоевский ; под редакцией И. Н. Бороздина. – Москва : Образование, [1917]. – 52 с., 16 л. ил. – (Культурные сокровища России. Серия художественно-исторических очерков / под общей редакцией Н. Н. Бороздина ; вып. 14).
105. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Том 5 / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; тексты подготовили и примечания составили Л. Д. Опульская [и др.] ; редактор Г. М. Фридлиндер]. – Ленинград : Наука, 1989. – 573, [2] с.

106. Дужина, Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован» = A guide to A.P. Platonov's «Story foundation pit» (Kotlovan) : учебное пособие / Н. И. Дружина. – Москва : Изд-во МГУ, 2010. – 180, [1] с. – ISBN 978-5-211-05362-5.
107. Екатеринбург за двести лет : (1723–1923): [сборник статей] / под ред. В. М. Быкова. – Екатеринбург : Юбилейная комис. Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейск. депутатов, 1923. – [18], 314 с., 16 л. ил.
108. Ермолаева, Ж. Е. Роман К. Вагинова «Козлиная песнь» : черты петербургского текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 40. – С. 66–69.
109. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений. В 7 томах. Том 1. Стихотворения / главный редактор Ю. Л. Прокушев. – Москва: Наука; Голос, 1995. – 672 с., портр. – ISBN 5-02-011245-3.
110. Жаккар, Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда : / Жан-Филипп Жаккар ; [пер. с фр.]. – Санкт-Петербург : Гуманит. агентство «Акад. проект», 1995. – 470, [1] с. : ил. – ISBN 5-7331-0050-8.
111. Жиличева, Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) : специализация 10.01.08 «Теория литературы, текстология» : диссертация на соискание степени доктора филологических наук / Жиличева Галина Александровна ; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2015. – 429 с.
112. Жить не меньше 100 лет // Вечерняя красная газета. – 1932. – 11 декабря. – № 287 (3262). – С. 3.
113. Жолковский, А. К. Il catalogo e questo... : (к поэтике списков) // Поэтика за чайным столом и другие разборы. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 651–652.
114. Жолковский, А. К. Михаил Зощенко : поэтика недоверия / А. К. Жолковский. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 393 с. : портр. – (Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-7859-0030-0.

115. Жулев, П. Н. Очерк истории Кингисеппского уезда и города Кингисеппа (бывшего Яма-Ямбурга) / П. Жулев. – Кингисепп : Отделение нар. образ. Кингисеппск. уисполкома, [1924]. – 40 с.
116. Заболоцкий Н. А. Метаморфозы / Н. Заболоцкий ; [вступление, вступительная статья и комментарий Игоря Лоцилова ; ответственный редактор Максим Омелин]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ОГИ, 2019. – С. 47.
117. Зелинский, Ф. Ф. Древне-греческая литература эпохи независимости : в 2 частях / Ф. Ф. Зелинский. – Петроград : Огни, 1919–1920.
118. Земскова, Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра : специализация 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Земскова Дарья Дмитриевна ; Московский государственный университет. – Москва, 2016. – 247 с.
119. Зощенко, М. М. Сочинения. Том 5. Голубая книга / Мих. Зощенко ; составление и примечания И. Н. Сухих. – Москва : Время, 2006. – С. 5–247.
120. Зубов, В. П. Страдные годы России / В.П. Зубов ; [вступление, статья и комментарии Т. Д. Исмагуловой]. – Москва : Индрик, 2004. – 319 с., [16] л. ил., портр. – (Deus conservat omnia / редкол.: Г.И. Вздорнов [и др.]).
121. Иванов, В. И. О русской идее // Иванов, В. И. Собрание сочинений в 4 томах. Том 3. Статьи / под редакцией Д. В. Иванова и О. Дешарт ; введение и примечания О. Дешарт. – Брюссель, 1979. – С. 321–338.
122. Из переписки М. Б. Юдиной и М. М. Бахтина : (1941–1966 гг.) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 38–86.
123. Измозик, В. С. Петербург советский : «новый человек» в старом пространстве : 1920-1930-е годы : социально-архитектурное микроисторическое исследование / В. С. Измозик, Н. Б. Лебина. – 2-е

- изд., испр. – Санкт-Петербург : Крига, 2016. – 233, [14] с. : ил. – ISBN 978-5-901805-46-6.
124. Исаченко, В. Г. Литейный проспект : [охрана памятников истории и культуры] / В. Г. Исаченко, В. Н. Питанин. – Ленинград : Лениздат, 1989. – 140, [2] с. : ил. – ISBN 5-289-00382-7.
125. Каган, М. С. История культуры Петербурга : учебное пособие : для студентов высших учебных заведений по специальности «Социально-культурная деятельность» / М. С. Каган, Е. А. Кайсаров. – [3-е изд.]. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2008. – 319, [1] с. : ил. – (Библиотека гуманитарного университета ; вып. 26).
126. Каратыгин, П. П. Летопись петербургских наводнений, 1703–1879 гг. / [Соч.] П. П. Каратыгина. – Санкт-Петербург : тип. А. С. Суворина, 1888. – 87 с.
127. Карпович, В. С. Принцип цветового оформления городских улиц в Ленинграде // Малярное дело. – 1932. – № 2. – С. 8–12.
128. Кацис, Л. Ф. «Ленинград» Михаила Козырева : (к проблеме построения «ленинградского текста») // «Вторая проза» = La «seconda prosa» : русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : [труды международной конференции «Вторая проза». Русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : (к столетию со дня рождения Л. И. Добычина). Москва, 19–22 дек. 1994 г.] / сост. В. Вестстейн [и др.]. – Trento : Dip. di scienze filol. e stor., 1995. – С. 329–354.
129. Кибальник, С. А. «Путешествие в хаос» Константина Вагинова // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVIII.* – Debrecen, 2009. – P.157–166.
130. Кибальник, С. А. «Роман с ключом» в русской прозе 1920–1930-х годов : «Женщина-мыслитель» Алексея Лосева и «Козлиная песнь» Константина Вагинова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. – 2014. – С. 24–30.

131. Кибальник, С. А. Ахматова о Вагинове и у Вагинова : (к постановке проблемы) // Некалендарный XX век : сборник статей / ответственный редактор С. Феокистова. – Москва : Азбуковник, 2011. – С. 315–327.
132. Кибальник, С. А. Вагинов К. К. Стихотворения из альбома, подаренного К. М. Маньковскому // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. – С.169–214.
133. Кибальник, С. А. Велимир Хлебников в «Козлиной песни» Константина Вагинова : (к вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. – 2014. – № 2 (29). – С. 19–31.
134. Кибальник, С. А. Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо выразимое» : экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : [по итогам Научной конференции, посвященной экфрасису, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 23–25 июня 2008 г.] / составление и научная редакция Д. В. Токарева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 484–495.
135. Кибальник, С. А. Константин Вагинов и литературный Петроград // Нева. – 1996. – № 5. – С. 197–201.
136. Кибальник, С. А. Материалы К. К. Вагинова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – С. 63–80.
137. Кибальник, С. А. Петроград 1917 года в неизвестном сборнике стихотворений К. К. Вагинова // Новый журнал. – 1993. – № 2. – С. 36–45.
138. Кибальник, С. А. Путешествие в блоковский хаос : (Конст. Вагинов) // Александр Блок : исследования и материалы / Институт русской литературы (Пушкинский дом), Российская академия наук ;

- [ответственные редакторы Н. Ю. Грякалова, А. В. Лавров]. - Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2011. – С. 102–112.
139. Кирпотин, В. Я. Ровесник железного века : мемуарная книга / Валерий Яковлевич Кирпотин ; [составление Эдуард Пашнев, Наталья Кирпотина]. – Москва : Захаров, 2005. – 842 с., [8] л. ил. – (Серия «Биографии и мемуары»). – ISBN 5-8159-0576-3.
140. Клочкова, Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.) специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Клочкова Юлия Владимировна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 243 с.
141. Книги, не рекомендуемые в массовых библиотеках : [о книге Вагинова К. Труды и дни Свистунова. (Л.), изд-во писателей в Ленинграде, 1929] // Красный библиотекарь. – 1929. – № 5–6. – С. 158.
142. Кобринский, А. А. Мнимый экфрасис : из комментариев к роману К. Вагинова «Бамбочада» // Русская литература. – 2019. – № 3. – С. 210–217.
143. Козаков, М. Э. Время плюс время : роман // Звезда. – 1932. – № 8. – С. 3–50.
144. Козюра, Е. О. Культура, текст и автор в творчестве Константина Вагинова : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Козюра Евгений Олегович ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2005. – 208 с.
145. Комелина, Н. Г. Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой / Наталья Комелина, Михаил Лурье, Светлана Подрезова. – Текст : электронный // Антропологический форум. – 2013. – № 19. – URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/19online/komelina_lure_podrezova#back1-1 (дата обращения: 23.06.2019).

146. Комова, Т. Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения: на материале западноевропейской и русской литературы XIX в. : специальность 10.01.08 «Теория литературы, текстология» : автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук / Комова Татьяна Дмитриевна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2013. – 23 с.
147. Конечный, А. М. «Тема Петербурга-Ленинграда для меня жизненная» : письма В. Н. Топорова к А. М. Конечному // Литературный факт. – 2018. – № 10. – С. 428–438.
148. Концова, Е. В. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Концова Елена Владимировна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2003. – 196 с.
149. Коровашко, А. В. Михаил Бахтин в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Вестник Нижегородского университета. Серия «Филология». – 2003. – Вып. 1. – С. 29–34.
150. Коротко обо всем // Красная газета. – 1929. – № 227 (3474). – С. 4.
151. Коротко обо всем // Красная газета. – 1929. – № 232 (3479). – С. 4.
152. Коротко обо всем // Красная газета. – 1929. – № 238 (3485). – С. 4.
153. Костин, Н. Н. Краткий очерк истории Краснослободского уезда и города Краснослободска Пензенской губернии / Н. Н. Костин. – Краснослободск, 1921. – 84 с.
154. Краснянский, М. Б. Материалы по истории гор. Ростова на Дону со дня основания первого русского поселения на территории города до учреждения Ростовского н.-Д. округа в крепости Димитрия Ростовского : 1741–1797 гг. / М. Б. Краснянский. – [Ростов на Дону] : Б. и., [1930]. – 8 с. : план. – (Записки донского археолога / т. 2).

155. К-ский, Е. Праздничный город вечером // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 260 (3235). – С. 2.
156. Кудряшова В. Наш город // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 279 (3254). – С. 2.
157. Куляпин, А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач ; ответственный редактор И. В. Силантьев ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт филологии. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 239 с. – ISBN 978-5-9551-0601-4.
158. Кумпан, К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920-х – 1930-х гг. / К. А. Кумпан. – Текст : электронный // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам : материалы проекта . – URL: <http://pushkinskiydom.ru/nauchnye-otdely/otdel-vzaimosvyazey-russkoj-i-zarubezhnyh-literatur/instituty-kultury-leningrada-na-perelome-ot-1920-h-k-1930-m-godam-materialy-proekta/> (дата обращения: 13.05.2019).
159. Курбатов, В. Я. Петербург : художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы / составитель В. Курбатов ; книжные украшения А. П. Остроумовой-Лебедевой. – Санкт-Петербург : Община св. Евгении, 1913. – VIII, 658, [6] с., 1 л. фронт. (ил.), 1 л. ил.
160. Лавров, А. В. «Производственный роман» – последний замысел Андрея Белого // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 114–134.
161. Лаврухин, Д. И. Выход на работу / Дм. Лаврухин // Ленинград : ежемесячный литературно-художественный журнал. – 1930. – № 2. – С. 45–55.
162. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание : избранные работы : [учебное пособие для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов] / Б. А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 224 с., 1 л. портр.

163. Лебедев, Г. С. Рим и Петербург : археология урбанизма и субстанция вечного города // Метафизика Петербурга. – Санкт-Петербург : Эйдос, 1993. – С. 47–62.
164. Лебина, Н. Б. Советская повседневность : нормы и аномалии : от военного коммунизма к большому стилю / Наталия Лебина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 482, [1] с., [8] л. ил. – ISBN 978-5-4448-0797-2.
165. Левенко, А. Б. Структура образа-персонажа в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Левенко Александр Бориславович ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1999. – 227 с.
166. Ленинград и Ленинградская губерния : краеведческий справочник : с приложением новейшей карты губернии / под редакцией и с предисловием Е. Я. Голанта ; Ленинградский губполитпросвет. – Ленинград : Изд-во Кн. сектора Губоно, 1925. – 164 с., 1 л. карт.
167. Ленинградская хрестоматия : (от переименования до переименования), [1924–1991] : маленькая антология великих ленинградских стихов / составитель Олег Юрьев. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. – 263 с. : ил. – ISBN 978-5-89059-366-5.
168. Летний ремонт Ленинграда. Уничтожение второй Вяземской лавры // Ленинградская правда. – 1926. – № 143. – 26 июня. – С. 6.
169. Липовецкий, М. Н. Паралогии : трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов / Марк Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 840 с. – (Новое литературное обозрение. Научное приложение ; вып. 70). – ISBN 978-5-86793-588-7.
170. Лихачев, Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление / [предисловие : Н. Я. Марр] ; Академия наук СССР, Институт языка и мышления. – Москва ; Ленинград, 1935. – Т. 3–4. – С. 47–100.

171. Лурье, Л. Я. Петербург Достоевского : исторический путеводитель / Лев Лурье. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2014. – 350 с. : ил. – ISBN 978-5-9775-0748-6.
172. Лурье, М. Л. Творцы, певцы и продавцы городских песен : (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. – 2011. – № 1. – С. 2–6.
173. Майзель, М. Г. Порнография в современной литературе // Голоса против : критических альманах / Г. Горбачев, Г. Ефимов, М. Майзель, Е. Мустаигова, Зел. Штейнман. – [Ленинград] : Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. – С. 150–151.
174. Малахов, С. А. Лирика как орудие классовой борьбы : (о крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда) // Звезда. – 1931. – № 9. – С. 161–166, 176.
175. Мандельштам, О. Э. Полное собрание стихотворений / О. Мандельштам ; [вступительные статьи М. Л. Гаспарова, А. Г. Меца ; составление, подготовка текста и примечания А. Г. Меца]. – Санкт-Петербург : Гуманитар. агентство «Акад. проект», 1997. – 718 с., [1] л. портр. – (Новая библиотека поэта). – ISBN 5-7331-0090-7.
176. Манн, Ю. В. Эволюция гоголевской фантастики // К истории русского романтизма / ред. коллегия : Ю. В. Манн [и др.] ; Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1973. – С. 219–258.
177. Матвеева, И. И. Мотив винограда в творчестве К. Вагинова: новозаветные проекции // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2018. – №4. – С. 115–123.
178. Материалы для истории Академии Наук. Том 1 : 1716–1730. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1885. – [2], IV, 732 с.
179. Медынский, Г. А. Религиозные влияния в русской литературе : очерки из истории русской художественной литературы XIX и XX в. / Г. А. Медынский ; Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. – Москва : Гаиз, 1933. – 251, [3] с.

180. Меерович, М. Г. Как власть народ к труду приучала : жилище в СССР – средство управления людьми : 1917–1941 гг. / М. Г. Меерович. – Stuttgart. Ibidem-Verlag, 2005. – 143, [3] с. – ISBN 3-89821-495-8.
181. Меерович, М. Г. Рождение и смерть города-сада : градостроительная политика в СССР, 1917–1926 гг. : (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку) / М. Г. Меерович ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Иркутский государственный технический университет. – Иркутск : ИрГТУ, 2008. – 339 с. : ил. – ISBN 978-5-8038-0514-4.
182. Меерович, М. Г. Рождение соцгорода : градостроительная политика в СССР, 1926–1932 гг. : (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа) / М. Г. Меерович ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Иркутский государственный технический университет. – Иркутск : ИрГТУ, 2008. – 472 с. : ил. – ISBN 978-5-8038-0515-1.
183. Меерович, М. Г. Социалистический город : формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. / М. Г. Меерович. // Советская социальная политика 1920–1930-х годов : идеология и повседневность. – Москва : ООО «Вариант» : ЦГСПИ, 2007. – 432 с.
184. Меерович, М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. – 2015. – № 2 (49). – С. 9–16.
185. Минц, З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм / М. В. Безродный, А. А. Данилевский // Труды по знаковым системам. XVIII : Семиотика города и городской культуры : Петербург. – Тарту, 1984. – С. 78–92.
186. Мифы провинциальной культуры : тезисы международного симпозиума, Самара, 11 мая 1992 г. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 1992.

187. Михайлов А. Д. Плутувской роман / А. Д. Михайлов, М. И. Занд // Краткая литературная энциклопедия. Том 5. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – С. 806–807.
188. Москва – Петербург : pro et contra : диалог культур в истории национального самосознания : антология / [Северно-Западное отделение Российской академии образования, Русский христианский гуманитарный институт ; составитель К. Г. Исупов ; ответственный редактор Д. К. Бурлака]. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2000. – 711 с. : ил. – (Русский путь). – ISBN 5-88812-067-7.
189. Московская, Д. С. «Давайте договоримся. Я белорус...» : воспоминания Н. П. Анциферова о А. Е. Богдановиче // М. Горький и А. Богданович : дружба, рожденная на берегах Волги : [переписка, воспоминания, архивные публикации, исследования] : 150-летию со дня рождения Максима Горького посвящается / [Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук [и др.] ; составление Д. С. Московской, И. В. Мышковец ; редколлегия : Д. С. Московская – ответственный редактор]. – Москва : Художественная литература : ИИА «Пресс-Меню», 2018. – С. 547–556.
190. Московская, Д. С. Андрей Платонов и литературные институции : к вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // *Studia Litterarum*. – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 232–251.
191. Московская, Д. С. Биография местности в русской литературе эпохи борьбы за новый быт // В поисках новой идеологии : социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; [ответственный редактор доктор филологических наук О. А. Казнина]. – Москва : ИМЛИ, 2010. – С. 60–154.
192. Московская, Д. С. В поисках слова : «странная» проза 20–30-х годов // *Вопросы литературы*. – 1999. – № 6. – С. 31–66.

193. Московская, Д. С. Из истории литературной политики XX века : «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. – 2018. – № 1. – С. 296–333.
194. Московская, Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. : проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук / Московская Дарья Сергеевна ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. – Москва, 2011. – 40 с.
195. Московская, Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. : к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения / Д. С. Московская ; Учреждение Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 431 с. : ил., портр. – (Научная серия «История русской литературы 1920–1930-х гг.»).
196. Московская, Д. С. Наследие Н. П. Анциферова и задачи современной энциклопедии литературных музеев // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. Центр интеллектуальной истории. – Москва, 2015. – Вып. 52. – С. 243–255 (В соавторстве с Н. В. Корниенко).
197. Московская, Д. С. Неизвестное стихотворение Александра Введенского «Сатира на женатых» : к истории темы // Новый филологический вестник. – 2018. – № 3 (46). – С. 162–173.
198. Московская, Д. С. О значении природно-архитектурного ландшафта в платоновских ремарках : (на материале киносценария «Турбинчики» и пьесы «Объявление о смерти») // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества / редактор-

- составитель Н. В. Корниенко. – Москва : ИМЛИ РАН, 2011. – Вып. 7. – С. 67–73.
199. Московская, Д. С. Поставангард в русской прозе 1920–1930-х годов : (генезис и проблемы поэтики) : специальность 10.01.08 «Теория литературы» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Московская Дарья Сергеевна ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. – Москва, 1993. – 191 с.
200. Московская, Д. С. Проблемы урбанизма в историко-литературном процессе 1930-х гг. : (Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте «История русских городов как история русского быта» : по архивным материалам) // *Studia Litterarum*. – 2016. – № 1–2. – С. 286–302.
201. Московская, Д. С. Русская земля и золотой век : А. Платонов, К. Вагинов, Н. Заболоцкий, Л. Добычин : точки соприкосновения // Московская, Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. : к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 248–352.
202. Московская, Д. С. Финал «ленинградской сказки» Константина Вагинова // *Вестник славянских культур*. – 2010. – № 4 (XVIII). – С. 54–60.
203. Московская, Д. С. Частные мыслители» 30-х годов : поставангард в русской прозе // *Вопросы философии*. – 1993. – № 8. – С. 97–104.
204. Московская, Д. С. Человек в ловушке воплощенного слова : антиутопия 30-х годов // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 3. – С. 141–151.
205. Набоков, В. В. Стихотворения / В. В. Набоков ; [вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. Э. Маликовой]. – Санкт-Петербург : Академ. проект, 2002. – 655, [1] с., [8] л. ил., портр., факс. – (Новая библиотека поэта).

206. Найман, Э. Чубаровское дело : групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство : статьи о культуре, литературе и кино : к 60-летию Х. Гюнтера / под редакцией [и с предисловием] М. Балиной [и др.]. – Санкт-Петербург : Акад. проект, 2002. – С. 52–82.
207. Некрасов, А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь / Проф. А. И. Некрасов. – Москва : Т-во «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1924. – 95 с. : ил.
208. Никольская, Т. Л. Гумилев Н. и Лукницкий П. в романе Вагинова «Козлиная песнь» // Никольская, Т. Л. Авангард и окрестности. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 214–220.
209. Никольская, Т. Л. Дополнения к библиографии К. Вагинова // Шестые Тыняновские чтения : тезисы докладов и материалы для обсуждения. – Рига : Б. и. ; Москва : Б. и., 1992. – С. 301–306.
210. Никольская, Т. Л. Жизнь и поэзия Константина Вагинова / Т. Л. Никольская, В. И. Эрль // Никольская, Т. Л. Авангард и окрестности. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 181–213.
211. Никольская, Т. Л. К. К. Вагинов : (канва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения, Резекне – Даугавпилс, 4–6 июня 1988 г. ; редколлегия : М. О. Чудакова (ответственный редактор) [и др.]. – Рига : Зинатне, 1990. – С. 67–88.
212. Никольская, Т. Л. Константин Вагинов, его время и книги // Вагинов, К. К. Козлиная песнь : романы. – Москва : Современник, 1991. С. 3–11.
213. Никольская, Т. Л. Н. Гумилёв и П. Лукницкий в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилев : исследования и материалы : библиография / Российская академия наук, Институт русской литературы ; составители : М. Д. Эльзон, Н. А. Грознова ; редколлегия : Ю. К. Герасимов [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука : Санкт-Петербургская издательская фирма, 1994. – С. 620–625.

214. Об Александре Блоке / статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского [и др.] ; [марка работы А. Я. Головина]. – Петербург : Картон. домик, 1921. – 336, [2] с.
215. Орлова, М. А. Жанровая природа романа Константина Вагинова «Козлиная песнь» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Орлова Мария Александровна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. – 153 с.
216. Оружейников, Н. Рапорт писателей // Книга и пролетарская революция. – 1934. – № 3. – С. 16.
217. Осповат, А. Л. «Печальну повесть сохранить...» : об авторе и читателях «Медного всадника» / А. Л. Осповат, Р. Д. Тименчик. – Москва: Книга, 1985. – 303 с. : ил. – (Судьбы книг).
218. Павлов, Е. В. Умерщвляющее письмо : ленинградское барокко Константина Вагинова // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 149. – С. 74–91.
219. Пахомова, А. Источники текста последней поэтической книги К. К. Вагинова «Звукоподобие» // Летняя школа по русской литературе. – 2015. – Т. 11. – № 3. – С. 250–261.
220. Пахомова, А. Константин Вагинов в Ленинградском союзе поэтов // Летняя школа по русской литературе. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 303–316.
221. Пахомова, А. Поэма К. К. Вагинова «<1925 год>» проблемы поэтики и текстологии // Летняя школа по русской литературе. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 202–215.
222. Первый всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет / под редакцией И. К. Луппол, М. М. Розенталь, С. М. Третьякова. – Москва : Гослитиздат, 1934. – VI, 718 с.
223. Петербургский трамвай : история и современность : 100 лет регулярного движения трамвая / составители : Г. А. Иванова [и др.]. –

- Санкт-Петербург : Лики России, 2007. – 27, [1] с. : ил. – ISBN 978-5-87417-240-4.
224. План Ленинграда с указателем / Государственный картографический институт. – Ленинград, 1929. – 1 л.
225. Платонов, А. П. Котлован : текст, материалы творческой истории / Андрей Платонов ; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 378,[2] с., [9] л. факс., портр. – ISBN 5-02-028425-4.
226. Плутувской роман / вступительная статья Н. Томашевского ; примечания С. Ереминой, Е. Лысенко. – Москва : Худож. лит., 1975. – 559 с., 16 л. ил. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Литература древнего Востока, античного мира, средних веков, Возрождения, XVII и XVIII веков; т. 40).
227. Подлесных, А. С. Геопэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Подлесных Алена Сергеевна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 190 с.
228. Подшивалова, Е. А. Блок в зеркале Вагинова // Александр Блок и мировая культура : материалы научной конференции, 14–17 марта 2000 г / составитель Т. В. Игошева ; Министерство образования Российской Федерации, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : НовГУ, 2000. – С. 308–316.
229. Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание : сборник популярных лингвистических статей / Е. Поливанов. – Москва : Федерация, 1931. – 181, [2] с., 1 с. объявл.
230. Поливанов, Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию : избранные работы / Е. Д. Поливанов; вступительная статья А. А. Леонтьева [и др.] ; Академия наук СССР, Институт народов Азии, Отделение литературы

- и языка, Комиссия по истории филологических наук]. – Москва : Наука, 1968. – С. 206–224.
231. Попов, А. Н. Город Архангельск : история, культура, экономика : краткий краеведческий очерк с приложением плана / А. Н. Попов ; Архангельское общество краеведения. – Архангельск : тип. «Северный печатник», 1928. – 62 с., [7] вклад. л. ил.
232. Постановление II съезда Советов СССР от 26.01.1924 о переименовании Петрограда в Ленинград // Второй съезд советов Союза Советских Социалистических Республик : стенографический отчет. – Москва : Издание ЦИК Союза ССР, 1924. – 224 с.
233. Правая опасность в области искусства // На литературном посту. – 1929. – № 4–5. – С. 4–6.
234. Провинция как реальность и объект осмысления : материалы научной конференции «Провинциальный текст русской культуры. 2001. Путешествие в провинциальную Россию», Тверь, 29.08–1.09.2001 / составители А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов ; Министерство образования Российской Федерации, Тверской государственный университет. – Тверь : ТГУ, 2001. – 225, [2] с. – ISBN 5-6600-7591.
235. Провинция как социокультурный феномен : сборник научных трудов участников VIII Международной конференции «Российская провинция как социокультурный феномен», Кострома, 18–27 мая 2000 г. / Министерство образования Российской Федерации, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2000. – Том 4, часть 2. – 64 с. – ISBN 5-7591-0368-7.
236. Пуляевский, Л. А. Очерк по истории г. Нерчинска : (к 275-летию города в ноябре 1928 г.) / Л. А. Пуляевский ; Нерчинский музей местного края и Нерчинское отделение Дальневосточного общества краеведения. – Нерчинск : Б. и., 1929. – 20 с.
237. Пумпянский, Л. В. Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский ; составители Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев ; ответственный редактор А. П. Чудаков ;

- вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. И. Николаев.
– Москва : Яз. рус. культуры : А. Кошелев, 2000. – 864 с., [1] л. портр. –
(Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-7859-0092-0.
238. Пурин, А. А. Опыты Константина Вагинова // Новый мир. – 1993.
– № 8. – С. 221–233.
239. Путеводитель по Ленинграду : с приложением нового плана г.
Ленинграда. – Ленинград : Изд. и тип. изд-ва Леноблисполкома и
Ленсовета, 1933. – VIII, 340, 90 с., из них часть с. объявл., 1 вкл. л. крас.
план.
240. Пушкин, А. С. Медный всадник : петербургская повесть //
Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 16 томах / Пушкин ;
редакционный комитет : Максим Горький, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-
Бруевич [и др.] ; Академия наук СССР. Том 5 : Поэмы, 1825–1833. –
Москва ; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 131–150.
241. Пушкин, А. С. Пир во время чумы // Пушкин, А. С. Собрание
сочинений : в 10 томах / А. Пушкин ; под общей редакцией Д. Д.
Благого [и др.]. Том 4 : Евгений Онегин : драматические произведения /
примечания Д. Д. Благого и С. М. Бонди. – Москва : Гослитиздат, 1960.
С. 371–382.
242. Региональные культурные ландшафты : теоретические и
региональные исследования : третий юбилейный выпуск трудов
семинара «Культурный ландшафт» / ответственные редакторы В. Н.
Калуцков, Т. М. Красовская. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. –
170, [1] с. : ил. – ISBN 5-211-06000-8.
243. Рест, Б. Письма с дискуссионных собраний ВССП в Ленинграде :
[ответное слово К. Вагинова С. Малахову] // Литературная газета. –
1931. – 5 сент. – № 48 (147). – С. 3.
244. Рудаков, С. Б. О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к
жене (1935-1936) / вступительная статья А. Г. Меца и Е. А. Тодеса ;
публикация и подготовка текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца ;
комментарии О. Ш. Лекманова, А. Г. Меца, Е. А. Тодеса // Ежегодник

- Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 8–236.
245. Русская поэзия Китая : антология / составители Вадим Крейд и Ольга Бакич. – Москва : Время, 2001. – 718, [1] с. : ил. – (Серия «Поэтическая библиотека. Русская зарубежная поэзия»). – ISBN 5-94117-009-2.
246. Русская провинция : миф – текст – реальность / Научный совет по истории мировой культуры Российской академии наук [и др.] ; составители : А. Ф. Белоусов и Т. В. Цивьян ; редактор : В. Н. Сажин. – Москва ; Санкт-Петербург : Тема, 2000. – 490, [2] с. : ил. – ISBN 5-9210-0017-5.
247. Самоделова, Е. А. Гастрономическая поэтика Е. А. Есенина и народная пищевая культура / Е. А. Самоделова. – Рязань : РИНФО, 2012. – 373 с. : ил. – (Рязанский этнографический вестник / главный редактор В. В. Коростылев ; № 48). – ISSN: 1819-2246.
248. Сегал, Д. М. Константин Вагинов и античность // Античность и культура Серебряного века : [по материалам Международной научной конференции XII Лосевские чтения, октябрь 2007 г.] : к 85-летию А. А. Тахо-Годи ; редколлегия : Роберт Берд [и др.]. – Москва : Наука, 2010. – С. 395–412.
249. Седакова, О. А. Перевести Данте // Знамя. – 2017. – № 2. – С. 151–184.
250. Селивановский, А. П. Островитяне искусства // Селивановский, А. П. В литературных боях : избранные статьи и исследования : (1927–1936) / [составление и примечания Н. П. Стальского ; предисловие Ф. Левина и Н. Стальского]. – Москва : Сов. писатель, 1959. – С. 126–130.
251. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет : (1917–1926) / А. М. Селищев. – 2-е изд. – Москва : Работник просвещения, 1928. – 248 с.

252. Семенцов, С. В. Градостроительство Петрограда-Ленинграда : от революционного разгрома 1917–1918 годов к возрождению 1935 года // Вестник СПбГУ. Сер. 15. – 2012. – Вып. 1. – С. 130–143.
253. «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / [вступительная статья, составление, комментарии, аннотированный указатель Е. Лемминга]. – Москва : АГРАФ, 2004. – 539,[1] с. : ил. – (Символы времени). – ISBN 5-7784-0284-8.
254. Сидякина, А. А. Литературная жизнь Перми 1970-80-х годов: история поэтического андеграунда : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Сидякина Анна Александровна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2001. – 203 с.
255. Синева, Е. Н. Проблема двойничества в русской литературе XX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Синева Елена Николаевна ; Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2004. – 26 с.
256. Сеницкая, А. В. Пространственность и метафорический сюжет : на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова : специальность 10.01.08 «Теория литературы, текстология» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Сеницкая Анна Владимировна ; Самарский государственный университет. – Самара, 2004. – 202 с.
257. Синявский, А. Д. Что такое социалистический реализм / Абрам Терц. – Париж : SYNTAXIS, 1988. – 64 с.
258. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / Общество «Мемориал», Государственный архив Российской Федерации ; [составитель М. Б. Смирнов ; научные редакторы Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский]. – Москва : Звенья, 1999. – 599 с., карт. – ISBN 5-7870-0022-6.

259. Сквородников, М. Юнкер // Ленинград : ежемесячный литературно-художественный журнал. – 1930. – № 2. – С. 107–110.
260. Смирнов, И. П. Философский роман как метакитч : «Козлиная песнь» Константина Вагинова // Смирнов, И. П. Текстотомия : как литература отзывается на философию / И. П. Смирнов. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. – С. 97–115.
261. Советское градостроительство 1920–1930-х годов : новые исследования и материалы / Российская академия архитектуры и строительства наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства ; составитель и ответственный редактор Ю. Л. Косенкова. – Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 379 с. : ил. – ISBN 978-5-397-01301-7.
262. Соловьев В. Как время бежит // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 279 (3254). – С. 2.
263. Социализм побеждает // Вечерняя красная газета. – 1932. – № 259 (3234). – С. 1.
264. Сталин, И. В. Итоги первой пятилетки : (доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) – 7 января 1933 г.) // Борьба классов. – 1933. – № 1. – С. 2–27.
265. Станюкович, Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук / Т. В. Станюкович ; Академия наук СССР, Институт этнографии. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 240 с., 10 л. ил.
266. Степун, Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / Федор Августович Степун ; составитель В. К. Кантор. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 50–51.
267. «Счастье литературы» : государство и писатели : 1925–1938 гг. : документы / составитель Д. Л. Бабиченко. – Москва : РОССПЭН, 1997. – [2], IV, 319 с., [4] л. ил. – ISBN 5-86004-130-6.

268. Тартаковский, П. И. «Свет вечерний шафранного края...»: (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина) / П. И. Тартаковский. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1981. – 208 с.
269. Тартаковский, П. И. Русская поэзия и Восток : 1800–1950 : опыт библиографии / П. И. Тартаковский ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Москва : Наука, 1975. – 180 с.
270. Тартаковский, П. И. Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока / П. И. Тартаковский ; Академия наук УзССР, Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина. – Ташкент : Фан, 1977. – 333 с.
271. Тартаковский, П. И. Русские поэты и Восток : Бунин. Хлебников. Есенин : статьи / П. И. Тартаковский. – Ташкент : Изд-во литературы и искусства, 1986. – 252, [2] с.
272. Тименчик, Р. Д. Подземные классики : Иннокентий Анненский, Николай Гумилев / Роман Тименчик. – Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2017. – 772, [2] с. : ил., портр. – (Вид с горы Скопус). – ISBN 978-5-59273-402-5.
273. Топоров, В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы : (введение в тему) // Семиотика пространства и пространство семиотики / редколлегия : М. Л. Гаспаров [и др.] ; ответственный редактор серии Ю. М. Лотман ; редактор тома А. Э. Мальц ; Тартуский государственный университет. – Тарту : ТГУ, 1984. – С. 4–29.
274. Топоров, В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы : (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс : Культура, [1995]. – С. 259–367.
275. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / В. Н. Топоров ; [редактор Н. Г. Николаюк]. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2003. – 612 с. : ил. – ISBN 5210015459.

276. Трамвай в Санкт-Петербурге / авторы-составители : М. Н. Величенко [и др.] ; ответственный редактор : М. Н. Величенко. – Санкт-Петербург : Лики России, 2007. – 414, [1] с. : ил. – ISBN 978-5-87417-249-7.
277. Триста лет города Красноярска : 1628–1928 / [статьи В. А. Смирнова, А. К. Фефеловой]. – Красноярск : Городской совет, 1928. – 48 с.
указатель имен А. И. Добкина]. – Москва : Феникс : Культурная инициатива, 1992. – 511, [1] с., [16] л. ил. – ISBN 5-85042-060-6.
278. Успенский, П. Ф. К. Вагинов и русский символизм : ранние опыты и «Козлиная песнь» в свете прозы Андрея Белого / П. Ф. Успенский, Н. И. Фаликова // Русская литература. – 2017. – № 2. – С. 122–153.
279. Хармс – авангард : [материалы международной научной конференции «Даниил Хармс : авангард в действии и в отмирании. К 100-летию со дня рождения поэта» : (филологический факультет. Белград, 14–18 декабря 2005 г. / редактор-составитель профессор доктор Корнелия Ичин]. – Белград : ФФБУ, 2006. – 503 с., [4] л. цв. ил. – ISBN 86-86419-00-3.
280. Ходасевич, В. Ф. Язык Ленина // Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 8 томах. Том 2 : Критика и публицистика, 1905–1927 / [вступительная статья Р. Хьюза]. – Москва : Русский путь, 2010. – С. 308–309.
281. Цивьян, Т. В. К семантике и поэтике вещи : (несколько примеров из русской прозы XX века) // Аequinox МСМХСІІІ : [сборник] / редакторы-составители Е. Г. Рабинович, И. Г. Вишневецкий. – Москва, 1993. – С. 224–227.
282. Чернавин, В. В. Записки «вредителя» ; Побег из ГУЛАГа / Владимир Татьяна Чернавины. – Санкт-Петербург : Канон, 1999. – 490, [5] с., [6] л. ил., портр., факс.

283. Четыре поколения : (Нарвская застава) : [композиция] / организатор книги : С. Д. Спасский ; сбор материала, редакция, композиция : С. Д. Спасский, А. Г. Ульяновский ; в сборе материала принимали участие : К. К. Вагинов, П. К. Чуковский. – Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933 – 553, [7] с. : ил.
284. Чубаровщина : по материалам судебного процесса / под редакцией В. С. Брука, старший помощник прокурора Ленинградской губернии. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. – 95 с. : портр.
285. Чудакова, М. О. Поэтика Михаила Зощенко / М. О. Чудакова. – Москва : Наука, 1979. – 200 с., 1 л. портр. – (Серия «Литературоведение и языкознание»).
286. Чураков, В. Н. Цвета Петербурга. Часть 3. Годы коммунистической власти (1917–1991) / Владимир Николаевич Чураков // Фонтанка : культурно-исторический альманах. – Санкт-Петербург, 2015. – № 18. – С. 5–21.
287. Шабашов, Д. В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Шабашов Дмитрий Валерьевич ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2007. – 207 с.
288. Шатова, И. Н. Криптографический карнавал М. Кузмина, К. Вагинова, Д. Хармса : исследования и разборы / И. Н. Шатова ; Классический приватный университет. – Запорожье : КПУ, 2012. – 312 с. – ISBN 966-414-180-9.
289. Шефнер, В. С. Бархатный путь // Звезда. – 1995. – № 4. – С. 26–81.
290. Шиндина, О. В. В. Каверин и К. Вагинов : метатекстуальные поиски / О. В. Шиндина // Серапионовы братья : философско-эстетические и культурно-исторические аспекты : [материалы международной научной конференции, Саратов, 12–14 октября 2011 года] : к 90-летию образования литературной группы / [редколлегия :

- Л. Ю. Коновалова (ответственный редактор) и др.]. – Саратов : Орион, 2011. – С. 183–191.
291. Шиндина, О. В. Гротеск в художественном мире Вагинова : общий взгляд / О. В. Шиндина // Гротеск в литературе : материалы конференции к 75-летию профессора Ю. В. Манна / редакторы Н. Д. Тмарченко, В. Я. Малкина, Ю. В. Доманский. – Москва ; Тверь : РГГУ, 2004. – С. 66–67.
292. Шиндина, О. В. К интерпретации романа Вагинова «Козлиная песнь» / Ольга Шиндина // *Russian Literature*. – 1993. – Vol. XXXIV. – № 2. – С. 219–239.
293. Шиндина, О. В. К соотношению культурного и исторического начал в ранней прозе Константина Вагинова / Ольга Шиндина // *Russian Literature*. – 2002. – Vol. 51. – № 2. – С. 215–241.
294. Шиндина, О. В. Некоторые аспекты растительной символики в романе Вагинова «Козлиная песнь» / О. В. Шиндина // Поэзия и живопись : сборник трудов памяти Н. И. Харджиева / составление и общая редакция М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. – Москва : Яз. рус. культуры : А. Кошелев, 2000. – С. 803–812.
295. Шиндина, О. В. Некоторые особенности ранней прозы Вагинова / О. В. Шиндина // Михаил Кузмин и русская культура XX века : тезисы и материалы конференции, 15–17 мая 1990 г. / Совет по истории мировой культуры Академии наук СССР, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме ; [составление и редакция. Г. А. Морева]. – Ленинград, 1990. – С. 103–107.
296. Шиндина, О. В. О метатекстуальной образности романа Вагинова «Труды и дни Свистонова» / О. В. Шиндина // «Вторая проза» = *La «seconda prosa»* : русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : [труды международной конференции «Вторая проза». Русская проза 20-х – 30-х гг. XX в. : (к столетию со дня рождения Л. И. Добычина). Москва, 19–22 дек. 1994 г.] / сост. В. Вестстейн [и др.]. – Trento : Dip. di scienze filol. e stor., 1995. – С. 153–177.

297. Шиндина, О. В. О некоторых содержательных особенностях романа Вагинова «Гарпагониана» // Russian Literature. – 2003. – Vol. 53. – № 4. – С. 452–469.
298. Шиндина, О. В. Творчество К. К. Вагинова как метатекст : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Шиндина Ольга Викторовна ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 229 с.
299. Широков, В. А. Константин Вагинов : систематизатор культуры, или Гиперборейский Орфей? / Виктор Широков. – Текст : электронный // Простор. – 2013. – № 7. – URL: <http://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2013/2013-7/2013%20-%207%20-%2014.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).
300. Шкловский, В. Б. Ленин, как деканонизатор / Виктор Шкловский // Леф. – 1924. – № 1. – С. 53–139.
301. Шубникова-Гусева, Н. И. С. А. Есенин в жизни и творчестве / Н. И. Шубникова-Гусева. – 2-е изд. – Москва : Рус. слово, 2003. – 108, [3] с. : ил. – ISBN 5948531848.
302. Шукуров, Д. Л. Автор и герой в метаповествовании К. К. Вагинова / Д. Л. Шукуров ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2006. – 187 с. – ISBN 9785894824208.
303. Шукуров, Д. Л. Герметизм артистического универсума К. Вагинова / Д. Л. Шукуров // Вопросы онтологической поэтики : потаенная литература : исследования и материалы / Ивановский государственный университет ; [редколлегия : А. Ю. Морыганов (ответственный редактор) и др.]. – Иваново : ИвГУ : Иваново, 1998. – С. 115–122.
304. Шукуров, Д. Л. Поэтика «чужого слова» в творчестве К. К. Вагинова : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Шукуров

- Дмитрий Леонидович ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 1998. – 228 с.
305. Щеглов, Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Щеглов ; [составители : А. К. Жолковский, В. А. Щеглова ; Российский государственный гуманитарный университет]. – Москва : ИЦ РГГУ, 2014. – 955, [4] с. : ил. – ISBN 978-5-7281-1314-0.
306. Экземплярский, П. М. Село Иваново в начале XIX столетия : (к истории города Иваново-Вознесенска) / П. М. Экземплярский. – Иваново-Вознесенск : Губ. науч. о-во краеведения, 1925. – 23 с.
307. Эртнер, Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века / Е. Н. Эртнер ; Российская Федерация, Министерство образования и науки, Тюменский государственный университет. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2005. – 211 с. – ISBN 5-88081-451-3.
308. Яров, С. В. Петроград на переломе эпох : город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С. Яров, Е. Балашов, В. Мусаев [и др.]. – Москва : Центрполиграф ; Санкт-Петербург : Русская тройка-Санкт-Петербург, 2013. – 542, [1] с. : ил. – ISBN 978-5-227-04577-5.
309. Goldman, E. My disillusionment in Russia / Emma Goldman. – Garden City (N. Y.) : Doubleday, Page & co., 1923. – XXIV, 242 p.
310. Malmstad, J. Mikhail Kuzmin : a chronicle of his life and time // Кузмин, М. А. Собрание стихотворений : в 3 томах. Том 3 / редакция, комментарии И. Е. Мальмштад, В. Маркова ; Meisenhem-Glan. Hain-Druck. – München : Wilhelm Fink. – С. 7–319.
311. Ransome, A. Russia in 1919 / Arthur Ransome. – New York : B.W. Huebsch, 1919. – 232 p.